

1.2023

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

1. 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики
по национальной политике,
внешним связям, печати и
информации

Адрес учредителя: 364060,
г. Грозный, бульвар С. Дудаева, 8.

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере свя-
зи, информационных технологи-
гий и массовых коммуникаций
по Чеченской Республике 05
февраля 2014 г. Регистрацион-
ное свидетельство
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Директор
ГАУ «Издательский дом»
**Сулиман
Мовлаевич Мусаев**

Главный редактор
**Сулиман
Мовлаевич Мусаев**

Редколлегия:

М. Ахмадов
М. Магомадов
З. Алиева
С. Алиев
Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
А. Умарова

Адрес редакции/издателя: 364024
г. Грозный, ул. Н. Назарбаева, 92

Тел.: 8 965-959-56-81

Е-mail:

izdatelskiy_dom2019@mail.ru
Сайт: <http://www.izdat-dom.ru>

Журнал выходит один раз
в квартал. 16+

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdatdomchr

izdat_dom_chr95

СОДЕРЖАНИЕ

КО ДНЮ КОНСТИТУЦИИ ЧР

Мовла ОСМАЕВ.
Роль личности в судьбе народа. 2

ПАМЯТЬ

Зулай САЙДУМОВА.
Благодарная память. Воспоминание. 94

НОХЧИЙН МЕТТАН ШО

Мусаев МОХЬМАД.
Таймин Бийболат. 7

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Марета ТАМБИЕВА.
Моя отболевшая осень. Стихи. 33
Вадим РАХМАНОВ.
Диалог с луной. Стихи. 72

ПРОЗА

Имран ИСМАИЛОВ.
Линия судьбы. Документальная повесть. *Продолжение.* 36
Руслан ЯСАКОВ.
Дед и внук. Новелла. 66
Элита ДАДАКАЕВА.
Махмуд. Рассказ. 98

ПОЭЗИЯ

Майрбек ЛУЛУЕВ.
Святое чувство. Стихи. 61
Шерип ДЖАБРАИЛОВ.
На письменной охоте. Стихи. 76

ОЧЕРК

Мухмет АМИРОВ.
Падение Ингилика. Очерк. 82

ИСТОРИЯ

Мохмад-Салах СЕЛЯХОВ.
*Триада, способная укрепить дух и
возвысить над мелочами жизни.* 100

ПУБЛИЦИСТИКА

Рауль ВАГАПОВ.
*Развитие библиотечного дела
в Чечне и Ингушетии в 1920-1980-е годы.* 102

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ..... 112

*Ко Дню Конституции ЧР***Мовла Осмаев****Роль личности в судьбе народа**

Волею судьбы я был в числе тех, кого взял в команду Первый Президент Чеченской Республики Герой России А.-Х.А. Кадыров в самое сложное и судьбоносное время, назначив меня в августе 2000 года министром культуры ЧР. Мне довелось быть рядом с ним с первых дней назначения на эту должность и до конца его жизни. Поэтому есть что вспомнить и рассказать. Но я пока остановлюсь только лишь на сфере культуры и искусств.

Ахмат-Хаджи был сильной, мужественной личностью и мудрым политиком, имел дар влияния на людей различных социальных слоев и был настроен на всемерную государственную поддержку процесса развития национальной культуры как важнейшего фактора формирования высокой духовности общества. Он искренне переживал за поверженную культуру, думал над тем, как бы ускорить процесс ее возрождения и развития.

Материально-техническая база сферы культуры и искусств Чеченской Республики в тот период состояла из все еще дымившихся руин республиканских и грозненских городских учреждений. Также сильно пострадала инфраструктура районных и сельских объектов культуры, которые были брошены на произвол судьбы дудаевско-масхадовскими режимами, а затем добыты двумя военными кампаниями.

Вот в таких неимоверно тяжелых условиях пришлось начинать возрождение сферы культуры и искусств, когда была уничтожена не только вся материальная база культурного наследия народа, но произошло его духовно-нравственное обнищание и утеряны были ценностные ориентиры.

Особенно тяжелыми были первые месяцы после воссоздания министерства культуры. Но придавало оптимизма то, что Ахмат-Хаджи Кадыров, при всей своей чрезмерной занятости, оперативно реагировал, а порой и сам выдвигал неожиданные предложения относительно определения приоритетов на начальном этапе возрождения культуры.

Он горячо поддержал нашу идею о выработке обращения ко всем деятелям культуры и искусств, вынужденно покинувшим Чеченскую Республику в годы социальных потрясений. Обращение такое, под названием «Время собирать камни», было опубликовано во всех республиканских и некоторых российских средствах массовой информации.

В числе первых, кто вернулся домой, были Валид Дагаев, Шита Эдилсултанов, Тамара Дадашева, Макка Межиева, Мовлад Хомдиев, Раиса Кагерманова, Таус Мусаева и др. Хотя и не работала в данной сфере, но с первого дня активно втянулась в работу и проявила великолепные способности в деле организации работы аппарата министерства заместитель министра – начальник организационного отдела Тумиша Азизова.

Было ясно, что следует вернуть к творческой жизни такие символы национальной культуры, как Чеченский государственный драматический театр

им. Х. Нурадилова, Государственная филармония и Государственный ансамбль танца «Вайнах».

В начале 2001 года провели своеобразный мониторинг возрастного ценза артистов Чеченского драматического театра и ансамбля танца «Вайнах». Выявилось, что средний возраст актеров театра составил 49 лет – налицо было старение коллектива. Также перевалил возрастной барьер и у значительной части артистов балета ансамбля «Вайнах». Во втором случае мы открыли при ансамбле школу-студию, ввели в штатную структуру министерства детский ансамбль песни и танца «Даймохк». Кстати, этот коллектив ежегодно, начиная с 2000 года, успешно выступает на международных фестивалях в ряде европейских стран, особенно в Великобритании, Франции, Бельгии. Таким образом, была решена проблема создания кадрового резерва ансамбля «Вайнах».

В целях восполнения актерского персонала театра им. Х. Нурадилова и возрождения творческой деятельности театра и ансамбля «Вайнах» в сентябре 2000 года Ахмат-Хаджи Кадыров и я встретились с тогдашним министром культуры России Михаилом Швыдким. В результате эти коллективы были отправлены на базу отдыха Кубанского театрального объединения «Премьера» (г. Анапа) для возобновления репертуара и подготовки новой концертной программы. Здесь артисты вместе с семьями пробыли примерно полгода, затем более года жили в пансионате «Нарт» (г. Нальчик). Это полуторагодовое пребывание в санаторно-курортных условиях содействовало морально-психологической реабилитации артистов и членов их семей, и попутно была решена задача возрождения этих коллективов: пошив костюмов, изготовление декораций, реквизита, приобретение музыкальных инструментов.

Официальное возрождение Чеченского драматического театра им. Х. Нурадилова по случаю 70-летия его основания было отмечено в г. Краснодаре в июне 2001 года. Впервые за всю историю коллектива была получена по этому поводу поздравительная телеграмма от первого лица государства – Президента РФ В. В. Путина. В ней он писал: «Дорогие друзья! Поздравляю вас со знаменательным событием – 70-летием со дня основания вашего театра. В это нелегкое для Чеченской Республики время вы по-прежнему вместе со своим зрителем и служите ему, представляя на своих подмостках лучшие образцы мировой, русской и национальной драматургии. Ваше творчество – это исключительный пример мужества и преданности своему делу.

Уверен, и в дальнейшем славные традиции театра будут приумножены.

Желаю вам доброго здоровья, успехов, мира и благополучия».

Первые выступления ансамбля «Вайнах» с обновленной концертной программой состоялись в гг. Краснодар, Нальчик, а затем 29 марта 2002 года в Москве, в Государственном концертном зале «Россия». На нем присутствовал и Ахмат-Хаджи Кадыров. Он поздравил коллектив «Вайнаха» с возрождением и обещал ансамблю комфортабельный многоместный автобус. Через некоторое время коллектив получил автобус «Мерседес». Огромную радость доставил танцорам этот подарок: теперь они мобильны в плане организации гастрольных поездок не только внутри страны, но и за ее пределами.

В целях восстановления возрастного баланса, опять же с помощью министра

культуры России М. Е. Швыдкого, решено было открыть чеченскую актерскую студию «Нахи» при Московском государственном университете культуры и искусств, а также было подписано Соглашение между министерствами культуры Российской Федерации и Чеченской Республики – о подготовке актерских кадров на базе данного учебного заведения.

В университет были зачислены 25 юношей и девушек из числа чеченской молодежи. На их содержание, бытовое обустройство, питание, проживание, костюмы, артистический реквизит ежегодно министерство культуры России выделяло в среднем 4,5 млн рублей. Незаметно прошли пять лет обучения в МГУКИ. И вот, уже в июне 2006 года, на московской сцене, в академическом Малом театре, состоялась премьера спектакля «Бож-Али», по пьесе Абдул-Хамида Хамидова, в постановке членов студии «Нахи». С премьерой состоялось и актерское пополнение труппы чеченского и русского театров.

Неоднократно встречались мы с генеральным директором Государственной Третьяковской галереи В. А. Родионовым. Нами была объявлена Международная благотворительная акция «Вернем Грозному музей», в рамках которой был проведен ряд мероприятий художественного направления – как в самой Третьяковке, так и в Грозном. Был выпущен сборник материалов, под названием «Вернем Грозному музей», со вступительным словом А. А. Кадырова.

Так, в начале 2003 года, при поддержке дирекции Государственной Третьяковской галереи, был подготовлен проект Соглашения по вопросу воссоздания Национального музея Чеченской Республики имени П. З. Захарова, в комплексе с Центром детского творчества, спорта и реабилитации в г. Грозном. Соглашение это было утверждено Президентом Чеченской Республики А. А. Кадыровым, который горячо поддерживал идею возрождения музея. Особенно он стал ратовать за музей после возвращения из поездки в арабские страны, где в г. Дамаске посетил Сирийский национальный музей.

Искренне радовался А. А. Кадыров каждой подвижке на пути возрождения культуры. На любое приглашение участия в значимых культурных мероприятиях он охотно откликался, хотя было все еще небезопасно передвигаться по республике.

Июнь 2001 года. Торжества по поводу ввода в эксплуатацию восстановленного здания Дворца культуры Ножай-Юртовского района. На открытие приехал Ахмат-Хаджи Кадыров. Площадь перед Дворцом культуры буквально запружена народом. Ясный, солнечный день. Как бывает в подобных случаях у чеченцев, собрался импровизированный ловзар. Гармонь выдавала зажигательную лезгинку. Глава района Йисита Гайрбекова попросила станцевать Ахмат-Хаджи Кадырова. Его уговаривать не пришлось – у чеченцев не принято в таком случае отказывать женщине. Бывший муфтий, высшее должностное лицо республики, лихо отплясал лезгинку. Радости ножай-юртовцев не было границ. Если танцует Президент республики, значит, быть переменам в лучшую сторону, а душа народа – прекрасная провидица.

На базе Литературно-этнографического музея им. Л.Н. Толстого в ст. Старогладовской Шелковского района, также в июне 2001 года, состоялись торжества по случаю 150-летия первого приезда в Чечню Л. Н. Толстого. На них присутствовал Ахмат-Хаджи Кадыров, что придавало торжествам

высокий статус. В рамках юбилея была проведена межрегиональная научно-практическая конференция на тему: «Л. Н. Толстой и Чечня», на которой вступительное слово произнес А. А. Кадыров. «Мы должны путем подобных форумов вернуться в то прошлое, когда в единой семье жили ногайцы, татары, русские, чеченцы и другие народы», – заявил он.

В каждый свой приезд на различные мероприятия он в неформальной обстановке встречался с местными жителями, интересовался их жизнью, проблемами обустройства. Так было и во время поездки, в феврале 2002 года, в станицу Воскресеновская Шелковского района, на открытие Ногайского культурного центра в только что восстановленном сельском Доме культуры. Он внимательно выслушал представителей ногайской общины, тут же выдал им необходимую денежную сумму на ремонт мечети, обещал принять меры по социальному обустройству ногайских поселений района.

Очень приятно было осознавать, что обещания отца претворил в жизнь его сын. Ногайцы утверждают, что Рамзан Ахматович сделал для них столько, сколько не сделала советская власть за все время своего существования.

А.А. Кадыров был щедрым человеком – любил радовать людей знаками внимания и подарками. Так, Ножай-Юртовскому РДК по его распоряжению был выделен микроавтобус «Газель» и финансовые средства на пошив национальных костюмов. Такой же подарок получили отдельные республиканские учреждения и семейный ансамбль Арбиевых из села Знаменское Надтеречного района.

В дни своих юбилеев свыше десяти видных творческих деятелей республики получили в тот период автомобили «Волга». Отрадно отметить, что затем эту традицию заботы о деятелях культуры и искусств перенял Рамзан Кадыров.

Первым получил «Волгу» к своему 60-летию еще в 2000 году всеобщий любимец публики Народный артист РСФСР Валид Дагаев. По настоянию Ахмат-Хаджи в 2001 году был полностью восстановлен его дом-усада. В канун юбилея Дагуна Омаева возникло огромное желание сделать знаковый презент юбиляру, талантливому актеру театра и кино, имевшему в свое время всесоюзную известность. Я решил обратиться за помощью к А.А. Кадырову, в результате чего юбиляр получил щедрый подарок от Первого Президента ЧР – автомашину «Волга» и трехкомнатную квартиру в доме рядом с театром.

Он знал лично всех именитых деятелей культуры и искусств, встречался с работниками аппарата министерства и руководителями всех республиканских учреждений, принимал у себя отдельных творческих работников, выяснял их нужды, пытался как-то помочь им.

В дни своих юбилеев свыше десяти видных творческих деятелей республики получили автомобили и почетные звания Заслуженных и Народных артистов ЧР.

По поручению Первого Президента Чеченской Республики А. А. Кадырова Правительством ЧР было принято распоряжение «О мерах по социальной защите и стимулированию труда работников сферы культуры и искусств ЧР», согласно которому установлены надбавки работникам за стаж работы, почетные звания за счет республиканского бюджета. Этот документ позволил поднять зарплату культработникам в среднем на 40%. Затем положения этого распоряжения были закреплены в Законе Чеченской Республики «О культуре».

Говоря о личных качествах Ахмат-Хаджи, надо сказать, что он в любой среде оставался самим собой: открытый, с изрядной долей юмора, бесхитростный. Не умел лукавить. Его уникальная коммуникабельность подкупала собеседника, настраивала на добрый лад. Ему были присущи неистовая стремительность (в хорошем смысле), природная дипломатия. В круговороте дел он чудесным образом запоминал лица людей, помнил имена многих, с которыми когда-то, даже в пору своей юности, встречался. У него была феноменальная память, которая воскрешала события, встречи... Он держал в памяти свои обещания людям, данные им даже при мимолетных встречах в ходе его многочисленных общений с людьми непосредственно в населенных пунктах, в производственных коллективах и учреждениях.

Таким образом, за короткий период при активной поддержке Первого Президента ЧР Героя России А.А. Кадырова была задействована в режиме развития вся сложнейшая инфраструктура сферы культуры и искусств: залечивались раны, нанесенные ей, обреталась творческая форма профессиональными коллективами, пополнялись фонды библиотек и музеев, восстанавливались объекты культуры и т.д.

На гром пушек был найден классический ответ: музы заговорили вновь. Заговорила душа и зеркало народа – его театр, заиграли умолкнувшие гармонь Рамзана Паскаева и дечиг-пондар Валида Дагаева; взлетел, взмахнув израненными, но не сломленными крыльями ансамбль «Вайнах».

Ахмат-Хаджи Кадыров трагически погиб 9 мая 2004 года. Он отдал свою жизнь ради мира на чеченской земле, объединил разрозненный народ, навсегда покончил с войной, разгромил терроризм, провел референдум, принял Конституцию, начал процесс возвращения Чеченской Республики к мирной жизни...

Сегодня Чеченская Республика, во главе с верным продолжателем дела своего отца Рамзаном Кадыровым, стала самым мирным и стабильно развивающимся регионом России. Хорошеют города и села республики, построены школы, детсады, дома, стадионы и проспекты... Быстрыми темпами развивается экономический потенциал республики, растет благосостояние населения.

В народе говорят, что велика роль личности в истории. Вот таким человеком, который своим примером вдохновлял народ и оставил яркий след в истории народа, является Ахмат-Хаджи Кадыров.

Нохчийн меттан Шо

Мусаев Мохьмад
(1915 – 2001)

Таймин Бийболат

Романан кийсак
Дешхьалхе

ХIокху Нана-Льаттан доккхачу шина декъан – Азин, Европан – йукъ йоькъуш санна, Гуьллучу Къилбаседан Кавказх дуьненан йалсамане олу цкъа хезна Ia хир дац хьуна, сан хьоме книжкайешархо. ХIаа-те, ца хила мега!

Ахь доггах БIаьргтоьхча, бакъ хилла а ца хетало иза башха хьаьвзина. Маса мискано сагIа кховдийна, тароно миэл къевсина, ши БIаьрг хьаьбча мукъана, цу гина да дуьненахь воцчу воссарх хьаьгна! Ткъа лекхачу лаьмнийн, къорачу хьаннийн, кIоргачу Iаннийн, сихачу шовданийн, дарбанечу хIаваан... хIара унахцIена баьццара Кавказ-м бIаьргана ган а, кога йуста а, куьйга хьаста а... йолуш ма йуй, Iаьржий, Каспин ши хIорд хьесталуш, и шиь ловзош...

Цундела, сан дешархо, цхьана агIор аса-м башха бехк ца буьллу шайн заманашкахь, теза хиш обху цергаш хьекхош, кхунна чугIиртинчу, хIара къиза киййсинчу паччахьашна. БIаьрго йаттIол хазачу Кавказан Iаламан исбаьхьалло багош кховсийначу церан хIун гIуллакх ду, шайн синош цунна чу а дехкина Iачу, ламанхойн къонахаллица: ткъа шен вархIа а ден орама тIерачу цо шениг дуьтур дуй, бухйер йуй, доьза йовр йуй иза? Йац! Вукху агIор долчунна, метте йалха ца йаллал харцой, къизаллий йеара, адаме балий, ницкый боссйра цу хилийта амал доццо.

ЖIаьлеша дIаьIахк санна, киййса, хьекхойаьккхира Кавказ. Маьрс-маьрсал цергаш йина, кед-кедал бIаьргаш къаьрзина чухахкаделира шина паччахьан – Россин, Туркойн – эскарш. ДIаболабелира адам детта, ден-дерзо а, Iен, даха а, дала, дуола а ца дуьту «Кавказский» аьлла, исторехь шен цIе йахана тIом. Шайн латтий, паргIатой ламанхоша, дуьне цецдохуш, лардина турпала кийсам.

Историс ма-къеддора, Кавказ онда дакъа дара Малхбале гIуллакхан. Цо, шен къилбе туркойх, гIажарех, царна суь бохучех ларйан аьтто бина ца Iаш.

Йуккьерчуй, Йуххерчуй Малхбале мехкийн самалха ца долуйтийла а йоккхура, палс бахлахь, цигашха а когаш дIахеца дагахьчу Россина. ТIетгIа йесташ, севсаш йогIу оьрсийн сутара феодальни олалла шен лаьтта тIе ца тарлора. Адам дIасатеттина а, и дIадаьккхина а шорлойла, кошо гатте хьовзоле, тIам хобцийла йезара.

Бусалбан балех ламанхой Iалашбан воллу ша бохучу Россин паччахьа а, керастан Iазапах уьш ларбар шен декхар хобтуьйгучу туркойн султана а дагахьдолчул маргIала ледора багара меттанаш. Ткъа шашь «орцахдевллачу» мискачу кавказхошка хоттуш, цаьрца кхеташо йеш хIума дацара цу шиннан а.

ЙалхийтталгІачу бешарахъ доладелла иштта схъаоху Къилбаседан Кавказ паччахъаша кыйсар хаьал чІагІделира берхІитталхІачу бешеран хьалхарчу эхан йуьххехъ, Росси Хонкарал толайалча.

Екатеринас Мазлакера Азовски хІорда тІе кхаччалц инарла-поручикан Павел Сергеевич Потемкинан эскаран аса тосу, Кавказски сардалалла долало.

Памах шура-м цхьанна а йеана меттиг йацара. Амма къахьогучарна цІий ихна ца Іаш, хьацар а шалхадуйлура, шайх бекхаш Іачарна тІе мелхуо а тІом бузор кхетта.

Шайна бух тобан Тимаркъин Марем Иван Грознига а йахийтина, Россин имперех дІакхеттачу гЕбартойн элаша, захалшна хьалха диканаш хила гІерташ, бацош са мере далийначу крепостни ахархошца цхьаьна нохчашна тІе схъаида бевлира чергазойн цхьаболу уоркаш а. Шаш мел хала бахкахъ а, тевжийла лохчунна ледарло йоцчу вайнаха доццух хоттош, шайга нисбеш охъахийшабора хьошалгІа лелхарш. Нохчийн цу догдикаллей, комаршаллей безам берш суьйлашлара а гЕвттира.

Таккха лаьтташ, къызачу чІиро эккхийна вьодучо а, чІеро хин кІорге санна, дуьененан ирсан дакъа лохчучара а къайлах-къулах дІасаидо долиьра и чам къаьхий, бІаьрхинийн кхелхарш.

Иштта схъавенарг шайлахъ дІа а тарвеш, долчунна корта а ца бетташ, доцург дуьхе ца туьттуш, лекхачу лаьмнашкахъ, йуькъачу хьаннашкахъ, шайн цІий хуьйдучу лаьтто лучух тешна Іаш бара, йоцчун дагара хаале, йерг цуьнца йекъа кийча хилар дайшкара схъакхьоху нохчий. Безаме меттиг йацахъ а, шайх ца Іебачарна эхъ-йахъ ца лучу кхеран хормий, хелхаррий, дахаран кхин цхьацца гІиллакхаш лаа ца тайна, Россера бевда баьхкина Теркан дакъашца охъаховшарх «гребенски» цІе йаханчу гІалгІазкхашна.

Іа-аш, тІекеренашкарий, чукаренашкарий захалонашка девлла гергарлонаш кІаргделча, лурвоьлла царна тІе ваханчу цхьана гуноцух доладелла хила герга ду гІалгІазкхийн и тайпа. Цхьацца хазарша дийцарехъ. ХІетахъ шайна латта дала а Теркайисте веьча, паччахъа, Иван Грозныйс, ламанхошца тарло, аьлла шайга гІалгІазкхаша бахарх Лев Толстойна хезнарг схъакхьоху гребенцаша.

Лаьмнашкахъ, хьаннашкахъ – дохнна дежийла а, дуьйн латта а хала долчохъ – инзаре гІоьртина дара нохчашна шарера шаре бовла. Цундела уьш шайн ма-хуьллу шерачу ара а, дежийла долчу а кхачарх хьоггура, шайн ма-хуьллу цигахъа теІара. Терканий, Соьлжаний йуккъехъ дуьххьара хІоьттина вайнехан ши йурт: Парчхой, Йурт-Эвлий йу. ХІетахъ Теркал сехъа кхелхина нохчийн илlexъ вуйцу, Адин Сурхос вохийна гЕбартойн эла Мусост, Балус вахвина Къаььармий.

Шайн элий а, уоркаш а, адамашлахъ кхин цхьацца барч лохчурш а боллучу гЕбартойн махкана дахарехъ оьшу муьлхха хІума лаха а, каро а, хила а, йан а, йахъа а, йохка а, эца а вайнаханачул дуккха а атта дара. Шайн бухкуш, оьцуш йалхой болуш, хьеннан докъан тІехула бевлла а, шаш тоьларг дан Іеминчаьргара шардеш схъаохучу оцу мехкан дайн Россин самодержавица хийла хьалха дуьйна тасаелла йаккхий зІенаш йара. Уьш чІогІа хаалора гЕбартошций, балкхарошций вайнехан лелачу хийца-йохка-эцаршкахъ. Хьалхарачара вайн кхуза борц, мукх, варданаш, нуьйраш кхьохура;

шолгачара царна стоьмаш, клай, варданан чкъургийн тогеш, хьун латтайора – йухкура. Гебартоша йалтех молха а, долу герз а хуйцура. Чога йохк-эцар Мазлакерчуй, Гизларерчуй базаршкахь лелара. Оцу гуллакхаш тлехь Россин империца Гебартоин тасаеллачу йукъаметтигийн хьожа товш нах нохчашлахь бовла буйлабелла сурт хлуьтту, вуьрхитталгачу блешеран коьртехь доладелла, цхьаболу вайнах луларчу элийн лаама клел бахар дикка эвхьаздаларехь.

Россин империн гоьнца суйлийн, Гебартоин элий Нохчийчу баьржира, паччахьа шен эскар Кавказана тетагийнчу муьрехь, къабсттина. Уьш бара: Орга Соьлжах кхетачуьрчу Туопалан-Гечо йурт дIалаьцна гIумкийн элий – Айдемиран Асланбек, Хасболатан Iалсолтий; цхьана тешнабехко Мелчу-Хи тIе кхачийна Чупалан Мусалий; Йоккхий, Жимий ши Атага цхьана кхело кхачийна ТурлогIаррий... Эххар Шелий, нохчийн уггар къена йурт Гермчиггий карайеана Гебартоин Черкасский эла Эльмирзина къотIалга винчу Девлат-гирина. Иштта шен шерет дина нуьцкъалчу Россис шайн махуьллу шерачу ара охьагертачу нохчийн нехан мискачу, цара къора хьаннаш хьобкхуш йехкинчу йартех. Оцу балхо гуттар бале лецира, дуьнненна гергIаш, лаьмнийн багара дуьйлучу Органан аре. Йуьхьанца хIора нохчийн кевнера шарахь шаьш даккха долиийна клен мазал клезиг хийтира сутара бIаьрг къарза Iеминчу феодалашна. Иийна-а, и йасакх цара сайаьккхира: нохчийн хIора доьзалан цхьацца уьстага, и бацахь – мангал балла эчиг дала дийзира вайнехан шайна тIебаьхкинчу элашна хьалхалерчу клен мазалал совнаха. Хьаьхира харцо, кIордийра нохчашна шайн латта йолах лело. Нана-мIаар мел йерг бохург санна, гIевттира, дуьхьалбевлира уьш нехан феодалашна. Лехка болийра уьш шайн махкара.

ХIетахь аьлла хила герга ду нохчаша: «Аганара элан воI ма вуссийла, Гуьргара берзан клеза а ма долиьла!»

Пело са мел йели, оцу амало къуьйлуш, тIетIа ницкъ биссош, бартана чагIлуш, гIиллакхашна хазлуш, базлуш, амма ирс, декъалаллий клезиг гуш схьаобху нохчийн заманийн йохалла.

Суо вешархо оцунах тешоран, сайна ма-хуьу кхеторан Iалашо йу ас хIара книжка йазъйан дагалоцуш, сайна хьалха хIоттийнарг. Со дукха дагавийлина исторех, цуьнан материалех а, документальни произведенех, архивех а, къеначуй, къуоначуй адамех, цхьацца дийца-аларех. Оцу хIорангара, цунна сан баркалла кхачор доцуш, доккха гIой, накъосталлий хилла, лаьттина суна. Хуург, хезнарг дуьйцуш, дуьсучун лар тIе хьежош, новкъа нисвеш.

Заманаша шайн йорт кхоьхьу. Церан йохаллехь шадерг ширло, къанло. ТIедетталучара, тIера оьгучара шайнначулла хуйцу. Цхьадерг, керчий нисло, важдерг, лелаш, эрчадолу. Доккха хIума, Iаламате доьрзуш, даьржий дIадоьду. Лелла гIуллакхаш, уьш титтина адамаш хенаша хоьрцуш карладуьйлу, чулацаман чомана хийцало. Амма со, массо йаздархочунна шен балхах ала ма-лаьара, цхьацца бердехдаханарш хетачаьрца метгахIиттораш данза ца ваьллехь а, бакьдолучарна хера ца вуьйлуш дIаваха а, чекхвала а дагахь ву. Вуола генара веллехь а, тешалахь, хьоме со вешархо. Дала ницкъ лойла суна цунах хьо дохко ца валиьта! БисмиллахIир-рохьманир-рохьим...

Хьалхара дакъа

Ойт, горлера маьлха дуьне йаI: ирс йаI, хьан бос къаьстачун!

Ирс йаI, хьан чам хуучун! Ирс йаI, аьллар хилла хьо диьначун! Ма декъазий, гийлий хьобшу-кх хьо экханан бен лар йоцчу, цаьпцалган бен гIара йоцчу къу-берзан буйсанех тешам байна, сема ладоьгIучо. Вовду-вогIуш хIор кол-кондар а, гуолабетташ хьийза готтачу некъан лар а бIаьргара йалийта йиш йоцуш кегочо. Ма доьллачу куьйга кадетташ, кочара мокхаза-топ йула кийча хьобгу-кх хьох ламанхой. Ма ца бевллачу дийно Iамий-кх уьш бIаьрган негIар тухучу йукъана бохь лекхачу лома гIехула эккхий, бух боцчу Iинах туйлий, дин гIашйуккъехь къуьйлуш, сайа.

Керча, хийцало йоргIа-йорт кхоьхьу заманаш. Шайн гIиллакхаш, хIуманаш а, хорманаш, гIуллакхаш а доху цара. Динарг мега, тарло, Iалашо нийса йелахь, и бакъахьа лаьцнехь!

Деба хьовх, аттала, самалхадала ца буьтуш, ша хьаннашней, лаьмнашней йуккъехь бахкошшехь, шеца майра кьийсинчу хенашкахь тиллина Россин империс нохчашна «обарг» боху це. Цуьрриг хазахетий, йа цхаммо шен дуьхий даьккхина доцу и дош дIаийра ламанхочун дахаран хьелашкахь товчу цуьнан буьрсаллех.

Бозан бодашкара, сингаттаман кIоргешкахула орамаш дIадоьлхучу цуьнан исторех хьо леррина чекхъхьаьжча, йукъараллин Iалашонан маьIна чIогIа цIений, лекхий долуш гIаттам бу и обаргалла це йаханарг. Шайн ворхIи а дайх дисина латтий, цара лехна нийсой, паргIатой шайна махуьу, шайна ма-моггу йобхучу адамийн цу айадаларан шолгIа агIо йац. Йа хуьлийла а ца хилла.

Иза хаьдда чIагIдо ткъаесналгIачу шарахьлерчу харачойн Зеламхас аьллачо: «Со вешшехь хилла вац обарг». Шех вина обарг, бохург ду цуьнан иза.

Оьрсийн эпсарший, инарлаший шайн дагалецамашкахь, йаздаршкахь ма-дийццара, йерриг Нохчех обаргIаьлла лара мегар долуш хилла хIетахь. Цо хIун дийр дара, дей, деттий, саций, садаIий ша йуьтуш ца хилча? Ткъа массо гIаттийнарг, хууш ма-дарра, хIоранна дагахьдоллург бен хуьлийла а, лорийла а дац.

Хьо хазаза а, ганза а вац, сан дешархо, цу мацахлерчу, шена долчу декъана турпалчу обаргаллин майрачу гIуллакхашка тахана мел лорий ладугIу кегийчара, бакхийчара а, стечара а, боьршачара а. Йа мискъала-зарратал эрний, хазахетий а дац иза. Царна хаа лаьа шайн истори а, дуьненан ирс вайн дайша муха кьийсина а, цуьнан орамийн йуьхьигаш мичара схьайуьйлаелла а...

Обарг – иза, ала ма-даггIура, уьнашарахьлерчу заманан гIаларт, ламанхочун дегайовхонан, цуьнан салаьттачу боьду некъ лехна нуьцкъала гIаларт ду.

Дагалоцур вай халкъо шен иллешкахь тахана а хесто эьтархойн Ахьмаддий, Адин Сурхой, Зайтан Шихмирзий, иштта кхибершший.

Бакхийчара масане коша даьхьна, заманийн сихалла йа гIуллакхийн дукхалла, дайшкара берийн берашка дуьйлуш, историн доладовлаза нехан багахь йисина хийла башхачу адамийн цIераш, цу халкъан турпалхойн хуььнарш, доьналлаш...

Мацах- мацах дуьйна историс вицванза, адамаша веза вуьйцуш сьхакхобьху Бийболат билтойн Таймина вина 1779-чу шарахь Селимата. Элий хила безам баханчу цхьацца вайнахий, хIуьу дина а Кавказ шен кога кIел йолла гIертачу Россин паччахьан эскаррой, шайна гIоленна сьхачубалийначу гIебартойн, салойн элашна нохчий дуьхьалбевлла ткье шуьйтталгIа шо дара иза.

Доккха хIума дара Таймин йижарий баханчу – Майратуьпарчуй, Чечанарчуй – шина невцо, вовшашца дагахь йохье а вуьйлуш, цу стунवेशина вьалгIа кIант вар даздар: берриг детица кхелина дин, охьатесча, ирахь лаятта вертий, тикманаш йаьхна исхаран башлакх – кхо совгIат диллина, вархI гонна говраш хахкийтира. Махке аьлла, нах шуьна ховшош, вархI де-буьйса лаяцна, дуу-молучух дуьйлина, той латтийра. Цигахь «пIелг бетташ» хаьржира кIантана Бийболат цIе. Меламмо Деле хан йахийар дийхира, тIемаший, мацаллой, уьйной деба ца буьтучу вайнахана тIекхетта и жима, адамо хержа ца кIордош цIе тиллина нохчо – цуьнан-м чот йина а вер вацара.

Ма бакь ца хетадарий хIетахь дений, нанний, и шийлачу маьхьарца дуьнентIа йаьлла, шайн цIийн син-цуьрг, цхьана хенахь, таьIано дегI зьортал, белшашкахь шуьйра кьонаха а хилла, Iаьржа мекхаш хьийзош оьрсийн воккхачу поэтца Александр Сергеевич Пушкинца, туркойн махкахь цхьана доккхачу шуьнехь Iийр ву шайга, аьлча. Цу шайн вьалгIачу кIантах Пушкина сийлахь Бийболат, Кавказ кьекьориг эр ду, аьлча. Амма, адаман, мехкан гIуллакхана и, йуьйлина топ санна, кийча дIахIотгар-м шайн доггах хетар дара, нанас цкьацкьа качвахь а, халкьана орцахваккха санна, кIант лерина кхиоволчу цу шинна. Цу тIехь Таймас, Селиматий, лелийнарш, дайнарг цунах тешош, доккха кьахьега дезар дацара.

Уьш гархьама, кIеззиг йухадевр ду вай: боккхачу тешнабехкаца шайн латта тIе хевшина лулахойн элий «Кхайкхаза деанарг доттаза дахана», деш лаьхкина махках а баьхна, паргIатбевлира нохчий 1757-чу шарахь. Амма, паччахьан лаамой, цхьаболчу вайнехан йамартчу тароной хьовзийна царна нуьцкьала йухакочабьохкичхьана мел ихнера хаац хи охьа. Бакьду, лахахь хIинца хьалхачул гIоьртина делахь а, йочана хилча деста хиш, гаттехь даргIадаьлла ломара шерачу ара титталу адам вовшахдетталора, дагахь а, багахь а бартана тIеттIа чIагIдала гIертара.

– ...Цундела, боху ас, мехкан воцу хьаша, тхан дайша лаа ца диллина борз, элий цхьана новкьа, – элира, «Iайла дайна, вежарий, Са а, пха а хаьдда, сарралц даьцча. Сахуьлунга довллал хIума ца кхочуьйту...» – МартантIехь далхочу гIебарточуьнга лерина ладоьгIучу кьеначу нохчочо. – Шун цигахь а, оцу ДегIастанахь а, бевллачохь зебелла куц ду тхан нахана и элий, кху хьаннашкахь, Iаннашкахь шайна зенаш ден акхарой санна. ХIаа-те, шайн барт тайннарг де аша, Керам. СхьагIортар шун сацахь, вайн дерг, ницкь кхочург вайн карахь, йукьахь ду. Массарна а оьшург цхьаьна атта лахало. Хьуна ма-гарра, эхIаьлла дика белхаш бац. Бакьду, хIара тхешан комаьрша кьобллий, тешаме хьошаллий нийсса доькьур ду оха шуьца Iуьйрана а, суьйрана а. Хиндерг – и Дела ша воцчунна хаац. Иштта тIамна вежарий, маьхьарна йижарий бу ала, Керам, хIокху меттехь вайн

ГЕбартошкий, балкхарошкий. Ас, кьеначу кьелиго, иштта боху ала, хьуо мел кхочехь ламанан вежаршка нохчийн цIарах.

Цига чохь мел волчо, ша-ша бохург санна, чIагIдинчу оцу дешан боккха кхаь эцна цIехьа вахара, ГЕбартоин элех бовда дагахьчу йалхоша вайнахе хьошалла деха вайитина ши ахархо. Амма, вочу маттах ларде и кьокьийн боьрша дош, кьайллах нехан ирсан орамана тебачу Соламгирин некьийн лерах кхетийнера цьхана хан йацъйаларо.

Цу некьойх тIаьхьо лам чуьра охьаваьлла Хьатуи, Сатуи сьхадаьлладчу вон-диканехь виллина мехкан баьрче теIаш, дешан хьалхе лобцуш, шашь ца вевзехь, цьхаммо вукхунна цIе йетташ, вовшашка маслаIате, кхеташоне кхойкхуйтуш, бохь-муцIара чола куйнаш айина, ИндагIехь тур текхийлина араваьлла хеталора хьаьжаэвлахошна. Дехьий, сехьий хьошалгIа хIиттарш, цигара сьхаьехарш лелийна, Хьатун йоI гIумкийн элан Чапалан некьашка а йелла, Сатун воIана ГЕбартоин элашца заахало хьахадолыйна теба, цунна маша бузийла леха ваьлла вара хIара йишин, вешин ши шича.

Оцу машин уггар стомма га – Керам МартангIе веана вахарх дан йукьийхкинера, шайн ма-торру махках ларлуш ГЕбарта вуьссуш, цьхацца йукьараллашна таркхойх хобькуш хьийзачу Хьатус, Сатус.

Цу маргIалх, стамлуш, га хилла догIура. ЧеркасскигIара тIаьхь-тIаьхьа чоIа ларбора шайн йалхой – сарахь а, Iура а шедаца багарбора уьш, шедаца, хьайбанаш санна. Амма, цьхацца йуьстахбийларш, балхара тIаьхьабисарш кхача а, совца а ца лора церан. Иштачех цьханахь-шиннахьа, адам кхерадалигIа, лед-ледарчех вуьйш, меттиг йалийннашехь, цьхацца йалхой, дийнна доьзалшший бараш а, царех сьхалецнарш крепостникаша вовшашна йухаберзораш а лелхара йукь-кара.

Оцарех, цьхаь иккхина, салоцекхеттарг леш, лазийнарг вуьсуш, ваханарг волуш, йалхоша йохийначу гуьйренан серса буьйса кхоалгIачу декье йоьрзучу хена, шен захал гIумкийн эла-Айдемир хьалха а ваьккхина, мацах Керам Нохчмахка варах айкхалла дарна шена кхара белладчу борачу динахь веана ЧеркасскигIаьрга хьошалгIа воьссира Хьату.

Шайн даккхий маршалла-доьналлаш чекхдевлладчул тIаьхьа, йалхошна дарвелладчу феодала Бековича шен йерриг тховсалера оьгIазалла охьаIеттийра нохчашна, кьаьстина Хьатуний, Сатуний багахь чу а гIерташ.

– Ахь дукха бехк ма биллалахь, мехкан воцу эла-Айдемир, – чуьравуьйлуря Черкасский. – Ас мерах цIий далла хала саетта, вайна ма-хаьара сайн суь ала меттигаш йоллушехь. Суна лаахь, нохчех IалдаьIахк йуьсур йац. Йац-ге, вай хIоккхуза Iар санна, цIена бакь долуш. Ма далигIта хIара цига, вай цьха бусалбанаш ду. Кху шинге – Хьатугий, Сатугий боху ас: совцабе, ма байта соьга, кхана Iуьйрре, шайна бацо оьшу болу нохчий хIаллак. Тхуна шера хаьа, аша дагабоьхна ца хьобьху хIорш цига дIа. Ца хьобьху. Оха хIара гIазакхий шайна тIе ма хийцинехь, цаьрга уьш хIаллакбайта дохку шу, шайчарна хьалхара. Ткьа тхан и хилигIта амал дац...

– Ма дийцахьа, Девлатгира... – доккха садоккхуш, Айдемире а хьажалуш, коьртара бохь-муцIара чола куй шайна кIелхьарчу гIажарийн куза тIе тесири, зуда йеха веанчу шашшинга дечу кьамело хьацар тухуш

кхохкийнчу Хьатус. – Тхо дІакхаччалц бен хан йац-кх цу ахь далхочун, эла.

– И-м кху шимма бехира, хІинчачул хьалха... – вай-йн велаозийра Девлатгира. – Ванах, шун лай бевллий, господин Айдемир, иштта очча? Мичара, хІун ун ду-техьа цаьрга деанарг? Хьажахьа, луллахь Іачу хІирийн алдаршна га а дохуш, нохчашна тІе уьду-кх, – куьйгаш дІасатосу. – Моьттур дац, шаш а мацалла бала бохкучу цара дамий, думий кхарна оьхьу! Собарде ахь... Хи дал цигара, – Іачохь то а велла, кІедачу томкин цигаьрка хьарчо велира, эткаш цІийзачу жимачу стага йеана хин куршка, йасса а йина йухаелла эла. Хьешо Айдемирачул тІаьхьа латийнчу цигаьрканан боккха кІур баьккхира цо:

– Цигара сьха мел оьху моьттахьа, шаш нохчий хилар лечьош! Белхан куьйгаш-м мел хили а сов дац. Амма лела хІун до?! ДІасаидарх карор а, йа лаца а лур дуй Ницкькхочучо хьуна ца догІийнарг? Цунах теша веза ша Дала кхоьллинарг.

Бековичан хаттаре шега хьажар тодеш, стомма балда даьккхинчу Чапалан хьалтІамех терачу шина чІишталга йуккьехь йаккхийчу цергийн тІехулара могІа хьал белаозийра соз-томкин куьран мархин чІагаршлахь.

– ХІети, – даздеш, элира гІумкийн эло.

– Хийца да дуьнен чохь воцчу АллахІан кхоьлах уьдург эхартан декьах валарна кхерамехь хилар чІагІдо Делан кьайленех дагабуьйлучу динан дайша, Девлатгира. Бакьдолуш, ахь дукха хаза далий, цахиндолчунна тІаьхьа хоьхкуш, шайн гІорсизалла Іесайохучу адамех дерг...

Нукера, белшах гата а тесна, жима йоьза тас, цІеста гІумгІий хьовзийра чуьрачарна йукьа, цаьрга куьйгех хи кхоьрзуьйтуш. Тпаккха, маьнги тІе йаржийнчу йоккхачу шаршу тІе йуург хІотто йолийра цо, неІарге кхоьхьучу гІарбашера сьха а оьцуш.

Шуьнахь дара, гІебартоша паста олу, шийла хедийна, Іаьвнан удар а, хьокхамаш а, гедлибже цара олу тІайлахь кхаьрзина котам а, нихий, кхин цхьацца маларш-даарш а.

ХІусамден пурбанца, хьаша-эло, бисмилла а даьккхина, хьайн хьашт мел ду тамехь долиьра шун.

– Даха, даха! – Эльмурзовичана чІогІа тайра хьешан оьзда шуьне кховдар.

Шеен Іалашоне боьдучу новкьахь шадолчунна хьаставаларе, дерриг хасторе хила кийчачу Хьатус, гІебартойн эло аьллачух ша кхетча, лосьман лан даьккхинарг веш, вазвира шеца веанарг:

– Беркатан бахьана, оьздангаллин дай бу Кавказехь гІумкийн кІентий, хьан возалла Черкасский! Дагна мел чам товш йу кхуьнан мерзачу метган Іаь!

– ХІаа, нохчо, хІаа-ге. Турпал-Іелас, йалсамане ийзош, лергаш дахдина вир санна, ламанхой бусалба дине балор Дала зен ма доийла кхеран! – хьешашка нихана кедаш хьалаэца, самукье бІаьца йира, шениг айинчу Давлатгирас. – Дала лардойла вай шен доглаьтгачух хьегарх!

Дассаделира, вовшехкхеташ, чохь йекийна кедаш.

ЙУучо совцийна шуьнера хабарш, дуьйлалуш, маларо хуьйцуш, заманийн бердаш кхоьхьуш, адамийн хІуманаш, кьаьмнийн гІиллакхаш дустуш, дуьненан рицкьашка дуьйлуш, кхозлагІчу «котама» девллера. ТІедузуш лаьтгачу шуьнехь

Иачийн гIеххьа кепаш хIиттинера, цара мел вовшех ларъйахь а. ЧагIар йукьадала доьлчяхьана. Хьацца кога тIе а вазлуш, церан гIуллакхашна ваьлла лаьтгачу нукеран хьал кхаьргарачунна гена дара. ХьегIа наб йицйинера, сатасале дуьйна эткаш чохь бохкуш, мегарг тIехь ца латталуш бистинчу когаша. Царех цхьацанна тIе вазлуш, мосазза дIасатаьIи хIара хIокху хьаьхначу тховса.

Дазлуш, дайлуш – дIасатеIаш схьаоьхучу дуьненан хабарша башха ца хьестахь а, хила мегаш хеталучу захалоно лартIара мел дийраш новкъадерзориг хиларан дегайовхоно аьхна кIамве Хьату йукь-кара велаозавора, Iойлехь толуш. Шайш деана коьртаниг Айдемира йукьадаьккхича, важадерш дийшаре са чIогIа туьйсу Хьату, хIинца гуттар кест-кеста хьоьжура шеца веанчун бIаьра. Амма хоттуш да ца хилча, доладойла йуй иза ламанхойн гIиллакха-Iедалехь! Ткъа цу шен декхарна хIусамда йуьстах, тховса эвхьазадаьллачу маларо воху йа шайн хIун куралло, баьхкинчаьрга и хатта даго ца вуьтура. Шеначулла дегалачу гIумкийн элана цунах мел ницкъ хилахь а.

– Ши-кхо буйса йолуш араваьлла Кераман жимахволу кIант вайна. Вахана а, вайна а меттиг йоцуш, тIепаза. Ткъа тховса, шу схьакхаччале, йевлла гIовгIанаш дIатийча, цуьнан воккхаволу кIант каравац. КIира а дац, церан да Керам чурт доллучу хотешлахь аьрташха вийна веана... ХIорш даккхий хIуманаш ду. Цхьацца меттигашка салт хIоттабайтина оха, – дера луьйчу Эльмарзовичан йеха йуьхь разйуьйлура. – Ахь боху белхалой бара и кьоьнгий. Да-м кьанвелла а вогIура церан. Уггар тешаме, хьуна муьтIахь верверг къаставо, Делан мостагIаша. Хьан воцуш цатер-терг хоржуш...

– Хьай гаурш йаI, гаурш! ЦIога-м кестта, цигахьа нисвеллачо, теIор ду хьуна церан. IадIе хьо, Девлатгира. Вай дукь дулур ду хьуна церан хецабала гIертаран, – дозалле корта тахкош, жижиг кхаьल्लीна, хьена пIелгаш цIубдира, эла хилар марзделла, зIенаш туьйсучу Хьатус.

– Бакь боху, нохчо, бакь боху, – Айдемира. – Цундела, Девлатгира, катоьххана хIара шиь чIагIвалар цхьалхадаккха деза. ПIаккха буржал кхетар ду адамийн дIасаидарний, вовшашна тIе лестаршний. Массанхьахь цхьаь хIоьттича, шайн цIоган тIехь совцур бу. Пехь да воцуш, нохчийн хецабелла леларо марсабоху. Уьш кхара буйна боьхкича, – Хьатуна тIе корта тесира салойн эло, – дIатуьйр бу. Хи чу гIаж тоьхча, пхьидаш санна.

– ХIети. Ас бохург и ду-кх, сих мел дин а вайгахьаниг, – рогI-рогIана элашка хьаьжира, дуткьийчу балдех мотт хьаькхна, Хьату. – И ма ду, Iехош а, тилош а, цхьаболу нохчий вайн чоьн тIе нисбеш, тхойшиннан схьавар. Соьлжа тIе хIуьттуш шу а дохку Черкасски...

– Э-э, – хьовзорах шен Iаь таръеш, цуьнан хабар хадийра, цхьана самукьечу дагахь пIелг лацаре хуьлуш, Эльмирзовича, – Хьату, веза ма вел, веза. Соьлжан йист Делан йу. Оьрсийн бойараша-м захалонна мега ма-йарра шайн лаьттан дийнна коржам хадайо, йалхойх йуззий.

– Оха хIун дина ткъа, оха, Девлатгира?! – хIусамден дешан маьIнех кхетачул сихвелира Хьату, ша цхьана адамашца вуьстинчу цуьнан забар хьаста. – Оха а, дера, хадийна! Хьажал, Хулхулу чу кхачча бохку АйдемирагIеран когаш-м. Товар дац, ой!..

– И-м аша, шайн чIогIалла, нуц бухваккха леладой хаац! Тамана шайш

хГун лур йу, дийцахъа, захал. Бакъ ца луьй со, ва салойн эла... – Айдемиран белшаш тГехула пхъарс бахийтина, вольуш, цуьнца техкира Черкасский.

Невцал йеза а йу, хьоме лелайо, бохура Хьатус, нохчаша нус. Цу тГера дуьйладелла, забаршла а хьекхош, даккхий къамелаш даьхкира кхеран. Россица шайн цИйнан дош-дезар лела Элмарзин воIа дозалле хьалха а дохуш. Къилбаседа Кавказехъ дукха ду, бохура Девлитгирас къаьмнаш, амма империн, шайца санна, тешаме къамел, гГуллакхаш ца догГу. Иза хазахетий, тера-мерчу балханий доцийла хаа а, лара а деза ламанхоша. Ткъа хIара ши ваша – Хьатуй, Сатуй – Iедалан а, шайн олаллин а гГоьнца нохчашна тГе ховшаран йоккхачу Iалашонна шаьш лаьттах хоттавар цхъана цаторенна сецадора хIусамдас йукъа ца доккхуш.

– Шу диссинчу баьрче мичча хена а, мил-милла а ца кхочу, – дирзира цуьнан дахделла къамел.

Черкасскис, бисмаллин меттана бохург санна, шен дерригенна йуьххье хIиточу оцу дешнашна нохчийн хала саетта, карийна кIеза санна, царна хьесталучу Хьатун кийрарчу дилхан даго. Махъаро цабелла ницкъ бара, куц хьарамчу, шен чорхах кхаьрдачу цунна цо бийриг.

Хьай, йовра дуьненан даьхни йаI! Ма бIаьрг горгбоне, корта хьовзоне, стогаллех воккхуне ахъ хьайх Iехавелларг. Маццах цуьнах шадерг хийцинчу Айдемирна хойла йац, шеца веанчуьнгахъ дерг.

Амма Хьатуна чохъ доллург доккха хIума ду. Мокхазан бердех дера леташ, лаьмнийн Iаьннашкахъ бурошца угГуш, Гуьржера догГучу Органан кIуркIаманеш хьийза кхуьнан кийрахъ. Хьoley, паргIатоней – ши саьхаралла кхехка, къийсало цхъана дегГехъ. Ала деза, хьекъалан хьоста хIинцале Хулхулу тГехъ хьийзачу хьераший, гГеххьачу реманой сонтабаьккхина Хьатун, башха кхетамана «дIора» боцу корта, вайна ма-хаьъара, нехан паргIатонна, кисаныхъ буй къуьйлуш, таронна белайзабо. Ткъа беган кхардарш, цIазамах цIелла санна, тГехулара элалла чухуларчу пхенех доьлча, курадовла хьелург хир дац. И хилийта йукъийхкинчу нохчех ву Хьату. Кхуьнан гГуллакх дац, ламанан чIажжашкахъ Орга санна, балин багахъ нехан беттабаларан неIйоцчу, чохъ чим тГехъ ца соцучу товханарчу цIеран къуьдане маца тахане йалхош, кхане набарза йохучу нанойн, берийн, берзан буйса, цергаца балда а Iуьйдуш, наха арахула хала ларъйаран...

Ой, хIунда, нохчо вац иза?! Дера, ву! Йолчунна корта а тоьхна, хьаста ца вала, йерг лулахочуьнца а йекъна, вукхуьнца кхане къовса Iемина, ницкъана йахъ ца луш, велла дIавала кийча селханлера нохчо-м. Хаац. ХIара Хьатуй, Сатуй зударий балориг хила воллалц, гужам хуьлуш йаьхначу кхеран дененан туьйранаш берахъ тесначу зирхах нIаьна бина хир бу-кх кху шина шичина. Маццах къевсинчохъ цхъа хуььнар-м тоьллачу Солотгирин кIанте йеллера таркхойн шовхалгIара и шайн йоI-йиша. Дехойн декъаша тГехула ваьлла а, цу дедайн ненахойн тарбалар йуьхьаралаьцна кху Солотгирин некъаша.

– Вайн захалонан терзанан шун кад гIарчIаьлла охьабуйжур бу-кх, Девлатгира, хIун дан воллу хьо!

Эццахъ схьаэца безам хилла Хьату охьахьажаваларх деса дуйла хиьна нукера сиха дуьзира кедаш.

– Делахь, хІара эла теш волуш, – Айдемирах чІогІа кад дІатуьйхира Черкасскис, – вайн захалу хилла ду-кх. Дала декъалйойла сан Гулэза.

– Амин!..

– Амин!..

Гулэза. Диъ шо кхаьчна, сурт санна, хаза хІара, ун деъча, миска дай-наний делла, байлахь йисира. ТІаккха йоІ йоцчу Девлатгирин зудчо шена йалайаррах, хІинца уьш хъанна дисахь а, цунна сахь-закат деллачарний бен и муха дара ца хууш, кхеран йу иза. Йа цуьрриг кху цІийнан дуьхехь хеталац. Амма шен цІийх даьлла са Гулэз хиллехь, эло цу захалонна и лур дара ала гІоьртина-м хетало, церан схьадаьхкинчу гІиллакхашка ладогІча. Кхиерш кхузахь леларан некъаш миччара дийлахь а.

ХІинца хъешийн хабар а, аьзнаш а, мукъамаш а туобелира. Къаьсттана Хъатун. ХІара сиха вара и элан дош нохчийн чухула даржо...

– Оцу ахь, Девлатгира, сиха стаг ву бохуш, вийцинчу къонахчун чІирхой карийна тхуна, кесталгІа, – волавелира Хъату, бошхепахь чайнан стака а хыйзош. – Цара вайна новкъара дІавоккхур ву иза. Ахь цхьа аьтто баккхийтинчухула.

– О-о, дІавала! Хъан чІирхой тІаьхъабисина. Цу нохчочун са гІазакхаша дІадахийтина хитІахь.

– Ой, муха, хІунда? И ма тамашийна ду!

– Бераш хилла Баксана йистехь чІерашна мІерий, дуой боьгІуш. Говраш лийчо хитІа баьхкинчу салташа-дошлоша чІерий дехна. Цара шайна ца делча, вукхара, бераш делха а деш, уьш дІадаьхъна куц ду цаьргара. Цига нисвелла нохчо берашкахъа гІо даккха воьлла хила веза. И вийна-кх салташа.

Щехъана и ца дезаделла Хъату, оцу сохъта бос байна, верриг макхвелира. Йуха, шек а воцуш, ладоьгІу Айдемир вайча, доккха са а даьккхина, меттавеара. «Ницкъаш-м хуьлу-кхи...» – ала дагахь хиллера Хъату. Амма элалла дезар тІеделира. Цо шенчулла эшийра нохчолла. «Шиъ цхьаьна лелалур аьлча а, тарлур дац», – боху Хъатун даго.

– ТІаккха? – чайнан къурд бира цо.

– Хаац суна-м, тІаккха. ЧІир лаха богІучарна некъ чохь буьсуш, и хъаштдоцу нохчо Далла дуьхьал вахана. Ткъа цуьнан пхийттараваьлла харцахъара кІант, цхьана адамех кхетта, Россехула дІавахана, бохуш, дуьйцу. Зудчан бахъана, коьртахъйаьлла эмалк санна, эццашха лелаш йу. – Іожах ша цергтухучу йукъана Айдемир леере веъча, дерзийра Девлатгирас: – Нукер, луйтанан кедаш дуза ахь тхан!..

Жимхас кедаш дуьзира. Элашлахь дош леле ша кхачаза вуйла дІавах-ваханчохь хаалу, амма цу зил-коьртах тІеттІа гІуллакхаша хъегаве Хъату таьІна тийна вегІара шен меттехь.

– Имий-беркаттий, хъешан ларрий ма оьшийла кху декъана! – кад айира бос ловзучу гІумкийн эло...

– Нускал дІа маца дуьгу оха, эла Девлатгира? – хаттар багахь ирахІоьттира, барт цхьаь, тІаьхъе беркатей шайн захалонан йар Деле доьхуш, боккхачу йуьхькІоман да цуо шайшшиннех варна, Черкасскина догах баркалла кхайкхош, хІумсаман Іудикайан ваьлла Хъату.

– ХIара, Хьату, – уьйтIахь, хьеший говраш тIе хевшинчул тIаьхьа дагадеара хIусамдена. – Хьажал, хоттур бохуш Iашшехь, цхьана мIаргона дицлора-кх суна иза йуха а.

– ХIун дара иза, господин ротмистр? – цIа сихьелла говр йуха а узуш, цу тIера охьа хьаттира Хьатус Девлатгирига.

– Вайн йуьххьехь цкьа хьахавелира. Кхин мата тIе и ца нислуш гIевтти. Мичара, хIун стаг ву и Тайма? Алдара Ушармий, эвтархойн Ахьмад, баьчча Балуй, Адин Сурхой, цхьа жерочун кIант – и кьонахий-м буйцу хезна бара. ХIара Тайма мичара вели? ХIун леладо... И кхузара бевдда Кериман бисина доьзалш, шун-цигахь цо тIелаьчна, бохург хьахало.

– ХIаа, Девлатгира. И ахь дагардинарш бакь ду, – элира нукера дин сецочу Хьатус.

– Шен а, нехан а таронан хама боцуш, адамах йина, цхьацца новкьарлонаш, шеен тарйолуьйтур йу аьлла хеталахь, вайна ца кхоо тамехь ву Тайма. Цул сехьа, вайгахьа тхайга ца ваккхалахь, кхин дан хьовсур ду тхо, са ма гатде...

– Мича хенара стаг ву иза?

– Нохчашна шашь тоьлаш бирзи моттаделлачу тIамо вийначу ден чIир кхьабна йаьллинашехь, зудчо хIу дебийна, тIахьаьлла кьонаха ву.

Цхьа хаьал бIокьажоре теIара Хьатун леер.

– И-м, мухха велахь а, ас сацор ву, шу ца ларадахь... – эло кхидIа бохург дика ца кьаьстира, дой доладаларан гIовгIанехь.

Анахь синбилгало тесний, тасазий хеталора гIебартойн Теркайистана, Нохчмахкарчу хьешийн дойша цIехьа чабол йугIучу хенахь.

Хьаьжин-Эвларчу Соломгирин некьийн, кьайлах-кьулах лелла чукарешка йирзина луларчу элашцара тIекареш, дIай-схьай захалонаш тасаделла, гуттар чIагIлуш, мIаькьевлира.

КетIа-м, хала а, атта а кхечира ша, хIинца ахь чуйайтахьара нIаьне баьхна котам санна, эхь-бехк дайина, сетташ, схьатеIа гIебартойн, гIумкийн элий, шайх уьду адамаш тIеловьцучу вайнехан баьрче кхачча бохкура, шина а йуьххьехула. Шен йалхой балош веана Черкасски Элмарзин Девлатгира Гермчигий, Шелий дIа а лавьчна, охьахууш вара. Йоккха АтагIий, Мелчу-ХитГей, Жимий, Йоккхий ши Чечаней, Топли-Гечой – уьш Эндерерий, Ташкичерий, ЖIайрий баьхкинчаьргахь йара.

Оцу элаша бацочарна а, бевдда нохчашна хьошалгIа лилхина, кхузахь бехачарна а дика гора, шайн дайн цIий хуьйдина латтий, паргIатой вайнаха мел бертахь кьуьйсу. Уьш хьоггура нохчашна йукььерчу цхьабоссалех. Церан дахаран хьаьркашца кхолура шайн оьзда гIиллакхаш. Элаша бацош, бухкуш, дуьненан мерзачу декьах кьаьхьа хьего и мисканаш тамаша бина ца бовлура таронаш цакьесточу вайнехан ловзар, пхьоьха а, шун, тезет а цига мел вогIучун йукьахь хиларх. Шайн декььерчаьргий бен салам дала йиш йоцуш, йуьстах сеца, дуьхехь латта Iемина уьш цецбуьйлура хенан, кхетаман хастам чIогIачу нохчаша шайца ларьечу нийсонах.

Лай, элий воцу вайнах бовзар шайн кIарг мел дели дарлора, шашь-шайна

оьгазъоьхура и тейхна адамаш, оццул ценчу нийсонан нехан лула а хевшина шашь дайнчунна, хама бина ца бовлура церан догдикаллин, кьинхетамаллин, шайгарчу церан марзонан...

Цу дерригено тIаьхь-тIаьхьа ирабоьгура, майрабохура бевдда баьхкинарш хьовха, элаша шайца цIера кхуза балийна лай а. Лаьттана шорвалар совнаха, шен бевдда йалхой йухабержор а дагахь кхаьбначу Девлатгирин мелхуо шена хеттачу тIера а дика хIуманаш йайа дезийтира, маьI-маьШехь лелха девллачу йалхойн цхьацца резабацарша. ХIинццалц, чуьйраш текхахь а, шайна бан беза моьттинчу балхана хамталлаш йан буьйлура уьш. «Вай хIун оьшу, хала а, атта а шайна бехачу нохчел?..» – цара цхьаццанхьа аьлла, бохург даьллера.

Мел лехарх, хи чу йаханчул башха, цуьнан йуьхьиг ца кароро дегнаш шелде элий, шайн бевддачу йалхойх йухавенарг бежанах хуттуш, вахарна толор ву шашь бохург даржош леллашехь, адамаш кIамдан доьлларг тола гIертара.

Замано садаIий-долий ца битахь а, схьахетадаларехь, вайнахана йукьара демократии йуьйцу а, цуьнга кховда Iалашо оьцу а куц дара кавказерчу лоллехь бохкучу ахархоша. Церан чIогIа дагах кхеттера, бIаьрг буьзнера, мокхазан бердаш даош, чопаш туьйсу Орга санна, цIийша а буьзна, заманан халонех, харцонех вайнехан летаро.

Оцу кьонахийн доьналло, гIо эшначохь шашь цхьан дуьтур дацарх тешна хеталора элан Девлатгирин Шеларий, Гермчигарий йалхой. Кхийолчу шайн хамталлашний, резабацаршний йукьехула, цара дарехь элан карарабийларш а, цунна гIеххьа дуьхьалбийларш а лелхуьйтура йукь-кара. Ткьа царех схьанехьавала доьнала шегахь карийнарг нохчаша, шашь тIера элашна маьрша-маха лучу лаьттан дакьойх цIахь а, арахь а, пIенда боккхуш санна, хала коржамаш хедош, шайлахь дIатарвора.

Нохчмаьхкана нуьцкьала тIехIиттинчу оцу нехан феодалаша йуьхьанца нохчашкара кIен мазала доккхура, йолана. Цу тIехь вайнах шайна гIоленна – вежарий а, дай а, кьоьнгий а – шашь ма-тарллу цхьана кех чу гIертара. Цунах кхийначу элаша йасакхан барам а, хорма а шайггара хийцира. ТIаккха дуьйна хIора кIуьран кIен мазали тIе уьстагIа тоха дийзира, и бацахь – мангал балла эчиг.

Дер-дерзор, делахь, деттар доцург дан а, дита а хIуммаь доцчу, сайуьйлуш лаьтта йасакх лан гIор доцчу нохчаша, даа-духа дацарний, лаьттан кьоьллиний, хьаннашлахь а, коьллаш йукьехь а нуьцкьаш ирзош даха долийнера кьайллах.

Цхьаццанхьа схьадетталучу цунна Черкасскис тIаьхьабаьхнарш, сера дайна котам санна хьийзара, и бехке деш, коьллаш, хьаннаш дийнахь а, буса а кегош.

ХIинца Iахин боьрахула (Iаха цIе йолчу стагана эццахь цхьаь-м хиларх оцу меттигана йахана цIе йара иза.) цхьанхьара-м воьгучу Девлатгирас говр йухауьйзира. ТIаьхьа воьгучу нукерниг сецира. ЛадуьйгIира. ЙУькьачу эльхьамчан кондаршлахь диг детталора. Цуьнан декарх элан лерго кьестадора дагаро дийриг. Дечиге деанчу дагаран тата дацара схьахезарг. «Иза лаьттах доккучу дечигийн орамех лета. Ирзо доккхуш ду диг!..» – сецира эла. ТIеваха а, ца ваха а – шина дагахь йуьйлура элан ойла.

Тпаьхьарчу нукерх а, шех а эхь хетта, диг дуьйлучуха йолайалийтира эло говр.

Кхо стаг вара, сихвелла, ирзо доккхуш.

– Шу хIун деш ду-у? – хаттийтира Девлатгирас нукере.

– ВаIалайкум-солом! Далла доьзийла шу а, – боуш тиллина мангалан куй хьацардаьллачу йуьхьах хьокхуш, ирахIоьттира, кондара тIехьа социьла нисделла, ДевлатгирагIар ца гун Тайма. Царех цхьаммо салам луш, шайга хьокьийла аьлла, сурт хIоьттина.

Шу хIун деш ду, бохура аса-м? – лер доьхна хеталора нукеран хаттар мелла а.

– Хьуна ца го оха дийриг?

Диг карахь Тайма баьхкинчарна тIеволавелча, кхуьнца волу шиь дикка вулавелира.

– Ирзош даха мегар дац ма аьлла! – алийтира эло нукере.

– Хьан?

– Хуур ду вайна, хIара хьенан бу-м!.. Дукха оьгIазвахана, цхьана меттехь ца сацалу Тайма, кхин вистхила а ца велла, шен балха тIе вухавирзира. Цуьнан буйнарчу дагаран инзаре дегорна шеен хьаьбна бIаьргаш схьабиллича, мотт Iаьвшича санна, дохковаьллера Черкасский. Амма уьш дерриш лачкьо, вист ца хуьлуш, дIавахар дола хийтира.

Шешха-м вацара ротмистр Эльмурзович. ХIан-хIа. Ишта ледара-м хуьлийла йацара, таттавелла веана нохчийн латта дажа охьахиьна БековичагIеран инарлин хьарам дуьнентIе ваьлла кIант.

– Хьо мила ву, ван? – гучувелира кIайчу чобийца, бохь лекха чо чехка чола куй коьртахь, иштта олу, осмалойн тапча хаьн тIехь, кхелина шаьлтий-доьхкий йукьах дегIана тоьлла, борачу динахь безамехь бере, кхаж дато шед буйнахь.

– Шайн-цигахь дуьйна айхьа хьотту со маца вовза волу-техьа, кьонаха хьо? – элира вухавирзинчу Таймас. – Дукха хан йоцуш АтагIарчу тезетахь вайра вайшинна-х.

– ХIа-а-а! Тайма. Ой, мича тхайн-цигахь? Стенна вогIур вара-техьа суна хьо дага? – гIехьа битамаш сеттира элан йуьхьа тIехь.

– ХIара гергарло шардеш, Хьаьжин-Эвлара Хьату хьо волчу лесташ!

ЧIогIа шега ойла йайтаре Таймас далийнчу оцуьнга ладоьгIна хилира Черкасский. Амма кхин кIорге ваьлла, и цакегор гIоле лерина, Iалашонан хаттарца шайн хабар хийца вуьйлира иза:

– ХIорш хьан кьонахий хир бу?

– ХIан-хIа, хIорш оцу Кериман бераш ду.

Мича Кериман, ца хаьттира, йуха а ша харцахьа тасавелла хеттачу Девлатгирас. Сурт даккха санна, лерана хьаьжира иза кегийчу нехан бIаьра. Оцу мацахлерчу ирчачу буса мел хилларг деган бIаьргашна хьалхахула дуьйлалуш, карладевлира эланна.

– ХIара ирзош ас дахар дихкина ма ду, Тайма, – элира цо шадерг дIатоттуш.

– Ой, веана схьахIоьттинчу ахь хIунда доьхку, ва Девлатгира, наха шайн лаьтта тIехь дийриг?! Сан лаьттан дакьа тхо дерриш кхаба лара ма ца до.

– Цуьнан бала бац суна! – кхоьссира эло, шедан кхаж хьажош.

– Бацахъ, хъайн ца гIуо. Хезий хъуна, хъайн ца. Нехан йаа а, йуха а деза!
– дукха дарвелла, Таймин диг буйнара куьйгаш каррехъ дегадора. – ГIуо-те!..
Балий, латгий долчаьргахъ дита... уьш цара шашъ къастор...

Техъаьдда, мара а воьллина, Алиханний, Асланий цхъана хъаштдоцху
ларва дIавадийра, шайна веллачу ден метта хIоьттина догдика Тайма.

– Дитахъа, Тайма, вай тоьлар дац кху дуьненахъ, – хьоьстура иза, кхеравелла,
жимачу Алихана.

– ДIадоьлху тхо, господин пши...

Шашъ бахъанехъ Таймина сингаттам баларх вогуш, когаш а, куьйгаш
а лехначу Асланна чохъ дендаладуйлира шайн Гебартахьлера йалхочун
доллунна а кIелсеца цIийх доьлла бIаьрзе муьтIахьалла. Цеххъана вуха а
верзийна, феодалана гуоравожийра цо кIант.

И гинчу Таймас, Алиханан карара а ваьлла, тIара тоьхна, кхобссина
дIавахийтира Аслан: – «ИрахIотта, зуда-бер! Вай Гебартахъ дац, боьрша ма
хиларг!!»

– Бакъ... дIаэца хъайна, – элана чутасавеллачу Таймина улле иккхира, шех
хиларг ца хууш, тхъусвоьлла Алихан, шен жоммагIа а айина.

Кхеттачу тIарано мIизваьккхина Аслан, хъала а иккхина шен дагара тIе
виллавелира, хьераваьлча санна...

Леррина цуьнга хъаьжча, дагахъ кхеравеллачу Девлатгирас, пIелг лоцуш,
говр дIаэккхийтира:

– Хьовсур вай!..

– Ма гIуо, досса говрара, зуьдан-кIеза!..

Эла лоцуш, ца лоцуш, цунна тIаьхъа баханчу маьхъаро йерриг аре
тхъусйолийра, йуьйлина.

Цергаш хъаккхийначохъ ша вуьсуш дирзина, и шайн иккхинарг Таймас
чIогIа дихкинера Асланний, Алиханний адаме багах даккхар. Цхъаннахъахула
а цунах хIума ца хаадаларехъ, элана а башха йуьхькIам ца хетта куц дара иза
нахала далийтар.

Хан дIаоьхура. Амма шена долчу декъана и иштта дисахъ, Тайма тамаша
чIогIа бийр болуш вара. Цо, дагахъ кийча ларлуш, лерина ладоьгура
Девлатгира хъахавеллачохъ, дуьйцу-олучух цуьнан хьожа-мода кхета ца
кхета. Мискъала-зарратал хIума ца тосалора, тIеттIа балеуьйлучу эланий,
йазлучу цуьнан йасакхний адам лер, резадацар сийсар доцург.

Цхъаццаберш шайн-шайн лаьмнашка йухаберза безам болуш хаалора. Ткъа
дукхахболчара и башха ца тодора.

...Вада луучун, уьдуш садолийла, кьийса луучун, леташ кадолийла...

Мехкан балийна адам вовшакхеттачохъ хийла нохчо йахъ воккхура,
цхъана хьекъалан дайша леррина цунна даьхначу оцу нийсачу дешнаша.

Цхъана бIаьстенан пIерасканан дийнахъ рузба чекхдаьлла, маьждига чуьра
арабовлуш бара шелахой. Шен Южа говр дIо гIончакъан кертах дIа а тесна,
майданахъ, йалкхан тIе йаьллачу нIаьнех дегала айавелла лелара тамехъ
вухавелла Хьату. Тавала гIерташ, цкъа тIехъа лоцура, йуха охъахьцура цо

пхъаърсаш тамашийна деха куьйгаш. Нахалахъ шашшиь даима билгала хила везаш лоручу шайн шел воккхачу Сатус санна. Адам, хIара тайп-тайпана тергалвеш а, ца тергалвеш а, хъаърме даржа делира. Цхъаццаволчо, схъахъавзий, кхуьнга салам-маршалла а тосуш.

– Нах, шорто хилалаш! – вистхилира Сатуна резакеталуш, цунна улле хыйза цхъа къонаха. – ХIара хъаша вайга цхъаь ала дагахъ веана сурт дуьйлу. Суна моттарехъ.

Адаман жил-Иаламат схъахъажаделла хилира оцу сохъта.

– Дукха хан йоцуш охъавеана, дIа-эвлан йистехъ Iаш, чIебарлойх вуй-техъа моьтту суна хIара, – вовзуйтура воккхуочу шелахочо. – Важа шуна вевза – Хъаьжин-Эвлара, Соломгирин некъойх...

– ХIаа, вевзу-те.

– Девлатгира-эвлан цхъа сиха гIуллакх даьлла, Сехъа-АтагIа ваха дийзи, нах! – массарна а хеззарг лера Хъату. – Шуьга дIаса ма довла ала, боху со схъа а хъажийна. Жимма шух дагавала хIума долчух тера ду цуьнан. Хъовсур ду-кх вай. Галуьрг хир вац и дешан да.

– Ой, ахъ схъаала, – кхоьссира дIо-йуккъерчу цхъаммо чаьмза. – Цу гIебарточун чуьра-чо хилла лелачу шу Соламгирин некъашна-м кIира хъалха хаа деза цунна дагадогIу дерг.

Хъатун ваккхийра лелар хаьал дожош, и адамаш йуккъехъ даьлларг. Цунна резахиллачех дукханна хаза дисира, муьлхачо эли.

Органан аймина бурош санна, маьждигехъ кегаделла адам, ваха мегаверг воьдуш, виса вогIург соцуш, меллаша лахделира. Бисинарш, шашш нисллучу – керташ йуххей, бай тIей дIатарбелира, меттахъхъеш.

Тийна, IаддIара майда. Тапъаьлла, гIар-тата йайна. Схъахетарехъ, хIораммо шена хетачун а, кхечарна хета долчун а оила йора, меллаша шашех дагавуьйлура. Ма бос цхъаь, вовшахлато, хъуьйш къахъега ца дезаш, чIогIачу лааман, бартан буто лам, китайн пен хир бара оцу ойланех тIекIелйоьттича.

– Цуьнга вай хъуьйсуш текха хан йацъйан, хъан дац-техъа, хIокху тIаьххъарчу цхъана-шина шарахъ гезваларш садевллачу, Хъату, вайна дийца а, пайдехъ хIума? – хаттаре вистхилира, Iасанан йуьхьиг нийсалгIа хъежо къена Бача. – «Лелачу жIаьлина кхета гIаж ца эшна» – аьллагунний дайна. Масане хеза, аренаш идочунна. Вистхилахъа.

– Кхи дIогара керла хIума а ма дац сан-м, Бача, вайна хуучел тIех, ка лаьттах боьллинчу берзан дагахъ оьхъ-моьхъ деш, аз тодина, белшашкахъ сетташ, дегI самсадаьккхира Хъатус. – Шуна ма-хаьара, вайн цхъаболчара эгочу хIуманашна шенчулла резавоцуш ву эла хIокху тIаьххъарчу хенахъ. Кхидолчарна тIе хъешан йуьхъ йара вай цуьнан ларъйан йезаш...

– Хиндацарий шен цIахъ Iийнехъ!..

– И хъошалара ваьлла дукха хан йу...

– НаьIалт дена хуьлда, цунна резаволчунна!..

– ХIара мила кхайкхина веана?!

Иштта наха кар-кара оьцуш, боьха багахъ хъовзийра гIебартойн эла. ЧIогIа шех тоам бина ваьлла стаг хеталун и Девлатгира ондда сакхат шена тIехъ долуш хилар иккхира, цIеххъана деана, йукъа: «Хъан, муьлхачунна вина а ца

хуу хАра...», – аьлла. Амма, дика къаьсташ ца къаьсташ, дайра иза, гуттар масделлачу вукхарлахь. Кхузахь маьI-маьIнехъара чIогIа кIаж-мехала дохура ХьатугIара салойх, Гебарта хекабалар а, цаьрца захалонаш тийсар а, цигарчу элашна Нохчмахка догIу некъаш эвхьазадахарехь и чуччоьнтеш цигахь шайга кховдийнарг чекхдалиита гIортаза Ийна хир йацара а...

– ХIети ткъа. ДIахоуьйла Соламгирин некъашна, кхара цуьнана йуьхь лецарх, тхуна шайх элий хир боцийла.

Пхьуйшахь кIурбаьккхина цигаьрка шега схьахьаьвсинчех лачкьийна цхьа къонахчун йуьхк йара и аьлларг.

– ХIаа, лаа ца аьлла нохчаша: «Iуьргара берзан кIеза а ма долиила, аганара элан кIант ма вуссийла!»

Багара и дешнаш хьовха, йуьхьан бос а, цу тIехь мел болу битам а дуьхьалбелира, нохчех эла валарна цу бурслуш вистхиллачу Бачин. Йа цуьрриг духахь а ца хийтира, жима-воккхаллин гIиллакхца догIучу кепара дагахь а, багахь а дера хIетаца и чIагIдинчу адамашна.

– Хьовсал шу, нах, – тIевеанчун «де дикенна» гIеххьа айалуш, долийра Бачас. – Мел дукха дайнехь а, дала хан ца кхачош, ардангах борз санна, хенарчех хедош, бIарваьлла со. Гина, тIамо эгораш гина, уьной, мацаллой хьобкхурш – байна хIокху бIаьргашна! Сарралц белларш, сахиллалц бихкина дIа. ХIетте а, ала эхь хеташ, деза хIара хьайга къиза доуьйту, хьайна готта дуьне. Бехк бац. Мерза ду бIаьрг хьежар, хIара гар. Башха дIора хьелаш-м ламанан цхьана а къомехь долу куц хеталац. Амма, и туркой, хIара гIазакхий кху Капказе гIерта бевлчяхьана дуьйна, вайн докъазалла делахь а, йа вайн ирсана доладеллехь а, ишта, массарначул ницкъ чIогIа вайнахана хуьлуш схьадогIу. Цара харцо ца лов дела. Уьш цуьнан къиза мостагIий болу дела.

– Дечун ду, олу, гIуллакх! Цу тIе, Бача, ас цIе йоккхур йац, вайлахь болуш бу шуна, элий хила дагахь нах.

– Иштта олийла йуьйлу кхузахь, Тайма, – хевшина Iачийн могIанца охьахьаьжира Бача. – ХIинца дика хаац суна, йуьхьанца вай алсам дара ламанхошлахь. Оцу ломара охьабовлар къуьйсун дукха хIаллакьхили нохчий. ХIинца жимма лацаделла догIу вай кху лахенца. ГIоьрттина, цхьадика, хIара йарташ йогIаели: Дадин-йурт, и Гермчига, Хьаьжин-Эвла, ГихтIа, дIогара Чечанаш, АтагIаш, Алда, хIара вайн Шела... Жим-тIама чу садогIур дара, хIара биь-тоьхна чугIертарш шайн цIахь Iахьара, – дехьа а, сехьа а куьг теттира Бачас.

Салойн, Гебартойн элий буйла хаьара хьаьрмана цо куьйга йухатуьттурш. Адам реза а дара Бачас хьедечунна.

– ХIан-хIа, нах, – хатар хиллачун кортали догу аьлча санна, лен велира шайх вогу Хьату, – и элий вайна тIе биссийнчех коьрта бахьана, церан лай вай тIекIубар дара. Шайн маьрша-маха баьлла йалхой бовла царна цалаарх бехкбуьллийла йац сан-м. ткъа вай, и церан лай тIе а лобцуш, лергаш таIийна, IадIийра.

– Уьш-м цара иштта шашь тIаьхьабахка, схьахьийсорий хаацара...

– Иштта а, вуьшта а вайн йиш йацара, хьошалгIа лелха адамаш дIакъехко, Далла кIел а хевшина! – элира Таймас, дIанехьуо Iачу Аслане а хьожуш.

Нийса оила йечунна эццахь бӀаьргана сурт хӀуттуш, дагахь карладелира, чӀерана хин кӀорге санна, дуьненан гӀоле йезаш, халонера схьауьдучу адамашна кхерч-кхалор йеш а, диэн-детта нисдеш а вайнехан доггахь хийзаран. ХӀинца бӀаьрг хӀобттина Іачу Асланна. Кхидолчарна йуккъехула дика дуьхьалтуьйсура ТаймагӀаьргахь, шайн ценошна кибарчигаш йина белхий, ценош хьобху а, тхов туьллу а адам, куьпо шайна ши старгӀий, дуьхьарг эцар а, цхьана зудчо ши котам, нӀаьний шайн керта хецар а...

Ткъа Хьатун коьрта чохь чӀогӀа Іара шай, Сатуй элан дарже кхачор цхьаныхашха билгал чекхдериг хиларх Черкасский шена тешна хетавалар. Цу балхо хьеребинчу Саламгирин некъашна дуьне-эхарт а, доллу дош а дицделлера.

– Вайн а ма лелха цхьацца нацкъарабийла дезарш. Кхо-диь шо долуш йуккъерчу кертан хьокха дӀасаозар кьовсадалар тӀехь стаг хьаьрчина, лакхяхьара ваханчу ЙарагӀис хӀун дийр дара, цхьанхьахь ша тӀе ца лаьцнехь, – лоха далхадора цхьана тамехь лергина кьобжа маж йолчо. Кхузахь дазделла хабар кар-кара оьцуш, билгалделира и ЙарагӀий цхьанхьа-м салтийн карах валар а, цуьнан кӀант цхьана адамашца оьрсийн махкахула дӀавахар а, Гебартахь декъаза де дадийна доьзалхо карахь лелаш цунах йисина пекъар хилар а.

– Дера, нах, со теш волуш, оцу Хьатус шен хенахь дукха-м бехира и тӀеобху адамаш йухатоха, – элира йисте лаьцна Іачу, тӀехь-когахь мелла а гӀолехьчо, ладегӀна. – Суна хетарехь, хӀинца йуьртана а цхьа чамбайа карзахьӀаьлла, оцу ЙарагӀи-мисканыхь йахана сутаралла. Ма йейша, эххар муьлххачунна а ши ког дӀахеццал бен ца оьшу, латта кьуйьсуш, вовшашна весаш.

– Сацийта, сацийта! И зуьдан хабар ду, хӀокху махках лулахошка шерет дайта гӀертарш! Лаахь, ког хеца а, лаахь – и чуоза а, хӀара кьуйьсуш дай беллачийн ду нана-латта! Ткъа ахь, хьайн ненахошна тӀе а воссий, ийза цаьргахьа!..

ОьгӀазвахана, ша Іаччохь вегавора, нуьцкъаш луйьчура сацавелла, верриг вехьа Тайма.

Хьошаллех, накъосталлех адамна зулам даьлла меттиг йац, элира Бачас, генадала марсадуьйлу гӀуллакх маслаӀате дало. Амма «ТӀехь-когахь гӀолехьчун» ненахошна Іоттар йан хаза гӀортар билгал а даьккхина, йишина воӀана а, цуьнан ненахошна а эхь хетийта, дай-й тӀетуьйхира кьеначу тхьамдас:

– Вуьшта, йишин воӀ, и ахь хӀинца шерехьа худар уьйзу ненахой мичахь бара-техьа, хьан Іай баьгна элан хола шелахоша меттахӀоттош?

– Цу дехоша тӀе ца озош, жимчохь йисина, бай кхобуш шайн ненан йалар дагалаца, дош доцург дитий! – кхобссира кхечо.

Оцу шайн деанчу кьамелана тоьшалла дан кийча, ладоьгӀинчохь йисинчу майдане ала хӀума доцуш мотт сецна Хьату а вуьсуш. Деган Іаьржалло бакьонна даредан ца вуьту йишин воӀ, уккал таӀийна, адаме кӀелдӀахула бӀаьрг гома кхарстош, вахара майданара.

Цу кхиссаршка далара тӀехь, цхьана тосаделлачо дожийна, гуттар цатерг хьовзийра йукъа: хууш ма дуй, Девлатгирас шен йолчуха Сатун кӀанте

йелларг цуьнан стечун йоI хилар. Ткъа оцу ненамайрачо шегяхь сацийна бон сахь-закатах вовшахкхеттарг марда кIелдIахула несе дIадобхуьйтуш ву. Иза, йукъ-кара царга хьажа-хIуттучу Гулазас далхийна, схьахетарехь. Шен махкахочуьнга Аслане.

И кхузахь хьахадалар шен лерах кхетча, гуттар мекхех тасавелира цхьацца цатамаш цунах лелха герга хета Сату.

Кхуьнан доггах, цхьадика, дIатийра иза, башха гоьдала кхиале. Бакъ ца хеттехь а, йа цунах кхиинчу баккхийчара дижийнехь а.

– Цхьа береш-м богIу вайна.

Берриш дIахьовсало...

– Эла ву... Хаза тамехь хьалагIовтталаш. ГIеххьа воккхучо луйта лоцуш, говрара а воссаве, – латтарехь, шен ма-хуьллу толуш, айавелира Хьату.

– Ахь де ахь иза. Нохчийн жимахчо лоцу веанарг вуссучу говран йуьхь-луйта.

И хеза-къаьстачохь ца хилира, Давлетгира вазвеш, цунна дуьхьалхьада кечлу Хьату. Адамаша дашацаре балдаш дохура цо лелочунна.

– Тайма, хьо меллаша, эццашха ваьлла, дIавахча хIун дара хьовх, – тIехьахьа куьг хьажийра Аслана. – Хьо вайча, цу хьастахлерчу кепо чаьмза воккхурий-техьа, вуьшта а цунна тIера иза.

Дала хьеха, и-м хьаха йац цунна йицъйалийта йалийна. Вуьшта, хьо ишта ву-м ца моттара шена, Аслан, элира Таймас. Ишта-м, оцу Делан ницкъ кхачарца, набарх цунна дуьхьалвийлалуш велара. Ткъа Аслан кхин вист ца хилийта, шен бете пIелг лецира Таймас.

Теттина, нукерш гуонах а баьхна, шен дагахь, борз санна, веана схьакхечира, хIокху тIаьхьарчу хенахь къаьсттина адамашлахь кхоьлина хилар хержа ваьлла, Девлатгира.

Майдана йуккъе йаьккхина говр сацийна. Шен ма-хуьллу буьрса дIасахьаьжира иза. IаддаIара адам, цуьнан говран йуьхь-луйта лаца воьду жимаха воцург.

– Ассалам-Iалайкум, хIай дегала шелахой! – воьссира динара эла.

– ВаIалайкум-салам! Бусалба ваша. Иштта тхуна хьайн чам бан хьажахьа, къонаха. Доллучул хьалха вай адамаш ду хьуна... – веанчунна жимма дуьхьалволавелла сецначу Бачина тIаьххье ирахIоьттира йерриг майда.

Цхьаберш элана тIе боьлхуш, вукхарна хIара тIе хIуьттуш, салам-маршалла эцна хаьттина шавш девлча, хьарман цхьана маьIе ваьллачу Девлатгирина тIаьхьа бевлира цуьнца баьхкинарш. Вухахилла, цунна аьрру аIо лецира Хьатус.

– ХIун боху, муха бохку, Девлатгира, атагIой? – йоккха ца йере гIар-тата йайначу хьаьрмин мотт баьстира, кIайн маж белхан берчийн куьйган тамехь шарйинчу Бачас.

– ХIун бохур дара цара? Цахиндолчух догдиллина, дIабохку атагIой. Ткъа аша сан а, шайн а эрна садоу.

Кура луйьчу эле хьаьжжинчохь висинера, хьаставаларе цуьнга ладобгIуш, велаоззийнчохь лаьтта Хьату.

– Ма хала дац-кх, Девлатгира, тIевеанчунна бухарчаьрга ша хьийза ца вайта, дан-м ткъа.

– Ишта ма алийша, ва воккха стаг. Бача варий хьо? – бен боцуш, шедан кхаж хьажийра эло. – Тхо, цхьадолчу декъана дехний, йухадолчунна хьовсиний ма-диссиний кхуза. ГПеххьа шуна шайна а хууш. Дерриш цхьана сан, шун карахь даций хЮрш-м. Кхетийша, хЮай, деллаша!

– ХЮети, – шеха тодира Хьатус, и де аьлча санна, шега а хьажавелла, элан луьйчура сацар.

– Шелахоша-м дийхирий хьовх шу!...

Шелахой, нохчий бен-бен беш, цахарах кАадболчаьрга хаттаза хуьлучийн, гЕбартойн элий вайнахала баржар. И аьлларг шена ца вевза моьттуш, лере веанчу Хьатуна хаьал корта таЙийра феодала. Таймех лаьцна жимма хЮма ала дезарх важа кхуьу бАьрган бАьца а йеш. Хьатус-м ша схьакхачарца адамашлахь Тайма волу меттиг лехна а, лерина и бАьрга лобцуш а хиллера.

Куьйган а, бАьрган а, бетан а эшара адам тедан, собаре дало хьоьстуш, шен хирг деш, йишйобхна, мехкан воцчу стагана хьалха бехкалавахана хеталуш Хьатун хьийзар шен духьа дара доллучул хьалха. Схьагарехь, и дадала тЕлаьцна йа цунна тЕе дожийна хила герга дара иза. Вукхуьнан дукха хамаза леларехь, цуьнан кхуза ван дезар.

– Тхо ладугЮш ду-кх ахь деанчуьнга! – эккхийтира, элан дукха тЕхтуьйсу хабар кЮрдийнчу цхьаммо.

– Эр ду, – ладоьГна волавелира Девлатгира. – ХЮан-хЮа, нах! Денна бохуш лаьтгашехь, шу тЕетГла эвхьазадуйлу хЮманашна. Аша, хьун а, куол а хьоькхуш, кьайлах доху ирзош дуйцу ас. Ма де бохург кьаьсттана марзлуш нах ду шу...

Майда иккхича санна, маьхьарий девлира адамийн: «ХЮунда?! ХЮун дина оха, ца дича дериг?! Тхан йиш йац, тхешан лаьтта тЕе а хевшина, мацалла дала!»...

– Собар, собар, адам! – куьг айира Хьатус, диканиг хила.

– Собар ахь дел, Хьату, хЮинца. Тоьар ду! – Иасанах тевжаш, ирахЮьттира Бача.

Ерриг хьаьрме хЮалагАьттира, деггелц йогЮчу кЮайчу можан сийнна.

– ХЮан-хЮа, охьаховшал, нах. Охьаховшал! Метгах дЮа ма хьалаш!.. – оьгАзвахана, бетан йаххашкахь чопаш теснехь а, деган Юайган цхьана сонехь озавалар хебара элан. Масуьйтгазза ницкьо човхийна адам шега иштта дистхила хЮуттур ду ца моьттинера, шайн цигахьа и кеп ца гинчу кхунна. Шайначулла нукерш а боьхнера. – Ой, хЮара хЮун ду-у?!

– Уьш-м охьаховшур бу, Давлетгира. – Бачина тАьххье охьалахьелира майда. – ХЮума хир дац, хьо жимма сихвелла. ТЕхвуьйлу...

– ХЮун бАьргаш бу тЕебоьГурш! Тхо шун йалхой-котамаш йац хьуна. И йиш-маАаш тхобца тарлур йац. Цу хичех кхузахь йурт йиллар хир дац...

– ХЮаа-те. Собардел шайна, – ша Юачохь хаьал айалуш, товелира Бача. – Хьо валийнехь а, ваийтинехь а бен дац, Девлатгира, ницкь хуьлучарна. Уьш тхо ду, – майданхула куьг тесирана кьеначо. – Ишта а, вуьшта а нехан духьа ца нисвелла хьо кхуза. Иза цхьа кхел хир йу. Дийцал ахь.

– Хийланна шух дан хЮума хир дац моьтту, – ваккхийра волавелира эла. – ХЮан-хЮа, ишта дац. Айп кхет-кхеттачуьра дЮайаьккхича, йисина гЮабакх йаа

мега. Адамаш ду иштта айпе а, айпаза а – схьякъастийча, мегадерш сов. Ас тӀаьхьа вовзуйтур ву шуна и, вон кхаж баьлла аьлча а, ша баьккхинарг. Ас бохуш ма-дарра, туркой Iад мел ца Ин, йасакх сайийлаза йер йац. ХIинца кестта дуьйна ахгирда йалтий, лан далла эчиггий тIекхета иза.

– Тамаша бу-кх, оха и дахь!..

Цхьабосса бохург санна, дийкира йерриг майданахь.

– Дайтича, дийр ду. Цалуург, шен мокхазан лам бажа хьалавер! Сан латта Iахара Iуьллур дац. – доцца хадийра Девлатгирас.

– Ой, и хIун хабар ду?! Ахь, хьюо кьюотIалгIа вайтинчу ден цIера кисанахь-м ца деана хIара! Мичхьа ду хьан латта?..

Оцу кхьаьхачу маьхьаро хье тIе баххаза бисина бакхий бIаьргаш, хьераваьлча санна, адamna тIехула кхарстийра Черкасскийс:

– Мила, муьлха вара...схьякаравел иза!..

ХьатугIарна тIе кьарззинчохь висинера эла.

– Виц ма лолахь, ахь лехка, тхо хьан лай дац, Девлатгирас... – дийкира майданера.

– И ирс ду шун тахана! – кура чIугтуьйхира эло адамана.

– ХIунда «тахана»? Кхана и кхачо-м ца воллу хьо? Хьайн кIесара кIаг гур бу хьуна, и ца хуьлуш!..

Хьастаха коьллаш йуккъехь Таймас шеца йалийна кеп а, цул хьалха лакхаьхьахь цхьана стагана шед тоха безам хиллачу шега нохчаша хIоттийнарг а карладевллачу элан дог тамашийна кхераделира. Уллерчаьрга цхьаь-м хаттаре дIасатаьIначу цо бIаьран эшара гоме кегийра хьаьрме, марсабевллачийн коьрте йовза дагахь. Цу хьажаро лаьцна йуьртан молла социьла дайна хилира, ша Iадохь...

– Ва бусалбанаш, хIай! Мел латийначу кьина Деле гечдар доьхуш, оцу чохь, – маьждига тIе куьг хьажийра цо, – вай корта беттар хIун пайда бу, ара ма-девлли шадерг дойуш хилча? Беа бац! ХIара харц дуьне, хала мел дии, эхартана йоле дужу. АллахIа ша а, цо даздеш доссийнчу кьорIано а чIогIа кхераме дуьйцу, хIара гIаж и йелахь а, шена тIехIоттийначо бохург цадар, цунна муьтIахь цахилар. Со йукьара ву, оцу Iедалан дена резаниг, – Девлатгирина тIе берзийра моллас шен суьлхьанаш кхозу пIелг, – эхартахь декьала хилиьта. Пачахьаш-м Делан лаамца лелаш нах бай. Оцу везачу Дала лардойла вай царна дуьхьалбуьйлучийн, цу Дела цхьаь, элча бакь цавечийн лахьтех.

Эццахь хьаьрмехула кхерстина кьедин бIаьрг шена тIехь сецча, Тайма охьатаьIира. Майратуьпахула ваханчуьра селханий бен цIаккхазчу цунна, ша элаца йалийна кеп хIеттахьехь дуьйна хуу сурт хIоьттина.

Пеза-Молла тIехьха эвлайааллин дакъа кхьаьчна стаг лоруш йара Нохчмахке. Хийла Делан лена тоара, чекхдаьллера Пеза-Моллас аьллий, цунна хетий бохург. Дуьненан цхьаьца кьайленаш, хирш, хиндерш хуу шайхалла цуьнгахь хетачарлахь тIаьхьара вацара Тайма. «Шайхалла-м хьаха дара цуьнгахь, лечкьадо-кх», – олу хIара, цуьнан бага хьаьжна а, валахIоьттина и кьовса а кийча вара.

Закат, мархин сахь, кхидолчу шен сагIин бохь цуьнгахьа буьллура Таймас. Шеначул хьалха васхала а цунна йоккхура. Гурахь йуттий хьаьжкIийн варда йассайора, тIехьха Iаьнна элан хуола хIоттабора цо динан дена.

Оццул ша лоручу ГЕза-Моллина хьалха шеначулла бехкалавахана, цунна шех шадерг хаьа мотгар тЕттIа садуьйлуш Iара, бусалбанан кIадаллийн, кьонахаллий цхьана даг чу тардан гIерта Тайма, йукь-кара кхосса а луш, ша волччоь. Динан дас хьоланний, ницкьанний корта тухур бу, цу шингехьа цо узур ду бохург, кхуо аьттехьа а ца дуьтура.

– Со лобхий ахь? XIара ву хьуна – йукьавелира, Аслана сацийна Тайма.
– Ларрий хьажа хьо! ГЕза-Молла, хьов бехк цабиллар доьху. Хун дийр ду, Iелац..

– Вевза суна, – корта саттийра гIебартойн хьарам винчу эло. – Йа вицлур вац шен хенналц.

– И хIетахьлерниг ву-кх со. Хьайн лераниг м кхоаделахь...

– Вац, тIаьхьаIитта хьайх теранаш боцуш-м... – маьхьарий девлира маьI-маьIПехь.

Оцу хенахь герзех воьттина виь-пхиь драгун кхечира майдана. Адам цаьрга хьажаделира бен-бен. Хьатул бекхабелира нукерш.

Дукха дарвелла, цхьацца ойланаша вехьавечу ротмистрана Эльмарзин Девлатгирина, шаьш схьакхьачийла хайта, сийдеш, ког тоьхна, хьалхаIоьттина драгун кхоччуш тергал ца лора. Хьатус мекара ветира цуьнга и, хиллачул ца кхуьуш сира дин сецо бере. Ротмистра тIе вехна хIара, говрара вай-й охьаиккхина, мох санна, дIавиллабелира.

Шеца доца хиллачу кьамелана корта таIийна драгун маса дина хиира. Цхьа цамоьттинарг эккхадалар тардаларо салаьцна шелахой тамашийна совцабеллера цхьана йукьана.

– Варийлаш, тахана-тховса дуьйна цхьана а меттехь шайггара ирзо ма доккхуьйла аша цхьана а дегIо, – буьрса дIасахьаьжира Девлатгира везза. – Ца тешачунна таIзар муха хир ду гайта, Тайма хуур ву цунна кечдайтинчу ор чу...

Мегарг нехан бIаьра а ца хьожуш, луьйра эла.

Адамашлахь гIугI сийсара. «XIун даьллагунна?!» Воьхначу Асланна уллера Тайма шеек а вацара. Массара а иза хаттаре тергалвора.

– Ишта-м хила дагIарий хьовх, Девлатгира, – XIинццалчаул деза дара воккхачу Бачин лер. И тергалделла адам дуьхьалдала кийча меттахьхьаре деара. Эццахь, дерриг доруш-дустуш, ойлане ваьллачу Бачин нах собаре балор сецира. – XIокху наха саетта, гIебарто. Тхо и дан Iемина ду, тхешан собар кхаччалац. Амма и кхачадой...

– Tаккха а хир дац хIумма а. «Сатоьхначу салтичух эпсар хилл» – олу. Таймина и ца лаьа. Ротмистрана тIаккха кхин лаьа.

Буьйран мукьамехь деара элан луьйчура сацар:

– Схьалаца!

Шайн эпсаран омрица говрашкара охьа а лилхина, драгунаш Тайма лаца буьйлира. Нохчий дуьхьалбевлира.

Ций хьийза моьттар дара, царна йуккьехь Аслан, кхин цхьа-ши гIебартой вайначу элан бIаьрга.

– КьотIалгIа винчу хьуна луург-м дош дацара, – аьлла, шайна йукьара хьалхаваьллачу Таймас йийриг ша-дIа Iоттар хетара дукхахболчарна. Ткьа,

ладобгІна, хаьал вохар доьссинчу элан куралло аьттехьа а ца дитира, хІокху кьорачу хьаннашлахь воллучу нохчочунна, адам тешшал шена тІехтоха хІума хуур ду бохург. Амма деган кІорге мерцина дІайаьккхира коьрте хьевддачу бакьдолчара. БІаьрган негІар тухучу йукьана хийла хІума схьалаца-листа кхуьучу ойланна карладевира шортта.

Цхьана хенахь шех инарла вайтинчу стагана совгІатна йала, бІаьрго йаттІол хаза, чергазойн йоІ эчна Петарбухе вьодура Черкасский Бековичан Эльмирза. Оцу йоІе шен безам бахара цуьнан некьан бохалла. Лелийра эло иза. Цу йуьгучу дІакхачаза йисинчу чергазочо ЧеркасскигІарна кьотІалгІа вина ву хІара Девлатгира.

ХІинца Таймас санна, цхьана шайн-цигахь тасадала мегачо тІехтохарх ларва нисвина хила а гена дац, ГІизларерчу эскаран командир волчу Эльмирзас хІара шен воккхахволу кІант, ротмистр Девлатгира кхуза, вайнахана тІе...

– ХІан-хІа, нах! Йухадовлал, – долийра гІовгІанаша сацийначу Таймас. – Эла динарг доькхуш ву. Латтийта. Цу тІехула шуна хьовзам ца богІу. ІадьІе, ас ца кхачабо шуна иза. Вай эшна хІума дац кхузахь. Аслане дуйцуьйтур аша. Бакьду, со ор чу волларх, гІуллакх, Дала мукьалахь, хьуна моьттучу тІе догІур дац, Девлатгира. ТІаьхье йеха йу. ХІа... – Волавелла драгунашна тІевеара Тайма.

– ВаллаІазмора, ма «ХІа», оха хьо иштта дІа а луш-м... – карзахделира адам.

– Со лаца хьан меттана!..

– Бача, вистхилал хІокху адамашка, – Аслан йухаваьккхира Таймас. – Пурба дац шуна, нах, хІара зуламе далийта!

– ЙУхадовла, ма-тов ца хилча, ма-торру бакьахьа ду!.. – Іаса айира Бачас. Адам обгІазе дІатийра. Таймин куьйгаш дІадихкира драгунаша.

– ХІума дац, Тайма, хІума, – ирахІоьттира ГІеза-Молла. – Хастам белахь Дала дечунна. Шена Іамал тайнарг эхартан балех цІанвеш волу ЛаилахІа-ІллаллахІ. Дала дийриг цхьа а хала дац!..

Сихдинна цхьа шабар-шибарш дора моллас багахь.

ТаьІна, Іадда Іара Тайма. Схьахетарехь, йуьртана шех зулам дала хала лардеш. Цуьнгий, шен суьпаллей бен сецалур доцийла хаьара нахана иштачохь кхуьнан цкъацкъа карзахе доьналла. Цундела майдано башха тамаша ца бора Тайма сел тапъаьлла хиларх. Ткъа цуьнах элана хьалха йуьхькІайьелла ГІеза-Молла чоданца ца лахьаваллал кочча вазвеллера шаболчарна.

– ХІай, Кериман кІант, – элира нукерша говра ваьккхинчу эло, – со Девлатгира вац шуна, хІокху шаьш йалийначу кепах ас шу дохко ца дахахь!

– Хам бац хьан! Хьан вонах оза агІо а, дикане тийса са а дац хьуна тхан. Хьайн леранарг йуха ма озалахь!.. – иккхира, ІаддаргІа санна, йулаеллачу хьаьрмехь, цхьабосса масеххана багара.

Нукершца эла хьалха волуш, Тайма вигинчу драгунашна тІаьхьа дера декаш, цхьана бартана кечдала, майда йассийра адамо катоьххана...

ХІара буйса пхобалгІа сахуьлунга йолуш йара Таймин кху ротмистран гІоперчу, шел шозза кІоргачу таІзаран ор чохь, Гермцигахь. Цамгаро лаьцнехь а, мел сиха валлахь а динан перзашна малой, ледарлой ца йевзара кхуьнан

суьпаллина. Маьлхан дуьненан серло кыйеш, тЕдиллинчу зIара кIел нана-лаьттаца оьцуш, моллин кхайкхаран мукъамца доьхкуш, ламазаш до, дуьне долийна олучу кхааран дийнахь мел марха лийци Таймас. Шена хуу-хезна аьят-доIа багара охьа ца дуьллуш.

Гермчигахоший, шелахоший, кхечех дага а буьйлуш, хIара кху ор чуьра лачкьоран, нуьцкьала ваккхаран биста кхаччалц дакъош хIиттийра кху белхан. Аслана уьш Гулазехула схьа а детташ. Амма царна Тайма дуьхьал вара, Дала тоьхнарг бен хан йац, и йаккхаза ша вер вац, бохуш.

Цуьнгарчу гIуммагIно бехказа ца йаьккхинехь, и Делан минот ца йелира, цо дан дезарг Таймига дийца йахана Гулаз хехочунна гучуйала.

Уран горгаллица хIазаре хьавзаш, кIегар Iаш, буьйса текхна Тайма, хьалахIиттинчу настарийн голаш тIе корта а боьжна, семачу набарх Iуьйр-ламазана суьлхьанаш дохуш Iара. Йукъ-йукъа сецарш а хуьлуш. ХIинца гуттар дIатийра уьш луьсту шога пIелгаш. Болх бечуьра сецна корта, ойланех бассалуш, базбелира ша Iуьллучохь.

Самах дагахь мел дохкучех бес-бесарчу гIенийн чалх хилира: уллехь лаьттарг ца гуш, кIарула-Iаьржачу бодашкахь, меттах ца довлалуш, вовшашка кхойкху адамаш. Цхьа хан йаьллачу хена, меллаша серлайала йолало. Оццул йуькьа лаьттина хьаннаш а, шадолу дитташ а дийшина. Доьхначу адамашка маьхьарий оьху: «Ва-а, хIара хIун ду?! «...Вайна хIун хила гIерта!..»

– ХIума ца хилла. ЛайтIа-къадаран миноташ хIиттина! Далла хьастало. Къинхетам беа... – обанан тIемаш тIаьхьа а ловзуш, мох санна, адам жил-Iаламата йукъа хьийза ГIеза-Молла.

– ЛайтIа-къадаран буьйса хилча, сирла хIунда йуьйлу?!

– Иштта хета, хьаннаш, дитташ дийшина дела... – века мола. – Делан цIе йаккха! Цуьннан къинхетаме кхайкха...

Геннахь эскаран цIоз теIа схьа. Герга мел гIоьрти, болар сихло цуьнан, цхьана ницкьо тIаьхьара туьттуш санна, инзардуьйлу. Шаьш лаьтгачохь тIаппехь дан дуьйлало адамаш. Дуьсурш, цецдуьйлуш, дIасауьду. Хьаннаш, дитташ, кхин мел дерш, узарш деш, меттахьхье.

«Iаж-мIажойн бIо богIу!» – «Йа-АллахI-Дела, даха тхо балех!..»

БIаьн цIоз йукъадаьржа. Хьун, дитташ ирахIуьтту, бIаьрг ца кхуьуш. Адамаш цаьрца хьалаоьху. БIаьн цIозо хIуп бохуш, хьаннех, диттех йуьйлу цIе цаьрца хьалауьду, адамашна тIаьхьа. Цхьаболчех лета иза. Цу буьхььера чуиккхина молла, куза тIехь доIа деш лаьтта, бухахь.

– Молла, кхайкхахьа Деле, – боху Таймас.

– Собарде, кхерабайта ахь! – шен обанан тIомаца тIехьахула цIе хьалачехайо ГIеза-Моллас къайллах.

– Ва-а хиш, лаьмнаш! Шу мукъана довлийша орцах, – кхойкху адамаш.

Хиш хецало чу. ШайтIанан говрашкахь санна, цу тIехула бага хи лелкаш хьийзинчу эскаран цIозо, цхьана агIор гуллой, вал бо. Хи тIеттIа ийало. БогIий, хи тIехула болалой, цхьана ломо адам лаххьадой шена тIе хьалаоьцу. Ткъа чухаьрцинчу вукху лаьмнаша эргIададаьккхинчу хе берриг Iаьж-мIажгойн бIо бохабой-бадабой охьахьо...

Эццахь верриг хьацаран кIур хилла самаваьлла Тайма мелчу маьхьарх

вилхира самах а, набарах а хыйзочу, коржамаш йохучу нана-махкана, де эшначу, балехь доллучу шен халкъана:

– ХІай Везан Дела, кхин хІун гайта волу-техъа хьо тхуна!?

Оцу хенахь хехочуьнца кхуьнга ладобГуш лаьтгачу Геза-Моллас, катобхна зІар хъала а айина, элира:

Иштта хастам бе ахь, Тайма, ницкъкхочучо дечунна! Шен догдика лай сарле цІавахийта воллий ца хаъа, лаилахІа-иллаллахІ!.. ГІенан-кхоблах цо сайга аьлларг боху ас...

БІаьргех обанан гІам хьобкхучу Геза-Моллина дегІ нисдеш ирахІобттира, бехкалавахана Тайма:

– Со хІун йу, Геза-Молла, Мохьаммадан уммат холчахІубьтгучу дуьненахь? Дала декъала дойла вай!

Шена хІинца дайна гІан самах долчул башха ца хетара, цунах мегарг меттаванза вехъачу Таймина.

– ХІан-хІа, ма алалахь, Тайма, – корта ластийра Геза-Моллас. – Умматахь Іамалш бен-бен ду адамаш. Хьо тоьлладех, декъала хилла бевлладех стаг хетало. Сарахь жамІат цхъана дийр ду вай. Дала иштта аьлла, шен мукъалахь. Бехк ма билла, настарш дика йац. Латгалац со...

Цеххъана зІар тІедужуш, Геза-Моллин вар хІинцарчу шен Іаматечу гІенах хитталуш, цунах лелхаш цесталучу тамаша инзарвохуш. Ма дарра царех кхиа-кхета хьекъал шен цакхачар Делан лаамехь лерина, Геза-Моллех йаккхийчу ойланашка вахара Тайма. Оцу гІена-кхоблана а, самах тарлуш шена хІиттинчу кепашна а тІера цІахь мовлад йешийтар дагахь чІогІа соцуш.

Селхана санна, меллаша реГІа тІе лахлуш бу буза боьду можа малх. Гуттарлеррачула. Шед тоьхна хъавзича, хала Делан балица ГІизларехь нислучу боьзах, шаьш дечу морсачу машойх хьерчаш, корешкарчу ахаргех чекх чохь гург бен серло йогІазчу ламанхойн дахарна кхин бос ца хуьйцу моьтту оцу малхо. Шаьш дуьнентІе бевличхъана тоьпой, цхьамзаной адаман ирсах хьегочу нохчашна, шаьш чомахь ган ца дуьтучу малхана гонах нана-латта шайн дуьхъа хыйза моьтту хир дара, цаьрга и хатта да ваьлча. Схьахетарехь, хІокху сихачу дуьненахь воцу и мичара вер вара?

Самукъаза, гІийла де дерзийна ваьл-ваьлладух стамлуш йогІучу пхьобГанна, цундела ца къаьста хІокху бІаьстенан йуьхъан сарахь дІо-о малхбузе цІегІа йагар. Дечиган нох кечдеш ваьллинарг а, гІоматан марш тегнарг а – неІаран мача нисъеш, ког сеттош, кхекхийн кетарна тІемаш ваьшта уьйзуш, куй карахь бегош, схъа тІе обхуш, ирахь саца везарг а, барч-дух лерина охъахаа воГург а шен-шен меттигашка дІатарлора шелахойн пхьобГанахь.

Лаьцна, элан ор чохь ваьллинчуьра цІавеана дукха хан йоцу Тайма а ву кхузахь. Цигахь дегІах йоблладу тІуьнчу шелонан хъаз-хъызаш йуккъехула тухучу йовхарша кийра а бекош, дІо Іаш.

– И хьу дІа ца къаьста. Хьацар тухуьйтуш, вохвала везара хьо, Тайма. Чохь сецна, йайна тІе а хууш...

– ХІара цІавеъчахъана кхуьнга и бохуш ву со, – элира Аслана. – Шелонан хьу хала йу. Могашалла чІогІа вацахъара, цо тоххара вожийна хир вара. Хилар пайда бац, олура тхан дас, могашалла, лар ца йича.

Таймин кийра локхучу хъаз-хъызашна реза вац ша, бохура Бачас. Механ хІуо чу цакхоччург, йурґІа-хІума а кхуллуш, цкѡа-шозза Іаждар беѡан йайна тІе хаа веза. Хьуо ма варра хир ву, Дала мукъалахь.

Къеначу Бачас ма-аллара, тохара хъалахь-ломахь дуйна нахана зе а делла, шайн божарий могуш, дукха бехаш, доґІмашна боѡттина бича санна, хуьлуш схъадоґІучу хІух ву Тайма ша а, кхуьнан кхиьна боґІу кьѡнгий а.

– Хена-замалахь зуда йалош бац, олура тхан дадас кхарна, – дуйцура Бачас.
– Цундела башха дебац хІорш. Це хІинца даґайаґІац сунна, наха цунна зуда ца йалийнехь, шайн хІу хадош хиллера кхеран цхьаммо.

– Тхан ден дедеда Гинардукъа хилла иза, – далийра Таймас. – Билтойн йукьо нуьцкъала йалийна олура, цунна зуда.

– И хІун ду-техьа, ва Бача? Сакьѡруш некъий хилла хІорш-х ткъа?

ХІан-хІа. Хьошаллаш тийсадалар. Аренаш идор сов лелла кхеран. Дино чохь бен лаьцна, заманан йозалла кхуьнан жимма херо йуьйли цу йукъа. Амма кхелхинчун чІир ша валлалц ца кхобу висинчо. Зуда йалае, Тайма. Тхо и йало доьлча, хъайна ишта-вуьшта хетар делахь. Йишина а кІордорий, тІехдаладоьлча, бохучу тІе дала дуйлира...

– Церґаш харцалий, бохий ахь?

Уьш дийца девлча, Тайма вист ца хуьлу. Бехк локцуш. Бакъду, воккхачу, ша зуда йалоле маре йаха там ца хеташ, цхъаѡ-шиь хан дІа а эккхийтина Іачу йишех даґахь эхь а, кхоам а хеттера вешина. Йа кхоччуш цуьнан ойла ца йина хила мегара цо хІетталц. Шен хена чуьра даьлла маре, дукха хьолахь, зуда оьшуш хуьлу, олу-м хезна хир дара Таймина.

– Важадерш хаац, Бача, – элира цо эххар а, – Делах эхь хетар дара суна, бага са а кхачийна, дойуш, лелхийна хъийзочу шух ваьлла дуьне даа, дарбанаш лело. Цхъацца чевнаш ма лелийра ас. Йирзина йевли мотталуш, йуха йасталуш. Ткъа шолґІачунна-м сайначулла бехке хир вара со.

Иза – шен зуда йалор тІаьхьадахар дара Таймин.

– ХІети. Вайн дехха лета деза мегаш ду ґІуллакх. Кхидолчочул ойла ца йойту хІу дебаран. Халкъан доь да ма тарло...

Баґахь забаршла хьекхадахь а, даґахь кІорґа, йѡьхна ойланаш йара оцу лераша йойтуруш. ґІаддайна...

– Ассалам-Іалайкум, бусалба вежарий!

Іай, бІаьстей къаьстачу хенан цхъана делкъехь ши бер, зудий шеца, боьхначу нохчийн цхъа къонаха хІѡьттира атаґІойн жамІатан маьждиге. ДІадуьхе дахча, куьпчий хилира уьш.

Стаґа куьґ лаьцний, ненан марарий ши бер а тІехь, чІоґІа дезшна адамаш хеталора уьш тІехулар а, схъахетарехь, чухулар а. Хьошалла а доьхуш, зудчо шашь Гермчигара девдда дахкар хаййтира.

Шела кхетийча хІун дара-техьа уьшший, йа эла эккхо махкахь бечу кечамана лелош питана дуй-техьа хІара а, аьлла, хабарш девлира нахалахь.

– Ой, – элира, шен цхъана ґІуллакхана кхуза веана нисвеллачу Таймас – аша хІун дуйцу, ва нах, хІай! Шелахой нохчий бу, вайн муьлхха йуьртахой санна. Хъаша зулам дац. Ткъа цуьнан йуьхь лаьцна и араваьлlexь, Дала и некъ цунах шех бохуьйтила. БисмиллахІир-рохъийм, дуьло...

И схъадала там ца хеташ, кыйлалучу ненера схъакхевдина шен вортаных биши тесна бер мара а доьллина, хъешашна хъалхавелира Тайма.

ХIорш ТаймаГIаьрга дIакхъачча билгалделира и зудий, бераш цаьрца волчу кьонахчун цахилар. И нана, бераш Гермчигахь цаьрга хIотта хъавьзинчу ирчачу Iазапа кIелхъара довдийна далийна хиллера, цигахь кхийра пхьегIаш йеш Iачу куьпчичо.

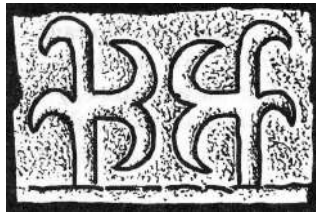
– Хьо, Тайма, оха боххушехь, и дан ца тигира. Адамана, схъахетарехь, хъайх зулам даларх ларлуш. Кхеран да, – ша бовдийна балийнарш шуьне бирзинчу чу корта тесири куьпчичо, кхийра хедарара шура тоьхна гарзанаш молуш дечиган чадица, – ведда оцу хьо ваьллинчу Девлатгирин ор чуьра. Барамчот йоцуш чIогIа гуобаккхина лохуш-ларвеш ву. Вочу маттах, бIаьргах Дала ларвариг, хье ца луш, цхъанхъашха гучувериг хир ву иза, Дала мукълахь.

– ХIети-те. «Борз дуьхьал ца кхетта газа хъаьжцIа йахана» – олу тхан. – Масехазза корта таIош, ладогIаре хъаттира Таймас. – ТIаккха?

– ТIаккха, цIахь бацар коьртах далахь, хIара нана, бераш лахар, соьга хъаттича, кху чу сиха кхочур ду, – дуьйцура куьпчичо Межида. – Кхарна-м хIун дендарий. Ахь дукха халонаш лов, иштта цхъацца хIуманашна тIехула. Хъан докъазалла нисло хир ду-кх хIорш...

– ХIан-хIа, Межид. Ма алалахь, – цо долийнарг хадийра Таймас. – Шулахь ишта хеталуш меттигаш хааелла суна. И бакъ дац. Цхъанна доьгIнарг кхечуьнга Iовшуьйтур дац нийсонан Дала. ХIораммо ловриг, шена кхуллуш, йаздинарг ду. Уьш дитал аш, Межид. Нана, бераш Селиматца бакъахъа ду. Уьш шайн хIусаме кхъачна...

Ваха веана куьпчи новкъа а ваьккхина, даьлла-хезачуьнга ладогIа, эвла йуккъе велира Тайма, катоьххана, суьйренца, нохчийн маттах кIезиг кхетачу нанна, берашна а самукъенна Аслан чу а хъажош.

Голоса друзей

Марета Тамбиева
Ингушетия

Моя отболевшая осень...

Осень дарит миру свой
Листопад,
Словно красками блестит
Мармелад,
И кислинками на ветках
Туман,
Он окутал грустной девушки
Стан.
Ветер в вальсе последнем
Кружит.
Он печальный,
Но в нем чья-то
Жизнь.
И мне хочется с ним
Танцевать.
Ветер, можешь нам судьбу
Предсказать?
Шелест листьев, как нежный
Шансон,
Может, жизнь – это только
Сон?!

Осень ноет в душе.
Зачем?
И не слышит ничьих
Речей.
Журавли улетают
Куда?

Мне идти не к кому.
Некуда.
Загрустившей гитары
Стон
Добавляет печали
Фон.
Вены – нити, струны
Дождя,
Неужели все было
Зря?!

Воздух холодный.
Прощаясь с теплом,
Октябрь одинокий
Идет под зонтом.
И носится ветер,
Как конь на просторе,
И гонит от севера,
Песни в миноре.
Уносит в далекое
Все, что налипло:
Плохое, хорошее,
С воем и скрипом.
В листьях запуталось
Эхо охрипшее.
Небо укуталось
В серость прожившую.
Где же те дали –
Весенние песни?!
Красиво мечтали
До коликов в сердце!
А ветер уносит,
Желтые снимки,
Куда-то забросит
Листья-былинки.
Но будет чей-то
Далекий свет
Мелодию флейты
Играть им вслед.

Все как будто было не с нами.
 Не для нас мир кружился в вальсе?
 И не верится больше, с годами,
 Что есть будущее в запасе.
 Неужели все было с нами?!
 Сердце билось весной молодое.
 И, как будто звездная лента,
 Небо нам улыбалось ночное.
 И хватало всего лишь взгляда,
 Чтоб понять волнение сердца,
 И была наша юность рада,
 Всем открытым для счастья
 дверцам.
 И когда беспричинная радость
 Удивляла всех, кто взрослее,
 Нам казалось, что это старость
 Заставляет их быть грустнее.
 Хорошо, что все было с нами!
 И мечты, и наивные грезы...
 И на сердце первые шрамы,
 И смешные девичьи слезы.
 И стихи нам печатал дождь,
 У него так много клавиш!
 От признаний –
 Пылкая дрожь
 И разлук обнаженные раны!
 Было это?! Или приснилось?!
 Неужели ушло навсегда?!
 Я засну.
 Может, все повторится?!
 В снах возможнее жизнь иногда.

Осень! Осень!
 В сердце просесть...
 Отшумевшие года!
 Словно птицы, улетели.
 Как сороки,
 Отгалдели,
 И в промокшие метели
 Одеваются слова.
 Вышли сроки.
 Эти строки –
 Электрические токи,

Превращаются в потоки
 Необузданного льда.
 Осень! Осень!
 Ветры косят,
 И безжалостен октябрь.
 Он плащи-туманы носит.
 Безответные вопросы
 Листопад в блокнот заносит,
 Грусть прощания возносит.
 Ничего у нас не просит,
 Непрощающая осень.
 Дождь – тетрадь,
 Косая пропись,
 Вместо «До свиданья!» – подпись:
 «Прихожу не навсегда!»

А в конце листопада
 Стеною дожди.
 Словно от камнепада
 Больно, и не пройти!
 Желтый цвет разлучает
 И сжигает мосты.
 Дым костра закрывает
 Силуэты двоих.
 По затоптанным листьям
 Каждый бродит из них.
 В незаконченных мыслях
 Ищут правду они.
 Но в конце листопада
 Дождь проходит стеной.
 У дождливой забавы
 Смех и слезы рекой.

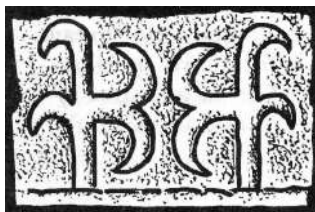
Это надо же!
 Так меня уничтожить
 Что рана и
 Через годы гложет!
 И сделать меня
 Своей жертвой,
 Что я пожелала
 Стать стервой!
 Чтобы забыть
 О прощении и жалости,

И возненавидеть то,
 Что было радостью.
 И при каждом вдохе
 Любить свободу.
 Хочу – пью чай!
 Хочу холодную воду..
 Чтобы осень своей желтизной
 Мне напоминала солнце
 И летний зной!
 Я теперь очень
 Модная злюка.
 Не подбирай по смыслу с..!
 Бойся теперь укуса змеи!
 В нерастраченной чаше
 Ядовитые строчки мои.

Когда молчание –
 Предел красноречивости,
 А влажные глаза
 Зеркальнее морей,
 Я опускаю взгляд,
 Боясь лукавой лживости,
 Пусть сердце замолчит
 И не стучит сильней!
 Не осень виновата
 И не грусть полей!
 И облако-заплата
 Прощает журавлей.
 А мне уже не будет
 Печальней и больней.
 Не плачьте, мои тучи!
 Есть многое важней.
 В ладонях еще холод,
 В душе горит огонь.

И все в противоречиях
 И все оксюморон.
 Пытаюсь удержать
 Созревшую слезу.
 Молчи теперь и ты!
 Я все равно пойму.

Скоро осень...
 И лето, прощаясь,
 Обжигает каштанов листву.
 Грустно очень.
 Сентябрь ухмыляясь,
 О себе не приемлет молву.
 Он с последними днями лета
 На прощанье ведет игру.
 Что за странная эта примета?
 Бабье лето
 Почему не летом?!
 Ведьма-осень метет листву.
 На задвижку
 Закрыв желанья
 И несбывшиеся мечты,
 Без «простите»
 И без сожаленья
 Август бросил свои посты.
 И листая страницы сезонов,
 Глобус снова
 К дождям повернулся,
 Нет цветов
 На забытых балконах.
 По-мужски,
 Август не оглянулся.

Проза

Имран Исмаилов

Линия судьбы

Документальная повесть

*(Продолжение. Начало № 3-4 (2022))***Глава восьмая
Великая Отечественная война**

В первый же день начала Великой Отечественной войны Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков, 22 июня 1941 года, Халид Исмаилов, как и миллионы граждан страны, подал заявление об отправке добровольцем на фронт. Как заместитель директора Чечингторга, он считался мобилизованным, но на действующий фронт не попал – врачи обнаружили дефект левой руки вследствие старого перелома, полученного еще в детстве. Кроме выполнения своих прямых обязанностей по должности, на Халида, как опытного журналиста, возложили дополнительные функции и направили в распоряжение обкома КПСС для ведения идеологической работы по мобилизации трудящихся на отпор вероломному врагу.

В начале Великой Отечественной войны руководство Чечено-Ингушского обкома партии приняло решение сформировать из числа опытных журналистов, чеченцев и ингушей, группу специального идеологического обеспечения. Возложили контроль над исполнением этого важного поручения на секретаря по идеологии Муслима Гайрбекова, друга и соратника Халида.

Задачей этой группы было информирование жителей республики о ситуации на фронтах и работа с населением. В связи с тем, что основная масса местных жителей республики плохо владела русским языком, главный упор группа делала на работу с чеченским и ингушским населением. В связи с тем, что Халид Исмаилов прекрасно владел как русским, так и чеченским языками, его сразу же включили в группу для идеологической работы на чеченском языке. Кроме того, на него возложили обязанности переводить на чеченский язык оперативные сводки Совинформбюро, а также другие партийные документы, зачитывать их на радио и публиковать в прессе. Заодно на Халида возложили выполнение обязанностей ответственного секретаря редакции газеты «Ленинан некъ».

Этот огромный объем работы, взваленный на его плечи, требовал максимальной сосредоточенности и самоотдачи, оперативности действий, высокого профессионализма. Трудиться приходилось без сна и отдыха. Спать, и то урывками, зачастую приходилось прямо на рабочем месте из-за загруженности делами. Среди тех, кому обком КПСС также доверил эту тяжелую и ответственную работу в первые дни войны, кроме Халида

Исмаилова, были Билал Чалаев, Хасмагомед Магомаев, Хамид Хасмагомадов, Ризван Хаджиев и другие.

Эта группа круглосуточно занималась оперативными переводами на чеченский язык материалов Совинформ бюро, готовила статьи и заметки о ратных подвигах наших земляков на фронтах, радиопередачи, в которых призывала людей на защиту Отечества, рассказывала о развернувшемся соцсоревновании среди коллективов республики по досрочной отправке на фронт вооружения и боеприпасов, обмундирования, продуктов питания и подарков бойцам.

На Халида Исмаилова позже возложили также и обязанности ответственного редактора радиопередач, а также диктора радиокомитета. Многие передачи и прямые выходы в радиоэфир готовились в экстренном режиме, на их подготовку давалось минимум времени, а порой и его не хватало. В этой ситуации очень пригодились опыт и мастерство Халида, его огромная работоспособность, знание языков и журналистское мастерство.

Кроме того, Халидом готовились для газеты «Ленинский путь» статьи о положении на фронтах, зарисовки о воинах-чеченцах, их боевых подвигах, о которых родственникам бойцов писали в письмах командиры частей, где они служат.

Благодаря Халиду, а также всем чеченским журналистам, в Советском Союзе впервые узнали о подвиге танкиста Маташа Мазаева, славного сына чеченского народа, совершенного им в первые дни войны, в июне 1941 года.

В ходе ожесточенных боев с фашистами под Перемышлем и Яворовом, на западе Украины, танковое подразделение, которым командовал капитан Маташ Мазаев, проявив мужество и героизм, в результате контрнаступления разбило превосходящие части противника и отбросило их назад. Это была первая успешная наступательная операция Красной Армии с начала военных действий.

О героизме М. Мазаева написала газета «Правда» 1 июля 1941 в статье «Героические подвиги танкистов». А уже 26 июля 1941 года в газете «Ленин некъ» о М. Мазаеве был опубликован очерк Халида Исмаилова «Турпалхотанкист» («Герой-танкист»).

После этих публикаций земляки М. Мазаева, жители Серноводска, откуда он родом, радовались, поздравляли друг друга, рассказывая о подвиге своего односельчанина. Старики, женщины, дети приходили к секретарю партийной организации колхоза имени Ленина А. Богатыреву и просили его еще раз прочитать газету, в которой опубликовали очерк о Маташе. В доме Мазаевых постоянно стояло много людей. Приходили разные люди, благодарили Хамзатхана Мазаевича и его жену Балу, родителей Маташа – за то, что

Мазаев Маташ Хамзатханович

Х.Исмаилов. Грозный. 1939 г.

вырастили такого сына-героя.

Вслед за материалом о подвиге танкиста Маташа Мазаева газета опубликовала письмо отца героя в редакцию.

«До меня дошло известие, что мой сын Маташ Мазаев смело вступил в бой против фашистов. Я уже не молод. Мне 70 лет. В молодости мне, как и многим сверстникам, было нелегко. Приходилось жить впроголодь. Мы с женой работаем в колхозе, но если потребуется, вооружимся и мы, два моих сына и я. У меня хватит сил сражаться против гитлеровцев. Гитлеровские орды дружным усилием всех советских народов будут разбиты.

Я в это твердо верю. Хамзатхан Мазаев», – так писал отец танкиста в газету «Ленинан некъ».

Все чеченские журналисты, в том числе и Халид Исмаилов, трудились в эти дни, не жалея сил. Каждая их статья, радиопередача, очерк или зарисовка приближали победу над врагом, вдохновляли бойцов на новые подвиги, вселяли уверенность, что враг будет разбит. Своими публикациями они призывали воинов крепче бить фашистов, еще яростней защищать Родину от ненавистных врагов.

В районной газете «Сталинский путь», органе Шатойского РК ВКП (б) и исполкома райсовета, в номере за 12 июля 1942 года опубликован очерк «Боевой подвиг коммуниста» на чеченском языке, в котором рассказывается о доблести и отваге чеченского воина Зайраха Окунчаева, призванного в действующую армию из Курчалоевского района республики. Его автор – Халид Исмаилов.

Боевой подвиг коммуниста

Зайраха Окунчаева хорошо знают в Курчалоевском районе. Молодой, высокого роста, с круглыми, как у ребенка, чертами лица, веселый, энергичный, он очень вежлив с друзьями, товарищами и родственниками. «Зайраха воспитанный человек», – говорят о нем.

– Зайраха очень хороший товарищ, превосходный работник, – вспоминают о нем работники райуполкомзага из села Курчалой, проработавшие с Окунчаевым длительное время перед его уходом на войну. И это правда. На заготовках и сдаче государству высококачественной сельскохозяйственной продукции закрепленный за Зайрахой Окунчаевым участок всегда занимал передовые позиции.

– Коммунист не имеет права плохо работать, – говорил вступивший тогда в ряды большевистской партии молодой коммунист, когда друзья начинали его хвалить за хорошую работу.

Когда гитлеровские захватчики вероломно напали на нашу Родину, Зайраха ушел в действующую Красную Армию. Перед отправкой на фронт Окунчаев дал слово своим односельчанам.

– Буду бить беспощадно фашистских кровопийц! – сказал он.

– Подразделение, где я служу, направили на север страны, где климат суров и холоден, – рассказывает он. – Как вы знаете, человеку, выросшему на юге, тяжело переносить такие погодные условия. Но воины Красной Армии, имея горячее желание уничтожить всех до последнего фашистских захватчиков, быстро привыкли к ненастной погоде. Правда и то, что грабящие население и забирающие у него последние теплые вещи немецко-финские солдаты еще больше боятся суровых русских морозов.

Однажды декабрьским холодным вечером после захвата у врага Н-ской высоты Зайраха Окунчаев находился в охране полевого штаба военной разведки Н-ской части. В любую минуту враг мог попытаться начать наступление, чтобы вернуть утерянные позиции. Но находящийся в пределах видимости враг пока не предпринимал никаких действий. Так ночь перевалила на свою вторую половину. Но врагу ни в коем случае нельзя доверять. Тишина зимней лунной ночи неожиданно прервалась перед самым рассветом.

«Враг стремительно наступает, надо сообщить в штаб!» – решил Зайраха, увидев перед собой, в 60-ти метрах, наступающий прямо на него вражеский отряд.

«Без паники, может быть, это всего лишь разведка, на войне спешка не всегда помогает», – отметил про себя Окунчаев.

Внимательно присмотревшись, он обнаружил, что это всего лишь вражеская разведка. Группа, состоящая из шести человек, среди которых были видны офицер и рядовые, продвигалась в сторону расположения Красной Армии.

«Связь отсутствует, в штаб пробраться времени нет, я и сам справлюсь с этими шестью разведчиками», – с такими мыслями, передернув затвор автомата, окопался в снегу Окунчаев и решил один принять бой с превосходящим врагом.

Прибывшее спустя некоторое время к месту боя подкрепление во главе с командиром увидели следующую картину: убитые финский младший офицер и трое солдат валялись в снегу, а двоих раненых плененных рядовых охранял Окунчаев с захваченными трофеями – четырьмя пулеметами, автоматами, бомбами и другим оружием.

Так прошла боевая ночь храброго воина.

На второй день вечером военная часть Красной Армии, где служил Окунчаев, приготовилась атаковать вражеские позиции.

– Рядовой Окунчаев, выйти из строя! – приказал командир подразделения.

– Командование поздравляет вас с победой, одержанной в поединке с превосходящим врагом, – поблагодарил его командир за храбрость, проявленную при уничтожении вражеской разведки.

В этот вечер при захвате вражеских позиций воин Красной Армии, славный сын Чечено-Ингушетии Зайраха Окунчаев в бою получил ранение.

Боевые подвиги Зайрахи Окунчаева приведенным выше эпизодом не ограничиваются. Много фашистских захватчиков уничтожил храбрый воин Окунчаев во время десантирования в тыл врага и в ходе других сражений.

Советское Правительство высоко оценило ратные подвиги Зайрахи Окунчаева

в Великой Отечественной войне. А недавно в Курчалоевский райвоенкомат пришло сообщение, что командование наградило Зайраха Окунчаева орденом Красной Звезды за образцовое выполнение боевых заданий в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом героизм и доблесть.

Так выполняет Зайраха Окунчаев данное своим односельчанам перед отправкой на фронт обещание.

Х. Исмаилов

Таких очерков, а также статей, зарисовок, корреспонденций, заметок, информационных сообщений для газет и радио на чеченском языке Халид Исмаилов подготовил в первые годы войны сотни и тысячи. Он, как и его соратники, находился с первых дней войны на передней линии идеологической войны, его оружием в борьбе с фашистами были слово, перо и бумага.

В ноябре 1941 года, когда враг рвался к Москве, в Чечено-Ингушетии началось формирование из добровольцев 114-й Чечено-Ингушской кавалерийской дивизии, командиром которой назначили полковника Хаджи-Умара Мамсурова, а комиссаром – Муслима Гайрбекова. Желавших воевать в составе дивизии было так велико, что записавшихся оказалось на 600 человек больше, чем положено по штату.

Халид Исмаилов также подал заявление об отправке на фронт в составе родной дивизии. Но ему вторично отказали в просьбе. Ответ был категоричен – Халид нужен в республике, надо и здесь кому-то работать. Так и не пришлось Халиду вместе с друзьями, которые ушли в составе дивизии на передовую, бить врага на поле боя. В состав дивизии были зачислены его старые друзья Мовлид Висаитов, Абдул-Вахаб Исмаилов и многие другие.

Но завершить формирование дивизии не удалось. В марте 1942 года по приказу Л. Берии призыв чеченцев и ингушей на воинскую службу был прекращен. Видимо, уже тогда вопрос с выселением чеченцев и ингушей в Среднюю Азию и Казахстан был окончательно решен. Х.-У. Мамсурова отправили на фронт, где он стал заместителем командира 7-го кавалерийского корпуса Брянского фронта. М. Гайрбекова отозвали на должность секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС по пропаганде и агитации.

Несмотря на чинимые преграды, к руководству страны с просьбой о формировании войсковой части из числа жителей Чечено-Ингушетии обратилась группа чеченских и ингушских офицеров. Тогда на базе дивизии был сформирован 255-й отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский полк, командиром которого назначили майора Японца Абадиева, а начальником штаба – майора Мовлида Висаитова. 13 мая 1942 года вместо Я. Абадиева, получившего новое назначение, командиром полка был утвержден Мовлид Висаитов.

В марте 1942 года штаты 255-го полка были укомплектованы на 105 процентов. Но и тогда полк не смог вобрать в себя всех желающих, поэтому Военный Совет СКВО 26 марта 1942 года решил сформировать Отдельный запасной Чечено-Ингушский кавалерийский дивизион (позже – Отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский дивизион 4-го Кубанского казачьего кавалерийского корпуса).

Тем не менее, этих формирований оказалось недостаточно. В докладе

командования 114-й дивизии говорилось, что многие из оставшихся после формирования Отдельного кавполка и кавдивизиона бойцы, не желая оставаться в тылу, приходили к командованию и требовали включения их в списки бойцов национальных частей.

Многие чеченцы и ингуши были направлены в другие регулярные части Красной Армии: 54-й, 57-й, 58-й, 60-й, 62-й кавалерийские полки, 146-й, 147-й и 148-й артиллерийско-минометные полки, 81-й отдельный кавалерийский разведдивизион, 19-й отдельный дивизион ПВО и другие подразделения. В составе этих частей чеченцы участвовали в Сталинградской, Курской и других решающих битвах Великой Отечественной войны.

Халиду не довелось принимать участие в этих сражениях Великой Отечественной. Он воевал на другом фронте – идеологическом, трудовом, совмещал должность заместителя директора Чечингторга и журналиста, идеологического работника, вносил свой вклад в победу над немецко-фашистскими захватчиками.

Позже его назначили на другую ответственную должность – заместителя народного комиссара ЧИАССР по торговле. При этом все прежние дополнительные обязанности по работе в группе идеологического обеспечения, возложенные на него, сохранились.

Это был новый этап работы Халида Исмаилова в суровых условиях войны, когда ситуация на фронте осложнилась в связи с наступлением врага на Северном Кавказе, когда разгорелись ожесточенные бои на подступах к нефтяному Грозному и возникла реальная угроза его захвата. Назначение Халида на новую должность было непосредственно связано с необходимостью усиления работы Наркомторга ЧИАССР по организации отпора врагу и защите Грозного.

Глава девятая Все на защиту Грозного!

К концу 1941 года ситуация на фронтах Великой Отечественной войны изменилась в худшую сторону. Враг рвался на Кавказ, к нефтяному Грозному, чтобы, завладев им, идти дальше, на Баку. Халид в эти дни получил назначение на пост заместителя народного комиссара ЧИАССР по торговле.

На комиссариат с первых дней войны легла огромная нагрузка и ответственность. Ведомство, не снижая темпов работы ни на минуту, на ходу переводило свою деятельность на военные рельсы. В этих условиях перед народным комиссариатом стояла главная задача – снабжение армии снаряжением и продуктами питания. Все силы комиссариата были брошены на организацию бесперебойных поставок армии всего необходимого для успешного ведения боевых действий. Кроме того, проводилась ежедневная работа с населением, в колхозах и совхозах, на заводах и фабриках республики – по увеличению производства продукции, их поставок на фронт. Практически без отдыха и сна работал весь коллектив комиссариата, но основная нагрузка приходилась на руководство – комиссара и его заместителей.

Перевод работы комиссариата с мирных на военные рельсы требовал

огромных организационных усилий, а в условиях войны, когда катастрофически не хватало времени, возникали дополнительные трудности. Руководителями Наркомторга ЧИАССР с начала войны были Аитов, затем Лившиц, а потом и Казалиев. Благодаря хорошо налаженной работе руководства комиссариата, в том числе и заместителя комиссара Халида Исмаилова, ведомство успешно справлялось с возложенными на него непростыми задачами. Армия и фронт в полном объеме получали из Чечено-Ингушетии все, что необходимо для безжалостной борьбы с фашистами.

Однако ситуация на театре военных действий еще более осложнилась, особенно на Северном Кавказе. Наступая на Сталинград, враг одновременно начал широкомасштабную операцию с целью захвата грозненского, а затем и бакинского нефтепромыслов.

О важности роли Грозного и его нефтяных месторождений для вооруженных сил Советского Союза говорит тот факт, что почти 80% военной авиации поднималось в воздух на грозненском авиабензине, а грозненским горючим заправлялись тысячи танков, тягачей, автомобилей и других видов военной техники Красной Армии.

В июне 1941 года Чечено-Ингушетия получила важнейшее правительственное задание: в самые сжатые сроки создать новые марки авиабензина и наладить их производство для выпускаемых самолетов новых конструкций. Это задание, как и все другие, было успешно выполнено. К началу 1942 года грозненские заводы начали выпуск этих марок авиабензина, получившие самые высокие оценки правительственной комиссии.

Кроме продукции нефтепереработки, с начала войны заводы Грозного начали выпускать более 90 видов необходимых стране и армии изделий, в том числе и военных. Грозненские предприятия в сжатые сроки освоили производство минометов, огнеметов, мин, снарядов, патронов, ручных гранат, бутылок с зажигательной смесью, тротила, всевозможного обмундирования. Здесь также ремонтировались танки, бронепоезда, орудия, тягачи, автомобили и другие виды военной техники. Более того, грозненское топливо отправлялось в Москву для обеспечения бесперебойной работы Московской ГЭС.

Трудящиеся Чечено-Ингушетии помогали фронту подарками, личными сбережениями, благодаря которым были созданы танковая колонна «Грозный», самолетные звенья имени Чечено-Ингушского комсомола, дивизион бронепоездов «Асланбек Шерипов».

Важность защиты Грозного в связи со всеми перечисленными факторами приобретало стратегическое значение для Красной Армии и, в конечном итоге, для победы Советского Союза в войне.

О важности захвата Грозного для фашистских полчищ по завершению победного блицкрига свидетельствуют документы. Гитлер в своей директиве № 41 от 5 апреля 1942 года приказал южной группировке Вермахта во что бы то ни стало прорваться к Грозному и Баку, завладеть их нефтяными промыслами. Именно на грозненском направлении в эти дни, по сути, решалась судьба всей страны.

Бои за Грозный имели решающее значение в переломе Второй мировой

войны, это подтверждают и многочисленные документы.

В своих мемуарах, опубликованных после войны, бывший начальник генерального штаба Вермахта генерал Цейтцлер писал: «Если бы кавказская нефть пошла на удовлетворение военных потребностей Германии, то обстановка на Востоке была бы кардинальным образом изменена и наши надежды на благоприятный исход войны намного возросли бы».

Для осуществления своих замыслов по захвату кавказских нефтяных месторождений германское командование разработало план «Эдельвейс», сосредоточив на грозненском направлении огромные силы.

В эти тревожные для страны дни все трудоспособное население Чечено-Ингушетии поднялось на создание линии обороны и сооружение новых оборонительных рубежей на реке Тереке. Все силы были брошены на оборону Грозного.

Еще 25 октября 1941 года для обороны Грозного был создан Грозненский городской комитет обороны. Его возглавил первый секретарь Чечено-Ингушского обкома ВКП (б) Виктор Иванов, его заместителями стали председатель Совнаркома-Правительства ЧИАССР Супьян Моллаев, народный комиссар внутренних дел (НКВД) ЧИАССР Султан Албагачиев и начальник Грозненского пехотного училища, военный комендант города полковник Василий Сытников. На Грозненский городской комитет обороны, охватывающий город Грозный и прилегающие районы, возлагалось сосредоточение всей гражданской и военной власти в своих руках и установление строжайшего порядка в г. Грозном и прилегающих районах.

На первом же своем заседании комитет рассмотрел вопросы строительства оборонительных сооружений на грозненском направлении фронта. Битва за Кавказ, за нефтяной Грозный началась почти одновременно со Сталинградской битвой в июле 1942 года. Как считают историки, сражение на кавказском направлении проходило в тесной увязке со Сталинградской битвой и оказало решающее влияние на военную обстановку на Кавказе. В свою очередь, события на Кавказе также отразились на исходе Сталинградской битвы. Как свидетельствуют документы, для наступления на Кавказ гитлеровское командование еще на рубеже нижнего Дона сосредоточило 13 пехотных, 5 танковых, 4 моторизованных, 3 кавалерийских дивизий, «африканский» корпус и более тысячи самолетов.

Несмотря на упорное сопротивление защитников Кавказа, к августу 1942 года немецко-фашистские захватчики вышли к берегам Терека, а затем в конце августа после упорных боев захватили Моздок, станицы Ищерская, Наурская и Николаевская. Над Грозным нависла серьезная угроза прорыва фашистов непосредственно к городу. В связи с этим городской комитет обороны издал

Х.Исмаилов. Грозный. 1941 г.

обращение к жителям Чечено-Ингушетии с призывом встать на защиту родного города. Десятки тысяч жителей республики и непосредственно грозненцев в эти дни вышли на строительство оборонительных сооружений, ударно трудились на заводах и фабриках, в колхозах и артелях, отдавая защитникам города все необходимое.

Командующий войсками Северной группы Закавказского фронта генерал армии И. Тюленев вспоминает: «На защиту Грозного, на строительство оборонительных сооружений вышли рабочие, свободные от вахты, студенты, учащиеся, домохозяйки, дворники, сторожа, актеры, инженеры, учителя, садоводы, пастухи. Работа, как говорится, кипела и не прекращалась ни на одну минуту, ни днем, ни ночью. Под вражеской бомбежкой нефтяники промыслов возводили вокруг Грозного укрепления, каменные барьеры на дорогах и переправах через Терек. В тяжелых условиях боролись с пожарами, спасая резервуары с бензином».

На круглосуточные работы по постройке оборонительных рубежей на подступах к Грозному и непосредственно в городе в эти дни было мобилизовано более 40 000 человек. Для укрепления обороны Грозного машиностроительными и металлообрабатывающими заводами были изготовлены тысячи стальных противотанковых «ежей», расставленных на танкодоступных местах, сооружались доты и дзоты.

Для остановки немецких танковых соединений, рвущихся к Грозному, были залиты нефтью 28 км. противотанковых рвов, ею пропитали 9 км. соломенного вала, места возможного прохода танков залили нефтью на площади в 1 млн. кв. м., закачали 7 000 кубометров воды в противотанковые рвы. Грозный опоясался несколькими линиями укреплений. Жители Чечено-Ингушетии, грозненцы и бойцы Красной Армии дали клятву, что умрут, но защитят Грозный.

Грозненский городской комитет обороны 25 августа на своем заседании в связи с опасностью прорыва гитлеровцев к Грозному принял решение об эвакуации населения из города.

«В связи с военным положением в г. Грозном Грозненский городской комитет обороны постановляет: 1. В 24 часа удалить из города пешим порядком женщин с детьми, мужчин-стариков и инвалидов. 2. Маршрут следования установить в южные районы республики и гор. Махач-Кала. 3. Обязать Наркомторг обеспечить эвакуируемых мукой, хлебом из расчета 5 суток. 4. Ответственность за эвакуацию указанного выше населения города возложить на заместителя наркома Внутренних дел тов. Шашкина», – записано в протоколе заседания ГГКО.

Наркомторг ЧИАССР, исполняя распоряжение ГГКО, полностью обеспечил эвакуируемое население Грозного всеми необходимыми продуктами питания, что позволило провести операцию по спасению мирного населения Грозного оперативно и организованно. Немалая заслуга в этом принадлежит и лично Халиду Исмаилову. В эти тревожные для Грозного дни он отправил свою жену вместе с дочерью Светланой в Новые Атаги, к отцу Исмаилу.

В связи с резким ухудшением военной обстановки на грозненском направлении 1 сентября 1942 года в Грозном прошло заседание Грозненского

городского комитета обороны. В его работе приняли участие заместитель председателя Совнаркома СССР Л. Берия, а также замнаркома НКВД Б. Кобулов, нарком нефтяной промышленности СССР И. Седин, командующий Северной группой Закавказского фронта генерал-лейтенант И. Масленников и другие. Для усиления обороны Грозного было принято решение дополнительно мобилизовать на оборонительные работы по Грозному 20 тысяч человек. Кроме того, ГГКО попросил Л. Берия выделить 5 миллионов рублей на изготовление предприятиями города вооружения, боеприпасов и средств обороны.

14 сентября ГГКО принял постановление об обеспечении спецзакладок продовольствием, их размещении в районах республики. За выполнением этого приказа ответственность несло руководство Народного комиссариата по торговле ЧИАССР в лице наркома Лившица и его заместителей. Речь шла о закладке схронов на территории Грозного и в горных районах республики с продовольствием для снабжения партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу врага на случай прорыва фашистов к Грозному и его захвата. Каждая из спецзакладок имела запас потребления продуктов на 4 месяца. В списке перечня продуктов, предназначенных для спецзакладки, значились: мука, крупы, макароны, консервы, сахар и патока, соль, масло растительное, мясо в живом весе, масло животное, овощи, картофель, томат, консервы, горошек, спирт, вино, табак, сухари, мыло, свечи. Этот приказ ГГКО сотрудниками Наркомторга ЧИАССР также незамедлительно был выполнен.

Уже 21 сентября 1942 года ГГКО в связи с осложнившейся ситуацией на фронте начинает создавать грозненский городской полк народного ополчения. В состав полка зачислялись все мужчины, способные драться с оружием в руках. В ополчение мобилизовали всех комсомольцев и коммунистов, женщин привлекли в сандружины и другие специальные формирования. Было принято решение включить коммунистический батальон в состав полка народного ополчения Грозного.

Тем временем генштаб Вермахта извещал командование 13-й танковой дивизии, нацеленной на взятие Грозного: «Необходимо учесть, что противник упорно обороняет реку Терек и ведет непрерывные контратаки, имеющие целью охранение нефтяных районов Грозного-Баку. Город Грозный, объект нашего удара, имеет тройное кольцо укреплений».

Вместе с войсками Северной группы Закавказского фронта, защищавшими столицу Чечено-Ингушетии, в его обороне участвовали и сформированные в Грозном воинские соединения. В этот самый тяжелый, напряженный момент боев у Терека советские войска пополнили тысячи добровольцев из числа чеченцев и ингушей.

Наступление на грозненском направлении вел 40-танковый корпус, входивший в 1-ю танковую армию фашистов. В его составе было восемь дивизий: три танковые, одна моторизованная, три пехотные и одна румынская горнопехотная. В помощь им была выделена отборная воинская часть – полк «Бранденбург».

Силами четырех дивизий фашисты в районе станицы Ищерской упорно пытались форсировать Терек. Но войска Красной Армии каждый раз отражали

их попытки и удерживали свои позиции. Ставка Гитлера сообщала 9 сентября 1942 года, что «у Терека советские войска пытаются остановить продвижение немецкой армии в направлении Грозного».

«Здесь завязался важнейший узел событий второго года Отечественной войны. От исхода боев на Юге зависит судьба Отечества, свобода и жизнь миллионов советских людей. На защитниках Советского Юга лежит сейчас важнейшая ответственность за исход летней кампании 1942 года, за судьбу Советского государства. Их ответственность можно сравнить лишь с ответственностью защитников Москвы осенью 1941 года», – писала в своей передовой от 26 сентября 1942 года газета «Красная Звезда».

Захватив в конце августа города Моздок и Прохладный, гитлеровские войска пытались с ходу прорваться через Терек к Грозному. Весь сентябрь шли ожесточенные бои, в результате которых противник понес серьезные потери.

По мнению историков, бои под Малгобеком, который фашисты захватили в начале октября ценой колоссальных потерь, но продвинуться дальше в грозненском направлении так и не смогли, а также многодневные бои под Орджоникидзе в конце октября – начале ноября, являлись сражениями на дальних подступах к Грозному.

После взятия Малгобека германское радио поспешило сообщить: «Остались считанные часы и даже не часы, а минуты до захвата Грозного; мы у ворот в Алханчуртскую долину, которую называют «нефтяным дном».

В походных типографиях вражеских дивизионных газет были заготовлены специальные объявления о взятии Грозного 24 августа 1942 года. На этот день гитлеровцы намечали ошеломить мир двумя новостями: о взятии Грозного и генеральном штурме Сталинграда. В этот день немецкие самолеты обрушили на позиции защитников Сталинграда, вместе с бомбами и «зажигалками», дождь листовок: «Сегодня мы взяли Грозный и теперь можем снять свои бомбардировщики оттуда, чтобы обрадовать ими вас».

Красная Армия в ожесточенных боях ценой героических усилий не пропустила немецко-фашистских захватчиков к Грозному ни со стороны Малгобека по Алханчуртской долине, ни через Эльхотовские ворота и Орджоникидзе по долине реки Сунжа.

Поняв, что захватить Грозный не представляется возможным, фашисты в октябре 1942 года в отчаянии начали массированные бомбардировки города. Они решили стереть с лица земли ставший для них неприступной крепостью Грозный. Фашистская авиация стала наносить удары с воздуха по нефтехранилищам, нефтезаводам, резервуарам с керосином, бензином, мазутом и другими нефтепродуктами, чтобы в пламени пожаров уничтожить город.

Первый массированный налет вражеской авиацией на Грозный был нанесен ранним утром 10 октября 1942 года. Более двухсот немецких самолетов зашли на город с юга, направляясь к Заводскому (Сталинскому) району Грозного, попутно сбрасывали на город фугасные и зажигательные бомбы. Пролетая над центральным рынком города, самолеты расстреливали из пулеметов находившихся там людей. Достигнув территории Заводского (Сталинского) района, они начали бомбами уничтожать все, что находилось на земле.

Взрывались и горели нефтеперегонные установки, насосные станции, резервуары с нефтью и нефтепродуктами, полыхала огнем единственная в городе ТЭЦ. Из 188 вместительных нефтяных резервуаров полностью были уничтожены 87. Всего во время этого первого налета вражеской авиации было сожжено и уничтожено более двухсот объектов. Оборонявший Грозный 744-й зенитно-артиллерийский полк и грозненская дивизия ПВО при помощи истребителей ВВС Закавказского фронта в том бою уничтожили 35 фашистских самолетов.

1940 год, 6 марта. Москва.
Х. Тулаев и А.-Р. Чагаев

К следующим налетам вражеской авиации Грозный подготовился более основательно. В небе над Грозным с «юнкерсами» и «мессершмитами» бесстрашно сражались на самолетах новейших конструкций Лавочкина летчики, ведомые Героем Советского Союза Давыдовым. Они сбили в этих воздушных сражениях десятки фашистских бомбардировщиков и истребителей.

С 10-го по 15 октября небо над Грозным превратилось в арену ожесточенных воздушных сражений. В своих первых же авианалетах фашисты потеряли около 70 самолетов. После этого они стали реже летать над Грозным.

Несмотря на героизм и самоотверженность защитников Грозного, город был разрушен. Огромные многокилометровые столбы черного дыма от горящих нефтепродуктов были видны, по рассказам очевидцев, даже в столице Дагестана Махачкале. Над самим Грозным из-за дыма не было видно солнца. Пожары поглотили весь Заводской район и перекинулись на город. Более 1 млн. тонн пылающей нефти из разрушенных амбаров потекло в город. Эта огненная масса все сжигала на своем пути: трамвайные рельсы и металлические опорные столбы гнулись и скручивались, как стебли травы. Возникла серьезная опасность затопления горячей нефтью жилых кварталов Грозного. На пути огненной лавы встали грозненские пожарные, им на помощь пришли жители города. Они рыли на пути пылающего потока траншеи, тушили возникающие в разных местах очаги пожаров. Многие из пожарных и их добровольных помощников получили серьезные ожоги и увечья, некоторые из них погибли.

Об этом подвиге грозненских пожарных написал журналист Анатолий Каменин в «Комсомольской правде»: «Если сейчас в Сталинграде самым прославленным воином считается артиллерист и бронбойщик, то в Грозном такими людьми считают пожарных и зенитчиков». Несмотря на бомбежки, заводы Грозного продолжали бесперебойно снабжать фронт горючим, боеприпасами, минометами и другой необходимой ему продукцией.

Назначенный народным комиссаром торговли ЧИАССР Казалиев и его заместитель Халид Исмаилов в эти тревожные дни, когда враг стоял у ворот

Грозного, лично занимались всеми вопросами, которые могли способствовать усилению обороны города.

Одной из важных задач, поставленных в эти дни штабом по обороне Грозного с согласия Верховной ставки, было создание на территории ЧИАССР разветвленной сети партизанского движения и диверсионных групп на случай захвата фашистами Грозного и оккупации республики. На наркомат торговли республики возлагались обязанности по обеспечению этих групп необходимым обмундированием, снаряжением, боеприпасами и продуктами питания. Одним из ответственных за выполнение этого приказа являлся Халид Исмаилов. Кроме того, Халида включили в группу руководителей подпольем, которое должно было действовать на территории республики. Для овладения навыками подпольной и диверсионной работы Халид прошел ускоренные курсы обучения в специальной разведшколе. Он выбрал себе боевой псевдоним – Владимир Смелов.

О фактах готовности республики к диверсионной и партизанской войне на случай захвата врагом пишет в своих мемуарах и маршал СССР Андрей Гречко.

По его словам, «на территории Чечено-Ингушской АССР было создано 28 партизанских отрядов, в которых насчитывалось 1087 человек... Расчеты немецко-фашистских захватчиков на сочувствие и поддержку их со стороны народов Кавказа полностью провалились».

В ходе начавшейся битвы за Грозный жители Чечено-Ингушетии активно участвовали в ликвидации четырех разведывательно-диверсионных групп, заброшенных Абвером в тыл Красной Армии. Задача этих групп состояла в том, чтобы найти среди местного населения сочувствующих и дезорганизовать нашу оборону в прифронтовых районах. Однако враг просчитался, он не только не нашел никакого сочувствия, но уже осенью 1942 года при самом активном участии населения удалось локализовать очаги сопротивления этих групп, а затем и уничтожить их.

Вот как рассказывает ситуацию, сложившуюся в Грозном в тот сложный период, известный ученый Юнус Дешериев в своей книге «Жизнь во мгле и борьбе» в главе «Грозный осенью 1942 года»: «После прорыва обороны Советской Армии (Красной Армии) в районе Ростова-на-Дону фашистские войска устремились к нефтяным центрам Кавказа – главным образом к Грозному и Баку. Еще летом началась эвакуация из некоторых районов Северного Кавказа. К осени развернулась эвакуация заводов, фабрик, техники из Чечено-Ингушетии.

Еще летом 1942 года мне было предложено в Верховном Совете РСФСР поехать в Грозный для работы в научных учреждениях и в органах печати в связи с приближением войны к Северному Кавказу и возможным осложнением социально-политического положения и военной обстановки в регионе. Часть кадров вместе с учреждениями и великовозрастные специалисты были эвакуированы. Имели место и немногочисленные случаи, когда отдельные работники самовольно покидали город и уезжали в села и станицы, подальше от жизненно опасного нефтяного центра, предвидя возможные тяжелые последствия в случае бомбежки нефтяных промыслов

и нефтеперерабатывающих заводов. Сначала я стал сочетать работу в научно-исследовательском институте языка, истории и литературы, которым руководил Д. Д. Мальсагов, с сотрудничеством в органах печати. Я начал работать в качестве главного редактора Чечено-Ингушского Радиокomiteта. Но работа главного редактора Радиокomiteта, председателем которого был мужественный Андарбек Шамилев, отнимала много времени и сил.

Тревожно было и в Грозном. Прилетали немецкие самолеты-разведчики. Один из них был сбит в районе селения Шаман-Юрт (Шаами-Юрт – ред.). Долго (в течение дня) не могли найти летчика, спустившегося на парашюте. К концу дня его нашли чекисты в речке под мостом между Шаман-Юртом и Ачхой-Мартаном.

В прифронтовом Грозном было спокойно, хотя и тревожно. Все учреждения и организации, оставленные в городе, функционировали нормально. Руководители республики Иванов (не помню его имени и отчества), М. Г. Гайрбеков и другие контролировали положение в республике.

Председатель Чечено-Ингушского радиокomiteта чеченец Андарбек Шамилев работал самоотверженно, умело руководил коллективом. Его заместителем был армянин (фамилии не помню) – добрый человек, работавший, не жалея себя. В радиокomiteте сотрудничали замечательный ингушский поэт Джамалдин Яндиев, чеченский поэт и драматург Нурдин Музаев, ученый, кандидат филологических наук, доцент, впоследствии ставший профессором Д. Д. Мальсагов. Нашим общим любимцем был прекрасный исполнитель ингушских народных песен на гармонии и поэт Хамхоев Ахмед. Из более молодых помню Бориса Путилова, ныне доктора филологических наук, профессора. Однажды ночью нам нужно было срочно подготовить утреннюю передачу на следующий день. Мы пришли ко мне домой вечером. Соблюдая требование светомаскировки, мы с Б. Путиловым зажгли керосиновую лампу, поставили ее на пол, замаскировали окно, а сами, лежа на полу на коврике, готовили материал для передачи по радио.

К сожалению, далеко не всех помню. Коллектив был дружный, преданный. Несмотря на то, что в Грозном в любую минуту ждали воздушной и танковой атаки города фашистскими войсками, ни один сотрудник Радиокomiteта при мне самовольно не оставил трудной и опасной работы.

После разгрома группы фашистских войск между г. Орджоникидзе и Нальчиком у нас появилась уверенность в том, что наши войска, грозненцы отстоят свой город.

Бои за г. Орджоникидзе и Военно-грузинскую дорогу были исключительно кровопролитными. Мы, журналисты, бывали в воинских частях, беседовали с красноармейцами, командирами. Но точными данными о сражении и его участниках не располагали. Однако все сведения, которые сообщали нам воины, мы охотно распространяли без всякой проверки. Ведь речь шла о победе героических защитников Кавказа: фашисты, окружив небольшую часть наших войск на подступах к городу Орджоникидзе со стороны г. Нальчика, захватили Орджоникидзе и вышли к Военно-грузинской дороге. Советская дивизия, переброшенная из Закавказья по Военно-Грузинской дороге, не только выбила

немцев из Орджоникидзе, но и приняла участие в окружении немецких частей, окружавших наши части, как тогда говорили. К фашистам подоспела к вечеру помощь, и между Орджоникидзе и Нальчиком развернулись ожесточенные бои. Командование наших войск, воспользовавшись темной ночью из района Молгобека, где на левом берегу стояли фашисты, а на правом берегу – советские войска, как говорили, перебросили крупную часть танков в район между Орджоникидзе и Нальчиком. В течение четырех дней, до 5-6 ноября 1942 г., довольно крупная группировка фашистских войск в этом районе была разгромлена. Участники этих боев тут же, по свежим следам рассказывали, что фашисты потеряли только убитыми много тысяч солдат и офицеров. Тогда на эту победу смотрели иначе, чем сейчас. Журналисты с восторгом информировали население республики об этой победе.

В те дни трудно было получить точные данные об участниках сражения, потерях и военно-стратегическом значении победы наших войск на этом участке. К 50-летию этого сражения опубликованы более точные данные: в районе между г. Орджоникидзе (Владикавказом) и г. Нальчиком «происходило одно из крупных танковых сражений. В четырехдневных боях гитлеровцы потеряли убитыми и ранеными более 40 тысяч человек (в том числе 16 тысяч убитых солдат и офицеров), 598 подбитых, сожженных и взятых исправными танков. Мы в г. Грозном праздновали эту победу, одновременно оплакивая жертвы этой безумной, жестокой войны. В своем поражении признавалось и фашистское командование. Об этом свидетельствует приказ командира третьего немецкого танкового корпуса генерала фон Макензена: «Четырехдневная битва под Гизелью окончилась полным поражением третьего танкового корпуса. Преследование наших войск продолжается с западной стороны города Орджоникидзе. План уничтожения наших войск протекал как часовой механизм, благодаря смелому стремлению всех участвовавших частей Красной Армии дорваться до противника и трусости и неспособности наших командиров... Я выражаю войскам, особенно многочисленным войскам империи, свою боль и соболезнования» (см. газета «Северная Осетия», от 10 июня 1992 г., с. 3).

Об этой битве газета «Правда» 20 ноября 1942 г. сообщала как «о разгроме гитлеровцев под городом Орджоникидзе». Я так подробно рассказываю об этой битве вот почему. Чечено-Ингушетия была прифронтовой республикой. Город Владикавказ (Орджоникидзе) находится недалеко даже от моего родного села Ачхой-Мартана, расположенного всего на тридцати-сорока километрах от границы Чечено-Ингушетии с Северной Осетией. Но ни один народ, живущий в этом регионе, не оказывал поддержки фашистским захватчикам. Автор этих строк, находившийся в то время в г. Грозном в качестве главного редактора Чечено-Ингушского радиокомитета, часто бывал в регионе и является живым свидетелем сказанного. Измышления отдельных авторов о помощи чеченцев и ингушей гитлеровским войскам являются заблуждением их авторов или носит злонамеренный характер. Таким же измышлением является и попытка распространить слух о том, что якобы чеченцы и ингуши подарили Гитлеру белого коня. Даже в трудных зимних условиях из отдаленных горных

чеченских сел шли подарки фронтовикам по случаю дня Красной Армии. Я лично был свидетелем отправки таких подарков на фронт из Дарго.

Одновременно с доблестными защитниками Сталинграда, перейдя в широкое контрнаступление в конце 1942 года, войска Северной группы Закавказского фронта прорвали оборону противника на подступах к Грозному, на границах Чечено-Ингушетии, и отбросили его далеко назад. Так полной победой Красной Армии завершилась битва за Грозный.

За участие в обороне города в 1941-1942 годах и проявленные при этом отвагу и мужество более 80 тысяч жителей Чечено-Ингушетии наградили различными орденами и медалями, в том числе и медалями «За оборону Кавказа».

За успешное выполнение заданий Правительства по строительству оборонительных рубежей Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1943 года ряд руководителей Чечено-Ингушской АССР были награждены орденами и медалями СССР. Ордена Ленина получили председатель Совнаркома ЧИАССР Супьян Моллаев и председатель Президиума Верховного Совета ЧИАССР Юсуп Тамбиев. Орденом Трудового Красного Знамени наградили первого секретаря Чечено-Ингушского обкома ВКП (б) Виктора Иванова.

Спустя 73 года после этих событий, в апреле 2015 года Президент России Владимир Путин подписал указ о присвоении столице Чеченской Республики Грозному звания «Город воинской славы».

В документе отмечалось, что звание присвоено за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества в годы Великой Отечественной войны.

В. Путин отметил, что в битве за Кавказ самые кровопролитные сражения проходили на грозненском направлении. Он заметил, что «силами его жителей Грозный был превращен в непреступную крепость».

Присвоение звания стало высокой оценкой ратного труда сотен тысяч жителей Грозного и всей республики, мужественно сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны, бесперебойно обеспечивавших фронт горючим и смазочными материалами, защитивших от фашистских захватчиков город.

За самоотверженный труд и вклад в оборону Грозного Халид Исмаилов также был представлен к правительственной награде, но по неизвестным причинам ее так и не получил.

Халид Исмаилов не дождался своей награды, несмотря на то, что принимал самое непосредственное и активное участие в организации обороны и защите Грозного от врага. Им была проделана огромная работа по организации обеспечения защитников Грозного и воинов Красной Армии продовольствием и медикаментами. Он всегда повторял, что для него важнее любых наград главное – враг разбит, отброшен от Грозного, угроза захвата родного города и республики миновала. Красная Армия погнала проклятых фашистов на Запад, чтобы окончательно добить его в собственном логове – Берлине.

Эти события принесли радость всем защитникам Грозного, населению республики, вселили а их сердца уверенность в скорую победу. Но обязанности и заботы Халида не уменьшились с отдалением линии фронта

Андарбек Шамилев, чеченский журналист, директор Комитета по радиовещанию ЧИАССР

от Грозного. Впереди его ждали другие многочисленные дела по налаживанию хозяйств республики в условиях военного времени, восстановлению временно оккупированных территорий ЧИАССР.

Глава десятая На войне как на войне

В те тревожные дни, когда враг ступил на территорию Чечено-Ингушской АССР, шли ожесточенные бои у Малгобека и на Тереке, а в Грозном начались варварские бомбежки фашистской авиации, жена Халида вместе с детьми находилась в селе Новые Атаги, у его отца. К этому времени в семье появилось пополнение, родился сын, которого назвали Валерием.

Халид во время работы в наркомате торговли получил служебную квартиру, после стольких мытарств по чужим съемным углам теперь у него появилось собственное жилье. Причем, квартира располагалась в самом центре Грозного, в 5-м жилстроительстве, 13, и имела номер 90. Дом этот во время двух военных кампаний в Чеченской Республике, уже в наше время, был полностью разрушен. На этом месте сейчас в Грозном расположена центральная площадь имени А. Кадырова.

После того как части Красной Армии отбросили фашистские войска от Грозного и освободили оккупированную часть Чечено-Ингушетии, семья Халида из аула вернулась в Грозный: Халид съездил к родителям, проведая их и забрал жену, четырехлетнюю Светлану и совсем маленького Валерия.

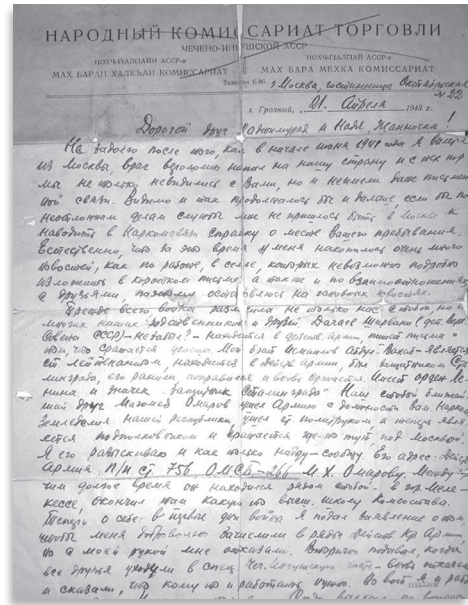
Новый 1943 год Халид встретил новыми многочисленными хлопотами, связанными с выполнением возложенных на него руководством Наркомторга республики директив, направленных на увеличение снабжения армии продовольствием, медикаментами, топливом для достижения скорой победы, налаживанию в ЧИАССР, несмотря на военное время, торговой сети, а также другими многочисленными делами.

В январе 1943 года Халида приняли кандидатом в члены ВКП (б) в Орджоникидзеvском райкоме партии Грозного. Это событие стало самым важным в его жизни. Он решил стать большевиком в самое тяжелое для страны и республики время. Он подал заявление с просьбой принять его в ряды ВКП (б), когда враг стоял у ворот Грозного, когда судьба страны решалась под Сталинградом и на подступах к столице Чечено-Ингушетии. Получая партбилет, он заверил коммунистов, что не пожалеет сил и жизни для защиты Родины от фашистской нечисти.

Вскоре началось восстановление разрушенной фашистами во время временной оккупации территории республики. По этому поводу вышло постановление обкома партии, которое возложило на наркоматы, в том

числе и на Наркомторг ЧИАССР, проведение перечня всех необходимых мероприятий по ликвидации этих последствий. В связи с этим Халид, на которого обком партии и СНК ЧИАССР, Наркомторг и ряд других комиссариатов республики возложили поручения в ЦК, СНК СССР и РСФСР, в промышленные наркоматы и Госплан СССР по решению возникших неотложных задач, был срочно командирован в Москву.

Вот что писал Халид, прибыв в Москву 9 апреля 1943 года и поселившись в 22 номере гостинице «Октябрьская», своему другу Хаджимураду Тулаеву, адрес которого он разыскал через Народный комиссариат связи СССР.

1943 год. Москва.

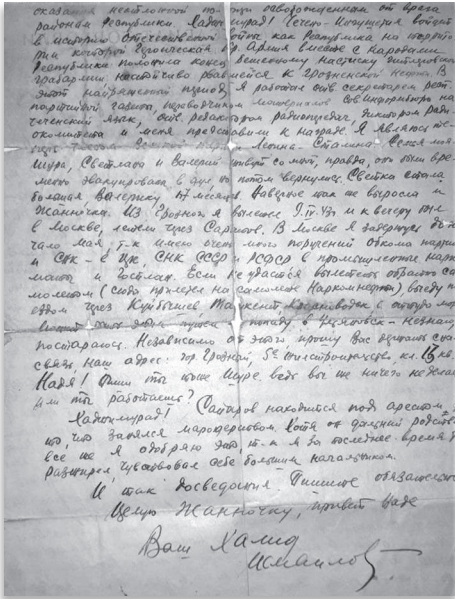
Письмо Х. Исмаилова Х. Тулаеву

«Дорогой друг Хаджимурад и Надя, Жанночка! (жена и дочь Х. Тулаева – И. Х.). Незадолго после того, как в июне 1941 года я вылетел из Москвы, враг вероломно напал на нашу страну, и с тех пор мы не только не виделись с вами, но и не имели даже письменной связи. Видимо, так продолжалось бы и дальше, если бы по неотложным делам службы мне не пришлось быть в Москве и наводить в Наркомсвязи справку о месте вашего пребывания.»

«Естественно, что за это время у меня накопилось очень много новостей, как по работе, в семье, которые невозможно изложить в коротком письме, а также и по взаимоотношениям с друзьями, поэтому остановлюсь на основных новостях.»

«Прежде всего, война разлучила не только нас с тобой, но и многих наших родственников и друзей. Дачаев Ширвани (депутат Верховного Совета СССР) – не забыл? – находится в действующей армии, пишет письма о том, что сражается успешно. Мой брат Исмаилов Абдул-Вахаб является старшим лейтенантом, находится в действующей армии, был защитником Сталинграда, его ранили, поправился и вновь сражается. Имеет орден Ленина и значок «Защитник Сталинграда». Наш с тобой ближайший друг Магомед Омаров ушел в армию с должности заместителя наркома земледелия нашей республики, ушел старшим политруком, а теперь является подполковником и сражается где-то тут, под Москвой. Я его разыскиваю, и как только найду – сообщу. Его адрес: действующая армия, п/п ст. 756, О.М.С.Б. – 266, М. Х. Омарову. Между прочим, долгое время он находился рядом с тобой – в городе Мелекесе, окончил там какую-то высшую школу комсостава.»

«Теперь о себе: в первые дни войны я подал заявление о том, чтобы меня добровольно зачислили в ряды действующей Красной Армии, но с моей рукой мне отказали. Вторично подавал, когда все друзья уходили в специальную»

1943 год. Москва.
Письмо Х. Исмаилова Х. Тулаеву (2)

чечено-ингушскую часть – вновь отказали и сказали, что кому-то и работать нужно. Ну, вот я и работаю заместителем наркома торговли.

Сюда выехал по вопросам оказания неотложной помощи освобожденным от врага районам республики.

Хаджимурад! Чечено-Ингушетия войдет в историю Отечественной войны как республика, на территории которой героическая Красная Армия вместе с народами республики положила конец бешеному натиску гитлеровской грабармии, настойчиво рвавшейся к грозненской нефти. В этот напряженный период я работал ответственным секретарем республиканской партийной газеты,

переводчиком материалов Совинформбюро на чеченский язык, ответственным редактором радиопередач, диктором радиокомитета, и меня представили к награде. Я являюсь теперь членом Великой партии Ленина-Сталина.

Семья моя – Шура, Светлана и Валерий живут со мной, правда, они были временно эвакуированы в аул, но потом вернулись. Светка стала большая, Валерику 7 месяцев. Наверное, так же выросла и Жанночка.

Из Грозного я вылетел 9.IV.43 г. и к вечеру был в Москве, летели через Саратов. В Москве я задержусь до начала мая, так как имею очень много поручений обкома партии и СНК – в ЦК, СНК СССР и РСФСР, в промышленные наркоматы и Госплан. Если не удастся вылететь обратно самолетом (сюда прилетел на самолете Наркомнефти), выеду поездом через Куйбышев, Ташкент, Красноводск, а оттуда морем, может быть, этим путем я попаду в Ульяновск – не знаю, но постараюсь. Независимо от этого, прошу вас держать с нами связь, наш адрес: город Грозный, 5-е жилстроительство, кл.13, кв. 90. Итак, до свидания. Пишите обязательно. Целую Жанночку, привет Наде. Ваш Халид Исмаилов».

Выполнив полностью данные ему поручения, Халид в начале мая вернулся в приходящий в себя после разрушений Грозный. Обстановка в городе и республике стабилизировалась. Только работы еще больше прибавилось. Несмотря на разруху, промышленность республики работала на полную мощность, снабжала армию боевой техникой, боеприпасами, обмундированием, медикаментами, продуктами. Налаживалась жизнь и среди мирного населения республики. Улучшилось, насколько это можно в военное время, снабжение торговой сети продуктами первой необходимости.

В этой суматохе ежедневных забот Халид с некоторых пор стал замечать странные вещи. Его рабочий день заканчивался поздно ночью, иногда,

когда обстановка этого позволяла, он отправлялся домой к семье, чтобы увидеть детей, жену. Эти короткие визиты к родным позволяли немного передохнуть от нескончаемых хлопот, набраться сил и снова окунуться в пучину неотложных дел.

В один из таких визитов домой он обратил внимание, что его кто-то постоянно незаметно сопровождает. Подозрения, что за ним следят, усилились, когда как-то поздно ночью, когда он пешком возвращался домой, у входа в 5-е жилстроительство, прямо у арки, его остановили неизвестные и спровоцировали с ним драку. Троиц нападавших на него Халид уложил на землю, а затем сдал их подоспевшим на шум сотрудникам милиции. О произошедшей стычке он, разумеется, сообщил наркому. Тот категорически заверил, что ничего не знает о преследовании Халида и обещал разобраться во всем.

Служба за Халидом тем временем не прекращалась. Наоборот, он уже точно знал, что идет целенаправленное преследование его, отслеживались каждый его шаг и действия. После первой последовали еще несколько стычек с провокаторами. Все они заканчивались одним и тем же – избиением последних и сдачей в органы правопорядка.

Халид понял, что за ним следят и это может закончиться очень плохо для него. К тому времени он уже знал, что многие его знакомые и близкие друзья арестованы под надуманными предлогами в измене, в антисоветской агитации, вредительстве и т. д. Среди них и председатель Респотребсоюза ЧИАССР Сапаров, которого Халид считал своим братом и родственником. Об этом Халид сообщил в письме своему другу и товарищу Хаджимураду Тулаеву. И вот теперь кольцо преследований стягивалось вокруг него.

В этой ситуации, чтобы обезопасить семью от возможных преследований, Халид решил срочно отправить жену, Светлану и маленького Валерия в Ростов-на-Дону, на родину жены. Он прекрасно знал, как поступают с семьями арестованных государственных чиновников, обвиненных в предательстве, и не хотел рисковать детьми и женой. Ростов-на-Дону к этому времени уже освободила Красная Армия от фашистских захватчиков, и там потихоньку налаживалась мирная жизнь. Семья Халида вскоре прибыла в Ростов-на-Дону и устроилась там у своих родственников, о чем сообщила ему. И этот факт немного успокоил Халида.

Несмотря на все эти неприятности и тревоги, Халид исправно и добросовестно выполнял свои обязанности, отгоняя от себя темные мысли. Тем не менее, Халид прекрасно осознавал и всю серьезность своего положения.

В один из дней он приехал в Новые Атаги к родителям. Поговорил с ними, объяснил ситуацию, попросил не переживать за него, если с ним что-то случится. Конечно, эта новость встревожила его родителей, всех родственников. Старший брат Али даже изъявил желание понести наказание за своего брата, если с ним случится беда.

Попрощавшись на всякий случай с родителями и родственниками, Халид вернулся в Грозный. Сразу после возвращения из Новых Атагов, 24 августа 1943 года, Халида Исмаилова арестовали, по месту его проживания и на рабочем месте провели обыски.

Ему предъявили наспех сфабрикованное обвинение в антисоветской агитации, измене, вредительстве и растрате социалистической собственности. Сотрудники НКВД завели на него личное дело №284860 с грифом «Совершенно секретно».

Халида, вступившего в партию в самый трудный для страны период, во время обороны Грозного, сразу же исключили из ее рядов. Все имущество Исмаиловых тут же было конфисковано.

Его доставили на допрос в республиканское управление НКВД, здание которого находилось на берегу Сунжи, там, где сейчас расположен ресторан «Глобус».

Так начался другой, самый тяжелый, страшный и трагический этап в жизни Халида, когда он из высокопоставленного сотрудника наркомата превратился в узника тюрьмы НКВД, человека без прав, попросту – во «врага народа».

Глава одиннадцатая Узник тюрьмы НКВД

Арестованного Халида Исмаилова привезли в здание НКВД ЧИАССР, расположенного на берегу реки Сунжа в центре Грозного. Его сразу же отправили на допрос. Следователь НКВД без долгих предисловий предложил Халиду чистосердечно признаться в антисоветской деятельности, назвать сообщников, а также полностью раскаяться в содеянном. В противном случае, подчеркнул он, по законам военного времени его ждет немедленный расстрел как врага народа.

Халид категорически отверг все обвинения, предъявленные ему в том, чего он не совершал никогда. Он заявил, что воспитан пионерской организацией, комсомолом и является преданным большевиком партии Ленина-Сталина, что готов принять, если партия прикажет, смерть за ее идеалы. Первый допрос длился несколько часов. От уговоров добровольно признать свою вину следователь НКВД перешел к угрозам, а затем и к пыткам. Халид стойко вынес жестокие побои. Физически крепкий, способный выдержать любые нагрузки, здесь, в кабинете следователя НКВД, закованный в кандалы и беспомощный, Халид сполна ощутил свое полное бессилие и молча терпел издевательства и унижения, вмиг обрушившиеся на него. Превозмогая страшную боль, он повторял для себя мысленно снова и снова, что не имеет права сдаться, проявить слабость, потому что тогда ему действительно наступит конец.

Несмотря на жестокость энкэвэдэшников, Халид ни по одному пункту предъявленных обвинений не признал вины – ему не в чем было сознаваться. Ничего не добившись от Халида, его отправили в тюрьму НКВД, расположенную также на берегу Сунжи в районе тогдашнего пивзавода.

Камера, куда поместили Халида, была переполнена людьми разных национальностей. Но чеченцев здесь было все же больше. Это Халид про себя отметил сразу же. Несмотря на незатихающую боль от побоев и пыток, он поздоровался с сокамерниками. Ему, окровавленному, тут же уступили место на нарах. Вскоре, перезнакомившись со всеми, Халид узнал, что в большинстве

своим они такие же «враги народа», как и он сам. «Врагами народа» оказались простые сельские труженики, совершенно не владевшие русским языком, которые так и не поняли, за что их арестовали и заключили в тюрьму, в чем обвиняют. Здесь также сидели руководители хозяйств и предприятий, религиозные деятели, а также большевики со стажем, партийные чиновники, представители интеллигенции.

На второй допрос Халида вызвали довольно скоро. Допрашивавший его следователь НКВД, как и в первый раз, сразу же перешел к угрозам и предложил ему чистосердечно признаться во враждебной деятельности и положил перед ним чистые листы бумаги с карандашом для признания своей вины, еще раз предупредив, что с «врагами народа» у них, представителей Советской власти, разговор короткий.

– Меня воспитали пионерская и комсомольская организации, я большевик, член великой партии Ленина-Сталина. Никогда не был врагом своей страны и партии, готов отдать свою жизнь за партию большевиков, – отвечал Халид на все предъявленные ему обвинения.

Изнурительные допросы, в том числе и ночные, избиения, пытки продолжались каждый день, казалось, они не кончатся никогда. После одного из таких допросов Халид практически лишился двух пальцев левой руки. Когда Халид на очередной вопрос следователя ответил, что ему не страшны ни смерть, ни боль, потому что он большевик, энкэвэдэшник со словами «Сейчас мы это проверим» вставил пальцы Халида в дверной проем и затем до упора силой надавил на них дверью. Так повторилось несколько раз. В глазах Халида потемнело, но он ничем не выдал острую боль, пронзившую его с головы до ног. Во время этой экзекуции Халид даже слышал хруст ломающихся фаланг своей руки, он несколько раз оказывался на грани потери сознания. Он выдержал муки и боль молча, не дал повода следователю порадоваться его страданиям.

После такого допроса и варварских пыток вся левая ладонь Халида

Барак для узников Карлага

превратилась в кровавое месиво, а средний и безымянный пальцы безжизненно болтались. Вскоре он перестал чувствовать и кисть. Только позже, когда врачам разрешили оказать ему первую помощь, обнаружилось, что фаланги пальцев раздроблены. Раны нестерпимо болели и заживали долго. Позже кости фаланг на сгибах срослись, но уже не сгибались. С тех самых пор эти два пальца левой руки Халида потеряли чувствительность и торчали, как антенны.

Длительные допросы и пытки Халид смог выдержать только благодаря могучему здоровью. Он не сдавался. Его характер, сила воли не могли смириться с тем, что его, преданно верившего в Советскую власть и воспитавших его большевиков, оклеветали, предали, посчитали врагом. Эта злость придавала силы. Халид регулярно в камере занимался физзарядкой, отвлекал себя от мрачных мыслей разговорами с сокамерниками.

После продолжительных и интенсивных допросов и пыток наконец-то наступило некоторое затишье. Халид понял, что его дело передано на рассмотрение «тройки» и следует ждать приговора. Он был уверен, что жить ему осталось недолго.

В ожидании приговора тянулось время. Видя, что Халид прекрасно владеет чеченским и русским языками, руководство республиканским НКВД решило использовать его до вынесения приговора в качестве переводчика. Тюрьма НКВД, заполненная до отказа так называемыми «политическими» преступниками, в основном чеченцами и ингушами, не могла вместить бесконечный поток вновь прибывающих арестантов. Их размещали в разных помещениях, разбросанных по всему Грозному. Штат НКВД в эти дни работал в авральном режиме. Без лишних проволочек фабриковались и закрывались дела против невинных людей, выносились приговоры, которые здесь же и приводились в исполнение. Многие узники тюрьмы были оговорены и расстреляны, другие получали длительные сроки заключения и отправлялись в месте лишения свободы – в Сибирь, на Колыму.

Однажды Халида вызвали к следователям как переводчика. Прибыв в кабинет, он увидел, что идет допрос молодого человека, избитого, хилого, изможденного голодом и болезнями. Оказалось, что парень родом из села Автуры. В ходе допроса Халид узнал, что он является родственником известного религиозного деятеля шейха Баматгири-хаджи Митаева и его сына Али. Последователей и родственников шейха прекрасно знали родные Халида, в том числе и его отец Исмаил. Али Митаев часто приезжал в Новые Атаги, бывал в мечети и имел очень много последователей в селе, в том числе среди родственников Халида.

Во время допроса автуринца, находящегося в крайне тяжелом состоянии, Халид на чеченском языке разговаривал с ним и подсказывал, что нужно говорить, а также сам корректировал его ответы в выгодном для того свете. Благодаря такой поддержке вскоре удалось заполучить медицинскую помощь для автуринца. Халид помог ему и с питанием, передавал достававшиеся ему скудные пайки. Автуринец, находившийся на грани смерти, выжил, постепенно окреп, смог впоследствии перенести все выпавшие на него тяжести судьбы. Он, как и многие узники тюрьмы НКВД, получил тюремный срок по

сфабрикованному делу, а затем, когда чеченцев сослали в Казахстан, разделил с ними все тяжести ссыльной жизни вдали от Родины.

Много лет спустя, 27 мая 1974 года, в день похорон Халида Исмаилова, на его могиле этот автуринец (его имя и фамилия, к сожалению, не сохранились) перед новоатагинцами рассказал о произошедшем в грозненской тюрьме, о том, как Халид его спас от смерти.

– Перед всеми вами, стоя у могилы Халида, я свидетельствую, что, не окажись тогда, в 1943 году, в тюрьме НКВД в Грозном, рядом со мной Халида, я умер бы от голода и болезней. И только благодаря Всевышнему и помощи Халида я остался в живых и сегодня стою перед вами, – сказал он.

Находясь в тюрьме в ожидании вынесения приговора, Халид услышал о выселении чеченцев и ингушей в Казахстан и Среднюю Азию. Он ничего не знал о судьбе своих родителей, братьев и сестер, многочисленных родственников, жены и детей. Жестокие тюремные условия и ожидание приговора «тройки» были ему не так страшны, как переживания за тех, кто оказался вдали от дома, на чужбине, никому не нужным, брошенным на произвол судьбы, на верную смерть.

После длительных томительных ожиданий 20 мая 1944 года Халида привели под конвоем к следователю и огласили приговор. Особым Совещанием при НКВД СССР его осудили по статье 58-10 ч. II УК РСФСР и Закону от 07.08.1932 г. к 10 годам заключения за антисоветскую агитацию, разглашение сведений, не подлежащих оглашению, а также хищение социалистической собственности без понижения в правах с отбыванием в исправительно-трудовом лагере Карлаг.

Немного о 58-й статье, по которой осудили Халида. Статья 58 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года в редакции 1926 года и более поздних редакциях устанавливала ответственность за контрреволюционную деятельность. Ее

Камера для заключенных в Карлаге.

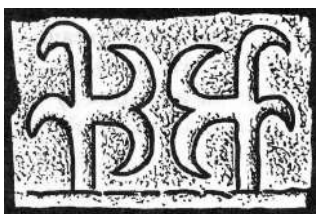
отменили в 1961 году. В обиходе именовались просто «58-я статья».

С 1921 по 1953 год за контрреволюционные преступления по этой статье было осуждено 3 777 380 человек, в том числе приговорены к высшей мере наказания 642 980 человек. Особенно часто эта статья применялась к чеченцам. До 1944 года по этой статье пострадали тысячи и тысячи выходцев из ЧИАССР. А в 1944 году уже весь чеченский народ был выслан как «враг народа», лишен своей государственности и Родины.

Заклученные, приговоренные по статье 58, назывались «политическими», по сравнению с обычными преступниками («уголовниками», «бытовиками»). После освобождения заключенные не имели права поселиться ближе, чем в 100 км от крупных городов (в оговоренные судом сроки).

Так Халид впервые узнал о существовании зловещего Карлага, став его политическим узником. В конце мае 1944 года, после оглашения приговора, Халида вместе с другими осужденными направили этапом в далекий Казахстан, в Караганду, откуда его затем доставили на станцию Карабас, «ворота Карлага», как называли этот населенный пункт.

Продолжение следует.

Майрбек Лулуев

Святое чувство

Наш каждый день – безумные бега,
 Чтоб обустроить правильно наш быт;
 Чтоб дом, уют, морские берега,
 Чтобы – динары и успешным быть,

Чтоб сердцу – только радостное: «Ах!»,
 Чтоб телу было сладко и светло,
 И мысли твои, словно в облаках,
 Чтоб счастье, как река, не утекло...

Ну, а душа?.. Бедняжка, где ж она?!
 Неужто позабыли про нее,
 Ужель она заброшена, одна,
 И время жизни лишь одна несет?!

Душа для нас – сестра, родная мать,
 Чтоб дорог был домашний нам очаг...
 Нельзя, день – ночь, об этом забывать:
 Душа – любви сердечной алый флаг!..

Пусть бьются в сердце теплые мечты,
 В которых чувство к близким,
 как рассвет.

Тогда у Бога будем мы в чести...
 И выше той любви на свете нет!..

**Одиночество в сердце
прокралось**

Одиночество в сердце прокралось.
 Каждый день, как сплошная беда.
 На душе – безразличье, усталость...
 От беспечных усад нет следа...

Опостылело все и остыло:
 Чувства сердца, желанья ума...
 Я шагаю по жизни уныло,
 Ухожу в беспросветный туман.

Что же будет, подумать не смею...
 Может, шаг... – и закончится путь
 Моей жизни никчемной, неспелой?!
 Пусть уж так, чем беспутная жуть...

**О, дайте мне рассветной
тишины**

О, дайте мне рассветной тишины:
 Услышать бы весны звенящий звон!..
 На ней себя хотелось бы женить –
 Отдать себя во власть ее готов!..

Познаю я волнение морей
 И шелест трав и таинство лесов.
 Забыться в тишине бы мне скорей,
 Чтобы не знать движение годов...

Все время жить бы мне в ее глуши,
 Чтоб вдоволь сладость
 тишины испить...

Желание души не заглушить...
 Не оборвалась с тишиной бы нить!..

О, дайте мне рассветной тишины,
 Ведь тишина – дыхание небес.
 Мне без нее, я знаю, не прожить:
 Для новой жизни я душой воскрес!..

Спокойно беспокойство

Спокойно беспокойство.
Волнение улеглось.
Безумное расстройство
С сознанием струсилось...

Не узнает сознание
Судьбы своей черты.
Постыдное признание,
Что ты – уже не ты!..

И счастье... где-то рядом.
Его б рукой достать!..
Не лучшая награда –
Подумать и сказать...

Клубок судьбы размотан...
Но где же счастья суть?!
Понять успел я что-то:
Вкус жизни моей суть!..

Спешим туда...

За горизонтом, кажется, нам – рай!..
Спешим туда, где вечность красоты...
А там, как здесь... И дальше –
новый край...
Живем пустым обманом мы мечты...

Южные ветра

Ночь. Страшно дуют южные ветра.
Январь, но тает... Странная зима...
Дожить бы мне до светлого утра,
Когда: «Люблю!» –
ты скажешь мне сама.

Тогда душа от счастья расцветет!
Как радость Миру – жизнь свою сочту.
И каждый, кто влюблен, меня поймет...
Лелею эту светлую мечту...

Судьбы предначертанья

Наш сон, как смерть,
чтобы родиться снова;
И пробуждение – чудо из чудес!..

Надежда – жизни крепкая основа,
Чтоб веры свет, погаснув, не исчез...

И дышим в спину светлым устремленьям:
Зачем держать желанья взаперти?!
И отмечаем всякие сомненья,
Чтоб непременно в рай земной прийти!

Не избежать судьбы наград, лишений –
Предначертаний нам не изменить.
Творить судьбу – безумное решение...
Дай Бог свой век по совести прожить!

Извилины мозга в узлы завязались

Извилины мозга в узлы завязались.
Не вымолвить мыслей – они в западне.
Слова из ума не сошли, не сказались.
Лежат те слова у сознания на дне.

Куда-то сердечные чувства умчались,
И тело как будто уже не мое,
И царские мысли давно развенчались,
Душа одичала совсем, не поет...

И вроде не мертв, и дыхание живо,
Но суть моя в прошлом,
давно на излом,
И солнца сиянье со мной не учтиво...
Ну, здравствуй родной,
моей вечности дом!..

Счастливым быть

Счастливым быть – нелегкая работа,
Учусь всю жизнь такому ремеслу.
Ведь это – наша о душе забота,
Где нету места горестному злу.

Куется счастье сердцем незаметно.
Приятный стук я чувствую в груди.
Не может сердце к жизни
быть беспечным:
Нас свет надежды манит впереди.

Любви подобной в мире нету нашей.
К добру – души святая маята.

Нельзя нам думать и мечтать иначе:
Жизнь без любви, по сути – суета!

Спокойны мы в своей простой надежде.
Неповторим, прекрасен жизни путь.
Таких, как мы, нет – не было и прежде.
Благословенна вечно счастья суть!..

Злая осень.

Злая осень. Ветер рвет листву.
Всюду слякоть... Моросящий дождь.
В небе облака плывут,
Узурпатор-ветер всюду – вождь!..

Угнетен я осенью такой.
Краски чувств поблекли до поры.
Где ж мой день весенний золотой,
Где к цветенью сладостный порыв?!

Разомлела б красочная страсть...
Затерялся б в чувственной глуши.
Осени угрюмой не украть
Веру в жизнь мою, не заглушить!..

Отправляюсь мысленно в полет.
Душу тот полет слегка бодрит.
Сердце тихо о весне поет.
Свет надежды где-то там горит.

Осеннее чудо

Многоцветье осеннего чуда!..
Утопаю в его красоте...
Это чудо нам – без пересуда...
Блага большего грех мне хотеть...
У порога я вечного рая...
Чувство счастья, меня не покинь...
Что такое – от нежности таять,
Понимает небесная синь!..

Свобода алым парусам

Вселенной дали – без конца...
Нет в мире красного словца,
Чтоб сердцу – сладко и легко,
И счастье тут... – не далеко.

Пространство с временем сошлись,
И судьбы вмиг переплелись.

А дальше – снова врозь летим.
Еще мгновенье и сторим...

Но жизни вздох... В нем суть всего.
Теперь я знаю, отчего
Близка мне звездная печаль,
Как манит радужная даль!..

Я еле жив от чувства к Вам:
Свобода алым парусам!..
Любовь ни сгладить, ни стереть...
Теперь же... можно умереть!..

Код крови

Дорога в бесконечность – в небеса.
Мечты полет, как радужный недуг.
Летишь вперед, и ветер в волосах –
Божественный на счастье жизни круг!

Романтика – дорога без конца:
В ней краски жизни и дыханья суть!
Искать не нужно званий и венца,
Когда тебе – надежды светлый путь...

И счастья голубые паруса
Несут тебя в неведомую даль:
Колеса мчат туда, где чудеса...
Кто за бортом, того, конечно, жаль...

Моторов рев – вскипает в жилах кровь:
К судьбе такой оправдана любовь.
И код крови у байкеров – один,
Семья одна, где каждый – господин!..

Развевались мысли по свету

Развевались мысли по свету,
И чувства ушли в небеса.
В счастливую верю примету,
Что вечность моя – на сносях!..

И радужность жизни рождается,
Ее бы, без устали, пить...
Мне счастье такое не снится,
Пришло время, чтобы любить!..

Как странно, я будто потерял...
Но где же себя мне найти?!

Пути мне неведомы были господни,
Безропотно шел я вперед...
Я поднят по милости... из преисподней –
Свое свет над тьмою берет!..

Теперь по наитию строю желанья.
Они – по велению небес.
Мое дорогое на счастье сознание,
Ты – чудо мое из чудес!..

Мой каждый вздох

Мой каждый вздох –
совместно со вселенной.

Пока дышу, живу я, не исчез.
Спешу к мечте своей я вожделенной,
Пленен навек сиянием небес.

И чувственная нежность – недотрога
В моих руках... В душе – огонь мечты...
Пути вселенной, как одна дорога...
Судьба моя, всего дороже ты!..

Прости, Господь, безумие такое.
Надеюсь, мне дозволено любить...
И веры свет живет в душе, доколе,
Ту чашу чувств дозволено мне пить!..

Стремление к добру

Прекрасное... Прекрасное далеко...
Сошли на нет все чувства самотеком,
Ушел из жизни песенный мотив,
Хотя был с ним я вежлив и учтив.

Хочу я жить спокойно, без упреков
И у добра учусь, беру уроки...
Рассветный миг, и красочность души!..
Стремление к добру не заглушить...

СМЫСЛ СЛОВ

При свете дня слова видать иначе,
Чем если бы в сиянии ночи.
То смысл их блекнет или...
как-то краше...

Судьбу, как есть, не ошибись, прочти!..

Иди вперед смелей

Все сущее везде во времени печется.
На всем стоит его бесстрастная печать.
В безмолвии оно, не плачет,
не смеется...

Я временно живу, и мне нельзя молчать!

Слова бегут ручьем, надежду оживляя,
Что век я проживу с любимой моей...
В безвременье уйду, ее лишь прославляя.
Сомнения – долой!

Иди вперед смелей!..

Вас бы понять, как надо

Слова пинают сердце, тихо душат.
Оно же бьется, бедное, в груди
Его мученья люди не услышат.
И для спасенья не найти пути...

Но может так, что слово – добрый гений,
И в сердце расцветает дивный сад!..
И жизнь, как рай, без всяких сожалений –
Судьбе своей ты бесконечно рад!..

Слова, слова... Вас бы понять, как надо,
Чтобы себя не мучить и не бить,
Чтоб жизнь была, как богова награда,
Чтоб, как нектар, ее неспешно пить!..

Руслан Ясаков

Дед и внук

Новелла

Как правило, к старости человек попадает в плен ко всяким болезням. И физическая немощь, подавляя высокие порывы духа, погружает пожилых людей в уныние, из-за чего окружающий мир теряет для них былую красоту и притягательность. К числу таких «пленных» старостью и болезнями людей относился и 74-летний Ахмед, еще четверть века назад слывший в родном селе как неугомонный пассионарий.

Долгое пребывание на поверхности земли и множество случившихся с ним жизненных передраг оставили на лице и фигуре старика свои выразительные последствия отрицательного свойства. Лицо Ахмеда было изрезано глубокими бороздами морщин, глаза извергали мрачное, необъяснимо глубокое отвращение к окружающему его миру. Как это ни прискорбно, соответственно и личность Ахмеда не вызывала у большинства односельчан особых симпатий к нему.

Образно говоря, наш персонаж можно было сравнить с пустой стреляной гильзой, не способной уже нанести людям ни вреда, ни пользы. Старика мучали болезни внутренних органов, в частности печени и поджелудочной железы. Кроме того у Ахмеда были очень больные ноги, подверженные варикозу, тромбофлебиту и прочим артритам, заставляющим его вести малоподвижный образ жизни, передвигаясь с опорой на трость.

Пять лет назад старик лишился жены Фатимы и доживал свой век в одиночестве. Оба сына Ахмеда – Хасан и Хусейн – уже давно обзавелись собственными семьями и проживали по соседству с отцом в собственных домах. Поочередно выйдя замуж, отцовский дом покинули и три дочери. Блуждая в сумрачных потемках своего старческого сознания, Ахмед слишком строго и неадекватно оценивал слова и поступки знакомых и близких ему людей.

Родственники с глубокой печалью наблюдали за тем, как с каждым годом, видимо под воздействием телесных недугов, старик ментально все глубже замыкался в собственных переживаниях: Ахмед все реже посещал семейные очаги своих детей, его родительская привязанность к потомству стала весьма слабой.

Чудесное преображение духовного состояния старика произошло, когда у его сына Хусейна родился третий по счету мальчик, которому дед дал имя – Селим. До появления на свет малютки Селима Ахмед посещал семейства своих детей очень редко, от случая к случаю. Новорожденный внук зародил в сердце угрюмого деда такие нежные чувства, что Ахмед регулярно, почти ежедневно стал навещать жилище младшего сына Хусейна.

Совершив утренний намаз, старик с нетерпением ожидал сокровенного момента, когда цвет восходящего солнца с оранжевого сменится на зеркально-белый. Дождавшись мимикрии солнечного диска, Ахмед не по-старчески

быстро облачался в верхнюю одежду, надевал на больные ноги удобную обувь и, опираясь на спасительную трость, направлялся к дому Хусейна. Там находился черноокий высоколобый младенец, столь быстро захвативший в плен сердце и душу деда.

Войдя в комнату, где в деревянной люльке возлегал его солнцеликий внучонок, Ахмед словно под воздействием сильнейшего наркотика преображался из больного угрюмого старца в доброго милого человека. Усевшись возле люльки, дед проводил многие часы, с восхищением любясь и лаская очаровательного малыша. Весь облик родного человечка – от мизинцев ног до замечательного малюсенького носика – вызывал в старом, изношенном сердце деда уже давно утерянное чувство блаженного счастья.

Рядом с Селимом Ахмед забывал все свои телесные недуги и старческую хандру. Конечно, старик неоднократно слышал наставления мулл и алимов (ученых богословов) о том, что не следует чрезмерно восторгаться своими потомками. Если Ахмед правильно воспринял поучения духовных лиц, мусульманам необходимо сдерживать себя в проявлении чувств любви к своим детям, внукам и близким людям. Ибо необузданное восхищение своим потомством способно ослабить любовь мусульманина к Творцу Вселенной, то есть привести человека к понижению, ослаблению его имана.

Следуя наставлениям алимов, общаясь с обожаемым внуком, Ахмед, опасаясь сглазить его, часто восклицал: «МашаАллах! МашаАллах...!» Люди, не имеющие родственных отношений с родителями Селима, скорее всего не отмечали в нем особенных достоинств, отличающих новорожденного отпрыска Хусейна от других детей. Однако в восприятии Ахмеда Селим представлял собой замечательный образец детского совершенства. И вполне естественно, что любимый внук прочно обосновался на троне сердца своего деда.

Привязанность Ахмеда к внуку значительно усилилась, когда Селим уверенно встал на ноги и, повинувшись своим детским впечатлениям и фантазиям, начал бойкую подвижную жизнь. По мере взросления внука, Ахмед все чаще стал приводить его в свой дом. И нередко Селим оставался ночевать у деда. Для юного любимого гостя старик собственноручно готовил разные каши и еду, которые очень нравились Селиму. Дед также охотно покупал для внука разные детские игрушки и сладости.

На такую заботу и любовь Ахмеда внук отвечал ему взаимной привязанностью. Селим был смышленным и очень подвижным ребенком. Достигнув трехлетнего возраста, он быстро и без особого напряжения разбирали по частям и вновь собирал все приносимые ему в дар детские игрушки: машинки, сборные пластмассовые роботы и прочие забавы для малышей. Любил Селим также проводить много времени и в играх со старым котом деда по кличке Эмалг. Обычно, Селим хватал незлобивого Эмалга рукой за шею и с озорной улыбкой трепал грозного врага мышей, отдавая покорному коту разные команды, типа: «Лежи! Вставай! Смирно!»

Будучи очень любознательным ребенком, Селим постоянно стремился к познанию окружающего его необъятного мира людей, предметов и природы. Как-то летом, проведя ночь под крышей дедовского дома, на рассвете встав

пораньше, внук стал настойчиво просить Ахмеда пойти вместе с ним на прогулку по селу. Не смея огорчить любимого внука отказом, старик согласился исполнить пожелание Селима. И, пользуясь «услугами» своей «подруги» – трости, дед в сопровождении внука вышел из дома и отправился на прогулку по селу.

Инициатор «похода» Селим никак не желал, чтобы дед держал его за руку, поэтому двигался по улице самостоятельным вольным курсом, то забегая вперед, то возвращаясь к Ахмеду. И при движении малыш успевал крутить во все стороны свою любознательную головушку. Дед то и дело останавливался, пытаясь убедить Селима завершить прогулку и вернуться домой. Больные ноги не позволяли старику совершать дальние пешие передвижения. Но юный путешественник, увлеченный своими зрительными впечатлениями, не давал деду возможности сменить курс движения. В итоге, по воле юркого малыша, они с дедом вышли на окраину родного села. Почти вплитык к селу располагался обширный пустырь, который был усеян костями различных животных и всяким выброшенным жителями села хламом.

Примерно на расстоянии пятидесяти шагов от края пустыря лежал полусгнивший ствол дуба, видимо сраженный натиском ураганного ветра. Подойдя к лежащему мертвому дереву, Ахмед сначала уселся, а затем вытянул свои ноющие от усталости и болезней ноги вдоль ствола, а Селим увлеченно стал вертеться неподалеку от деда, забавляясь погоней за какими-то жуками и кузнечиками. Боль в ногах старика начала постепенно стихать. И под воздействием ласковых лучей летнего солнца Ахмед стал медленно погружаться в состояние блаженной дремоты. Некоторое время старику еще удавалось держать в поле своего зрения внука, увлеченно исследующего «фауну» и «флору» пустыря. Но вскоре веки Ахмеда против его воли сомкнулись, и он погрузился в беспокойный старческий сон.

Дремоту пожилого человека прервали ужасные, невообразимо звенящие от боли и страха крики ребенка. Эти крики мгновенно отогнали сон Ахмеда, и перед ним предстала страшная картина: примерно около 100-130 метров от него несколько больших одичалых собак с рычанием терзали его обожаемого внука Селима. Не в силах отбиться от громадных псов, малыш в великом ужасе громко и жалобно звал деда на помощь: «Дада, схявола... дада, схявола...» («Дед, приди, помоги...»).

Ребенок отчаянно, напрягая все свои малые детские силы, пытался вырваться из-под мощных лап и челюстей безжалостных хищных сородичей волков. Но никто и ничто, кроме старого больного Ахмеда, не могло спасти Селима от явной гибели. Пораженный видом драматической сцены, где его внук подвергался смертельной опасности, Ахмед поспешно встал на ноги со своего лежбища-ствола и намеревался, подобно разъяренному льву, с устрашающим ревом броситься на хищных псов, терзавших плоть юного, безгрешного Селима. Но от резкого напряжения мышц и сильнейшего волнения ноги Ахмеда пронзила, словно стрела, сильная боль, и он, как подкошенный, рухнул на землю, издав вместо пугающего львиного рыка жалобный слабый вскрик боли и отчаяния. Старик попытался встать на ноги, но эти усилия не дали положительного результата, так как его нижние конечности были парализованы.

А между тем одичалые собаки продолжали на виду Ахмеда кромсать маленькое нежное тело его любимого внука. И испытывая ужасную боль, находясь уже на грани жизни и смерти, Селим не переставал угасающим голосом звать деда на помощь: «Дада... дада...» Испуская горькие слезы от осознания своей беспомощности, Ахмед, опираясь на локти рук, начал медленно подползать к внуку, пожираемому хищными псами. Безжизненные, парализованные ноги и очень слабые старческие руки не позволяли Ахмеду ползти быстро. С большим трудом преодолев расстояние около 7-10 метров, дед выдохался и, вынужденно прекратив свой «пластунский поход», несколько минут лежал неподвижно, набираясь сил.

В минуты отдыха старик пытался криком и размахиванием трости напугать и отогнать от внука диких собак-людоедов. Когда до места ужасающей драмы оставалось метров десять, Ахмед, выбившись из сил, припал к земле и с замиранием сердца некоторое время всматривался вперед. Несчастный Селим, точнее кровавое месиво, которое осталось от ребенка, ни голосом, ни движением уже не подавало признаков жизни. Дед с ужасом осознал, что мальчик мертв, что он навсегда покинул этот необъяснимо жестокий мир. Задрожав всем своим полуживым телом от постигшего его горя, старик зарыдал, истерично размахивая тростью.

Через минуту отчаяние Ахмеда уступило место решимости и, преодолевая недуги своего дряхлого тела, старик двинулся в «атаку» на смертельных врагов, погубивших, растерзавших его безгрешного славного внука. Когда дед почти дополз до четвероногих убийц Селима, псы стали угрожающе рычать на приближающееся к ним полуживое человекоподобное существо. Этот ползучий старикашка вызвал у хищников не страх, а некоторое беспокойство. Поэтому, схватив истерзанное до костей тело четырехлетнего ребенка, псы-людоеды потащили свою жертву в густой кустарник, который являлся своеобразной оградой пустыря.

Раньше на этом довольно большом участке совхозной земли многие годы цвел замечательный сад. Здесь росли яблоневые, грушевые, ореховые и другие деревья, дающие осенью хорошие урожаи. Однако года три назад директор совхоза дал указание ликвидировать сад якобы из-за снижения плодородности деревьев, выслуживших по возрасту свой срок. В перспективе планировалось вместо вырубленных деревьев засадить данную территорию новыми молодыми саженцами. Уничтожив старый сад и не посадив ни одного кустика, ликвидатор фруктовых деревьев вскоре покинул свой пост. А новый руководитель совхоза не особо-то и торопился оживить мертвый пустырь насаждением юных саженцев. Вот и торчат по всему пустырю пни срубленных груш, яблонь и прочих фруктовых деревьев. Глядя вслед четвероногим убийцам Селима, волочившим куда-то останки тела несчастного ребенка, Ахмед некоторое время лежал неподвижно, протяжно и неудержимо стеная от постигшего его нестерпимого горя. Затем, взяв себя в руки, старик продолжил свой ползучий путь, следуя по кровавому следу, идущему в сторону кустарника. Он полз медленно, напрягая все свои жалкие силы локтевых суставов. Разбросанные по всему пустырю различные железные предметы, осколки разбитых бутылок и

множество колючек впивались в парализованные ноги и локти Ахмеда. Брюки старика превратились в рваные лохмотья, которые пока еще не отделились от тела старика благодаря поясному ремню. Кровь, истекающая из резаных и колотых ран ног и локтей, сочилась на кровавые следы, оставленные его милым внуком. И таким неестественным образом кровь живого деда ритуально соединялась с родственной кровью мертвого Селима. Совершенно разгромленный, раздавленный ужасной гибелью внука, старик практически не обращал внимание на боли и недуги собственного тела и целеустремленно двигался вперед.

Собачья свора со своей человеческой жертвой уже давно скрылась в зарослях кустарника, а Ахмед медленно и упрямо, делая частые остановки, двигался в том же направлении. Солнце, видимо уставшее обозревать мерзости, происходящие на земле, начало клониться к закату, когда старик наконец-то дополз до кустарника, в заросли которого зверье утащило останки ребенка. Ахмед продвинулся вглубь кустарника и вскоре оказался у края небольшой поляны, свободной от зарослей.

Перед взором старика во всей своей невыносимой жестокости открылась картина ужасной драмы, несчастной жертвой которой являлся его обожаемый внук. В середине поляны, в нескольких шагах от Ахмеда лежала кровавая субстанция, оставшаяся от юного тела Селима, обглоданного сворой озверевших собак. Тут же, возле своей жертвы, облизывая окровавленные морды, находились и хищники. Ужасная гибель Селима повергла старика в оцепенение. Схватив голову руками и опершись на локти, он застыл на месте, напряженно впившись взором в окровавленные костные останки внука.

Для Ахмеда смерть Селима означала, что и его старческая жизнь потеряла всякий смысл. В эти скорбные минуты мозг старика порождал разные, в основном противоречивые мысли. Неожиданно столкнувшись вплотную со страшной бедой, Ахмед сначала впал в глубокую скорбь и уныние. Для такого, ранее никогда со стариком не случавшегося, падения духа была веская причина: с гибелью Селима лопнул великолепный пузырь четырехлетнего счастья Ахмеда. Будучи мусульманином с довольно сильной волей, старик осознавал, что его душевная паника и уныние служат великолепным поводом для торжества дьявола – извечного врага человека.

Усилив волю, подавив боль в старческом теле, Ахмед попытался вступить в неравную схватку с четвероногими убийцами внука. Старик намеревался утратить собачью свору яростным угрожающим криком и ударами тростью. Однако вместо грозного крика изо рта старика вырвался лишь слабый жалкий вскрик, а поднятая Ахмедом трость очень быстро выпала из слабой руки: атака старика не привела к желаемому результату, но так как сытые желудки значительно снизили агрессивность псов, они медленно отошли от своей жертвы.

Для Ахмеда наступил конец света. Издав истошный крик отчаяния и горя, он обхватил руками жалкие останки внука. В безумном любовном жаре дед стал гладить окровавленный маленький череп, шепча тихо и нежно ласковые слова. Совсем недавно с этими же словами он обращался к живому ненаглядному Селиму... Нежно поглаживая череп Селима (в сознании впавшего в

беспамятство старика он гладил голову живого внука), Ахмед сквозь слезы тихо шептал: «...Сердце мое... что я натворил... почему я погубил тебя...»

Изнуряя себя причитаниями, старик пролежал в обнимку с останками любимого внука несколько часов. Солнечный диск уже практически скрылся на западном крыле горизонта, когда к Ахмеду пришло осознание реальной сущности происшедшей драмы. В сложившейся ситуации, находясь в плотном кольце хищных собак, способных в любую минуту растерзать его полуживое тело, Ахмед совершенно не беспокоился за себя. Мобильник старик оставил дома, так как полагал, что его прогулка с внуком продлится недолго. Поэтому никому из родственников о предстоящей прогулке он не сообщал. И в наступившей темноте вряд ли кто из родичей и знакомых кинется на его поиски в заросли кустарника, находящегося на расстоянии 1,5-2 километров от села.

Ради сохранения останков внука можно было использовать голосовые связки, но Ахмед уже точно выяснил всю ничтожную силу своего «угрожающего крика». Псы-людоеды, насытившиеся плотью несчастного Селима, не торопились атаковать его полуживого деда. И хищники пока почти с человеческим любопытством в глазах, молча без суеты, наблюдали за поведением Ахмеда, который вскоре неминуемо станет их пищей. Старик не сомневался в том, что в скором времени он подвергнется той же жестокой участи, которая постигла и Селима. Но после ужасной гибели внука собственная жизнь потеряла для старика всякий смысл и ценность.

«Сегодня среда, 13 июля и этот злосчастный для моего внука-солнышка день, несомненно, принесет гибель и мне», – прошептал тихо старик, уверенный в том, что собачья свора в ближайшие часы разорвет его на части. Размышления старика прервала появившаяся на небосклоне огромная, круглая как футбольный мяч луна. Лунный свет почти полностью подавил ночную мглу, и земной пейзаж обрел светло-оранжевые очертания.

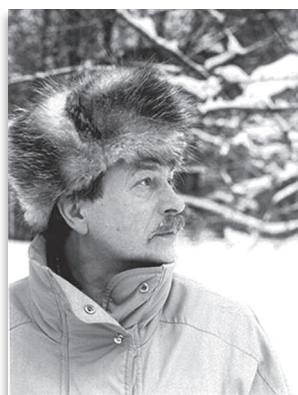
Ахмед обратил внимание, что собачья свора увеличилась до тринадцати голов. Совпадение двух неприятных чисел – 13 июля + 13 хищников – вызвала у старика усмешку. Вдруг собаки, плотным кольцом окружившие Ахмеда, стали проявлять какое-то странное, непонятное старику беспокойство и, подняв к небу морды, начали дружно выть на луну. «Войте, войте... псы поганые, а я пока немного подремлю... вместе с внуком», – прошептал Ахмед, и вскоре, действительно, обессиленный старик впал в дремоту.

Костные останки Ахмеда и его малолетнего внука Селима в полдень следующего дня были найдены местным пастухом. По единодушному желанию родственников, останки деда и внука захоронили в одной могиле... Однако для мусульманина после его смерти начинается новая загробная жизнь в ожидании Судного дня. И надежда на милость Творца Вселенной сохраняется у всех без исключения.

Голоса друзей

Вадим Рахманов

Москва

Известный российский поэт, переводчик и журналист, родился в 1943 году в г. Москва. Окончил факультет журналистики МГУ. Работал в Правлении Союза журналистов СССР, в газетах «Студенческий меридиан», в «Строительной газете», журнале «Дружба народов», издательстве «Современник», Министерстве печати СССР. В 1990 году В. Рахманов учредил и возглавил издательство «Ключ», затем – «Новый ключ». Его стихи и переводы печатались в различных газетах, центральных и республиканских литературных изданиях, альманахах и школьных учебниках России и зарубежных стран. Является автором десяти поэтических книг. Лауреат Международного конкурса «Золотое перо – 2008» и других литературных премий.

Диалог с Луной

Над Сыктывкаром – полная Луна.
– Какой поэт тобой не любовался!
Входи, Луна, смелей в проем окна
гостиницы, где я пришвартовался!

По крышам и по прутикам антенн
она плывет куда-то вдаль, пугливо,
как будто молвя: – Ах, мой сиротливый,
зачем же мне гостиничный твой плен?

Я здесь, на небе, в бархате ночей,
алмазом звезд усыпана дорога.
Хочу быть одинокой и ничьей,
ведь я одна, а вас, поэтов, много...

Что ж, ты права,
избрав такой маршрут,
пренебрегая просьбами моими.
Но помни:
ночи белые придут,
не будет звезд,
и ты померкнешь с ними.

Нам с вами стало недосуг
к соседу проявить вниманье.
Куда-то исчезают вдруг
и доброта, и состраданье.

«От жизни этой все бери!» –
рекламы часто нам кричали.
Но жизнь, что ты ни говори,
неотделима от печали.

Кому-то бытие, как мед,
чем, не скрываясь, он кичился.
Но в одиночестве умрет,
кто сострадать не научился.

Пусть хвори не берут иных.
Но находясь под Божьим кровом
среди сырых, бедных и больных,
как можно быть душой здоровым?

С холодным сердцем, словно лед,
с умом расчетливо-циничным,
впустую век свой проживет,
кто сам не страдает лично.

Пока ты жив, хвала судьбе,
соседу удели вниманье,
и тем проявишь состраданье
хотя бы к самому себе.

Тень

Свеча вонзила в темноту
кривой кинжал огня,
и, раздвигая пустоту,
свет пробудил меня.

И, проступив из темноты,
хмельны от талых вод,
в кувшине завели цветы
венчальный хоровод.

Но только двигаться и петь
им было словно лень...
Я стал внимательно смотреть
на странную их тень.

Явившись в облике твоём,
она жила сама:
свой обрела сперва объем
и форму обрела.

Но вспыхнул свет со всех сторон.
Где тень? Где астры те?
Мне только чудилось, что стон
я слышу в темноте.

Мне только снилось, ты прости,
что это профиль твой...
Цвести тебе, а мне нести
тот крест, что только мой.

Первый снег

Какая радость – первый снег!
Как первый миг любви не первой.
Кружит торжественный, нетленный –
лебяжий пух и детский смех.

Но он растает, как всегда,
и будет миг любви прощальный,
и буду снова я печальный
вперед на многие года.

Потом ты снег найдешь в моих
кудрях, заметно поредевших.
И бросишь мне снежком из детства –
любви твоей неожиданный миг.

Снежинок пух. Твой детский смех.
И радость тихая, простая...
Хочу, чтоб, никогда не тая,
летел над миром первый снег.

Путь

У каждого – своя дорога,
сложна она или проста...
Уже осталось мне немного
дожить до возраста Христа.

И вот, где тайно, где открыто,
иду по жизни колесу.
Не то чтобы к кресту прибитый,
не то чтоб сам его нес.

Живу во времени рывками.
Но бег его – всеобщий бич:
я время трогаю руками,
а не могу его постичь.

Привыкший к суетным изменам,
хочу свалить постылый крест:
живу охотой к переменам
легенды, времени и мест.

Мой дух – то крепок, то расстроен
в потоке дел, в пучине слов...
А может быть, Парнас построен
из многих маленьких Голгоф?

Белый танец

Я был любезно приглашен
на белый танец белой ночи.
В нем было все... И, между прочим,
он был судьбою предрешен.

Дожди минули и снега.
В той дальней дали нашей бывшей
расстались мы, как берега,
мосты однажды расцепивши.

И вот кружусь с тобою вновь:
и ночь светла, и танец белый...
Я все такой же неумелый.
Не упрекай! Не прекословь!

Опять близка мне стала ты,
когда мы в танце этом плыли
и разведенные мосты
над пропастью годов сводили.

Памяти поэта

Угасают планеты,
большие и малые судьбы,
Умирают поэты,
остаются читатели – судьи.

Для чего сожаленья,
кому эти скорбные вздохи?
Исчезают – мгновенья,
остаются – века и эпоха.

Остаются герои,
честнее и выше поэта.
Им могилы не роют,
живут они многие лета...

Ручей

В ольховую тихую рощу
ворвался горластый ручей.
Опавшие листья полощет,
шумит: – Я ничей! Я ничей!

А ливни промчались и громы
свое отгремели когда,
ручей, мой хороший знакомый,
казалось, затих навсегда.

Он молча облизывал русло,
совсем оскудев от жары.
И было, признаюсь, мне грустно
его наблюдать до поры.

Пока ураган вдруг однажды,
ломаю ольху и лозу,
спасая округу от жажды,
принес проливную грозу.

Я видел ослепшее небо...
Возможно, оно улетало,
вспоров на столбах свое брюхо
о каски ночных фонарей.

Седая плакучая верба
упавшие росы впитала,
как будто листве ее сухо
от соков родимых корней.

Я слушал оглохшую полночь...
Возможно, она овдовела,
оставив свой месяц медовый
на ложе сиреневых туч.

И как безнадежная помощь,
вдруг вырвался голос из тела...
И тело обмякло бедою,
а голос стал чистым, как ключ.

Памяти друга

Егору Калдаеву

Остановилось время на часах,
но тикают другие рядом где-то...
Друзья мои! Жить многие нам лета,
но разный срок на времени весах.

Неведом нам судьбы крутой изгиб,
ее все тяжелеющее бремя:
один впустую расточает время,
ну а другой безвременно погиб...

Тот – неизвестен, этот – знаменит,
так луч преломлен при
вращеньи призмы.

Часов моих ржавеют механизмы –
их можно разобрать и заменить.

А кто, скажи, друзей заменит мне,
ушедших безвозвратно и незримо?
Мы плоть их скорбно предаем земле,
но дух парит средь нас неистребимо.

Художнику

В природе – семь цветов.
 Возьми и вспомни:
 зеленый –
 цвет несмятых трав весенних,
 коричневый –
 распаханых суглинков,
 а синий –
 это утреннее небо,
 у солнца в полдень –
 теплый желтый цвет.

Все остальные
 можно в человеке
 найти цвета
 в их первозданном виде:
 цвет красный –
 цвет любви,
 и жаркой крови,
 измены цвет и ненасытной злобы –
 он испокон веков был мечен
 черным.
 А белый цвет
 имеет наша совесть,
 и чистый холст,
 и белый лист бумаги.
 Здесь все цвета
 и тысячи оттенков
 вдруг оживают,
 если ты художник.

Мое поколение

Нам жизни текущей мгновенья
 удастся замедлить едва ль.
 Уходит мое поколенья
 теперь в безвозвратную даль.

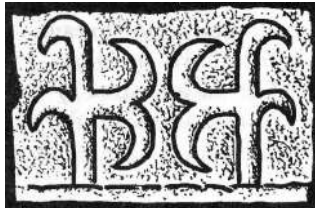
Зачем так поспешно, кто знает?
 Но только опять, что ни год,
 из круга друзей выбывает
 все чаще и этот, и тот.

Ушедшего века питомцы
 и дети Второй мировой,
 сегодня вчерашнее солнце
 не всходит над их головой.

А завтра погаснуть грозитя
 и яркого месяца свет.
 Охоты с отцами возиться
 в потомках желания нет.

Затеряны между веками,
 и ночи попутав, и дни,
 в наш век молодой стариками
 уходят из жизни они.

А я – ни могильщик, ни лекарь,
 срываю забвенья траву...
 Я тоже из прошлого века,
 но в этом еще поживу.

Поэзия

Шерип Джабраилов

Родился 20 октября 1953 года в селе Степное Келлеровского района Кокчетавской области (Республика Казахстан). Спустя некоторое время семья переехала в г. Караганду, где в 1961 году он пошел в школу. Летом 1967 года, по возвращении из депортации в Чечено-Ингушетию, семья поселилась в селении Шаами-Юрт Ачхой-Мартановского района. Здесь Ш. Джабраилов получил среднее образование. Стихи начал писать с 15 лет. С отличием окончил Харьковский индустриально-педагогический техникум №1 в 1980 году. Позднее – исторический факультет Чечено-Ингушского университета им. Л. Н. Толстого. С 1982 по 1993 годы сотрудничал с районной газетой «Знамя ленинизма» («Иман») в качестве внештатного селькора. Написал более 50 статей и очерков. Финалист республиканского конкурса «Учитель года – 2005», обладатель Премии Президента РФ и Почетной грамоты Министерства образования и науки РФ в 2006 году. Один из авторов и редактор учебника «История Чеченской Республики» для учащихся 5 класса, вышедшего в издательстве «Глобус» в 2006 году. Победитель литературно-поэтических конкурсов при Республиканской организации Профсоюза работников образования в 2010-ом и 2013-ом годах. Был номинирован на соискание литературной премии «Наследие» и Национальной литературной премии «Поэт года» в 2016 году.

На письменной охоте

В тиши задумчиво сижу,
Слагая вольно сочиненья.
Люблю часы уединенья,
Когда себе принадлежу.

Ты вновь зовешь меня в полет,
Мое изысканное слово,
К тебе иду упорно снова,
Все потому, что мысль зовет.

Я мыслю – значит, я живу –
Издревле это изречение.
Хочу живого воплощенья,
Чтоб быть сегодня наяву.

И мысли птицами летят.
Мне мнится подловить их взглядом.
Я тут охотник с ними рядом,
Но не хватаю всех подряд.

Ходы, как в шахматной игре...
Не прогадать, не торопиться,
Собраться, думать и добиться
Порядка в мозговой коре.

Нелегко труд. Он напряжен.
Прочсть легко, когда готово
Твое изысканное слово,
В которое ты сам влюблен.

Бумажный зов

Исписаны листы
для мусорной корзины,
И только чистовик сколачивает текст.
Нелегко ход стихов через
конвейер длинный,
Через сомнений путь и
вариантов бегств.

Утренний круг

В сероватом тумане горят фонари,
Пробивается утро, светает.
На востоке алеет полоска зари,
Там, где Солнце свой день принимает.

Принимаю и я его новый приход –
Суетливому кругу начало.
Где-то гавкает пес, будто знак подает,
Что теперь уже утро настало.

Очертанья деревьев: стволов и ветвей,
Оголенных при зимней неволе...
Поднимается утро смелей и светлей,
По часам нас держа на контроле.

В поисках слова

Сколько сказано в поиске слов?
Сколько их невпопад перебито?
Все в скопление текущих стихов,
Где не может быть главное скрыто.

Яркий всплеск увлечет – будь здоров, –
То ли радость, а то ли загадка.
Под контролем на чаше весов
Будет тяжело оно или сладко.

Не сказал все как есть, не готов.
Упустил что-то нужное с виду.
Как с рыбалки не лучший улов
Принимая, к досаде я выйду.

Так в гоненье душевном поэт
Ищет всюду доступное слово,
Чтобы выразить образный след
В отражении мира земного.

Развернется безудержный труд,
Нелегко слову выделить место,
Где другие слова его ждут,
Как друг друга жених и невеста.

Голова – это кузница слов,
Пальцы пишущих рук – мастерская.

Потрудись, чтоб с умом был готов,
Раз уж выпала доля такая.

Полуслову и лени – барьер,
Как же бросить, не сделавши дело?
Будь вершителем принятых мер
С первых строчек своих до предела.

Августовский этюд

Зеленый лист слегка качает
Его животворящий дух.
И август темпы набирает,
Под осень напрягая слух.

Грустинка вкралась в область света,
Пора сворачивать тепло,
Где по ночам к дыханию лета
Нас допоздна бывать несло.

К теплу реки близка прохлада.
Довольно поплескались в ней
Детей свободные армады
В разгар каникулярных дней.

Прилавки ломятся от фруктов,
Течет пшеница в закрома,
И с заготовками продуктов
К зиме готовятся дома.

В садах отзрели абрикосы,
Роняет слива поздний плод,
И к сентябрю теперь запросы
Идут на рынках в оборот.

Шагнет к нам пушкинская осень
За «бабьим летом», в листопад,
Но с летом с грустью мы уносим
За журавлиным клином взгляд.

О навязчивом вслух

Неотступная, отвяжись,
Боль из мыслей моих в терзанье,
Чтоб и дальше продлилась жизнь
На приемлемом основанье.

Будто скручен в бараний рог,
К утешенью взывать нектати...
Я, как тлеющий огонек,
При своем боевом закате.

Не сдается былой запал,
Как и прежде за жизнь цепляясь.
Я не все до конца сказал,
С тем, что сказано соглашаясь.

От судьбы торжества не жду,
Но не прочь, чтобы ждать хотелось.
С сожаленьем на поводу
Провожая достойно зрелость.

Как носитель прошедших лет,
Я еще выполняю роли:
На досуге я – как поэт,
На работе – учитель в школе.

Жизнь уходит, другим места
Заполняя надежд дыханьем.
Мы, минуя годов полста,
С ней вступаем как в расставанье.

Мысли разные. Счет непрост
Всем годам, что добьем мы скоро.
Не спешить бы на финиш верст,
Где нас встретят без разговора.

Главный образ

Мама, ты дежуришь надо мной,
Будто молвить хочешь: – Как ты, сын?
Я живу под Солнцем и Луной,
В этом мире без тебя, один.

Что б сказал я? Жизнь моя проста.
Много в ней добра, поменьше зла.
Только вот поблекла красота
Бытия с тех пор, как ты ушла.

Тот же мир движением богат,
При тебе что созерцаем был.
Так же годы численно спешат,
Торопя нас к таинствам могил.

Ты садилась, нежный кинув взгляд:
– Почему так мало ешь, сынок?
Ты скажи, если чему не рад,
Я ведь запасла продуктов впрок.

– Знаю, вкусный, сытный твой обед,
Не голоден, Мама, я ничуть...
И звучат слова тех встреч, бесед:
– Дай, сынок, мне на тебя взглянуть...

Мама, как я редко говорил,
Что вкуснее твоей пищи нет.
Как я скуп с тобой на слово был,
Не спеша добрее дать ответ.

Стульчик летний твой «осиротел»,
На крыльце забыт он, без тепла.
Ты ушла, а он остался цел...
И по нам «звонят колокола».

Добрый образ, мягких рук тепло...
Я спешил к тебе по мере сил.
Редко езжу я теперь в село,
Да и что я там теперь забыл?

О тебе напоминает двор,
Без тебя щемит молчаньем дом.
И семья не та уже с тех пор,
Как когда-то «под твоим крылом».

Всем нам жизнь под временный приют,
Мы – актеры в жизненном кино.
Ну а Мамой с первых слов зовут
Ту, чей образ помнить нам дано.

Растерзанная мечта

Мы с тобой чужие понемногу,
Но с лихвой роднее всех родных.
Видно, так была угодна Богу
Нестыковка чувств переходных.

Как разноименные заряды,
Что друг к другу тянутся в союз,
Были б мы с тобой сближенью рады,
Крепче увязав слиянье уз.

Но сильней пришлась черта раздела,
Чтобы пониманью не бывать.
Ты подходы эти знала смело,
Я же опоздал их узнавать.

Не соотнесенные начала,
Разные подборы прошлых лет.
Я к тебе с душой, а ты молчала,
Свой ужесточая мне ответ.

Годы пронеслись, пора итожить.
Жизнь теперь, глядишь, как прожита.
Что отнять? Что ко всему умножить
Если в ней растерзана мечта?

И теперь, досадно прикрывая
Все, что жгло, томило с давних пор,
Я иду, на чудо уповая,
В непонятный сердцу приговор.

Берега, берега...

Ты мне образом только досталась,
Долгой болью различных дорог.
Из того, что бывало, лишь малость
Я по жизни для счастья извлек.

Если был я силен своим духом,
Пусть запомнится это в актив,
Вопреки моим слабостям, слухам,
Что терзали, свой ход получив.

Жизнь бежит, сокращается крепко,
Шансы к лучшему ставя в тупик.
За тебя ухватившийся цепко,
Нежным чувством к другим не проник.

И не там, и не здесь. Жизнь – кручина,
Берега, берега... Где причал?
Ты – всему в моей жизни причина,
Ты – всему в моей жизни финал!

Как получалось жить...

Я душу в стих вписал
на обозренье людям
В часы ее любви, тоски... и без прикрас.
И лирике моей простят за словоблудьем
Проваленный уклон,
случавшийся подчас.

Я был себе судьей, к другим
как можно проще,
Спеша открыто жить,
спокойствия не знал.
В моих простых строках
не будет яркой мощи,
Но эту мощь для них я трепетно искал.

Скользнет глазами к ним
читательское время,
Оценит их на «два» или поставит «пять»:
Я буду виноват перед глазами теми
За то, что не добрал,
чтоб лучше написать.

Пытливых дел мечта,
призывные ступени
Заманчиво влекли в лирическую даль,
Но где-то мастерства, а где-то и везений
Не доставало мне, чтобы
«дожать педаль».

А руль бывал в руках,
хоть ехалось непросто.
Промедлить где-то мог,
а где-то поспешить.
Терпеньем не добрал до
творческого роста,
А просто так писал,
как получалось жить!

Мухмет Амиров

Падение Ингилика

Очерк

Пролог

На плоскостной территории Чечни почти нет старинных исторических зданий и сооружений, построенных руками предков чеченцев. Но это не означает, что они ничего не строили – строили, возводили, но потом приходили завоеватели, которые их уничтожали, разрушали, сжигали и сравнивали с землей. Материальные ценности становились их добычей, точно так же, как и мастера и ремесленники, которых уводили в плен. Не является исключением в этом отношении и село Алхазурово. Здесь тоже нет старинных сооружений. Крайне скупо сохранились и рукотворные предметы быта, которые можно было бы отнести к историческому или культурному наследию чеченского народа – одежда, оружие, посуда и т. д. Хотя, по утверждениям ученых, на территории нынешнего Алхазуровского сельского поселения люди обосновались минимум 15 веков назад. «...Алхазуровское поселение. На южной окраине селения, на взгорье, где начинаются лесистые подступы к горам, раскинулось обширное поселение, естественно укрепленное с севера и запада крутыми склонами взгорья, а с востока – глубокой балкой реки Ингилик. В обрывах прослеживается культурный слой до 0,5 м, а также остатки грушевидных ям – хранилищ со стенами из обожженной глины. Подъемный материал дает богатую коллекцию сероглиняной и красноглиняной керамики со всеми орнаментами средневековья. По рассказам местных жителей, на территории поселения в довоенные годы при проведении водопровода были найдены – по-видимому, на месте древнего хранилища – огромные сосуды – «хумы» (10 штук), стоящие цепочкой. Открыто и обследовано В. Б. Виноградовым и Х. Д. Ошаевым в 1963 году. Поселение существовало длительную эпоху, во всяком случае с IX века». (В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. «Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР», Грозный, 1966 г.) На мой же взгляд, поселение было заложено значительно раньше. В пользу данной версии говорит тот факт, что до 1969 г. советскими исследователями были выявлены только три очага древних поселений на территории ЧИАССР: Алхазурово, Курчалой и Сержень-Юрт. Можно утверждать, что в конце I века нашей эры, когда аланы пришли на Кавказ, это поселение вошло в состав Аланского царства, и после этого для соседей и летописцев они стали аланами. Но это было общее название. По свидетельству армянского историка и географа Моисея Хоренского, жившего в V веке н. э., на Кавказе проживало 53 народности... (Журнал «Известия краеведческого музея ЧИАССР», выпуск 10, Грозный, 1961 г.) Также можно подтвердить, что в первой половине XIII века они стали жертвами нашествия монголо-татарских завоевателей. В отличие от аланов, новым пришельцам нужна была не только земля, но и добыча: скот, рабы, материальные ценности.

Следовательно, это поселение тогда не могло не пострадать, поскольку это полчище, словно несметная туча саранчи, уничтожая на своем пути всех, кто оказывал сопротивление, прошла по территории нынешней Чечни. Об этом свидетельствуют следующие исторические данные: Вильгельм де Рубрук, посол римского папы к монгольскому императору (в других источниках это фламандский монах-францисканец, путешественник Гильом де Рубрук), двигаясь по Тереку, отметил, что ордынцы 12 лет ведут осаду «одной горы в земле аланов» и не могут ее взять. В других источниках есть более подробное пояснение: «...с 1222 по 1234 гг. горцы обороняли от монголо-татарских завоевателей Тюлой-Лам, и руководил этой обороной воин по имени Идиг». Тюлой-Лам находится, а точнее возвышается на южной границе Чеченской Республики. До 1944 г. недалеко от Тюлой-Лам располагался аул Тюла в составе Хильдехаройского сельского поселения. Другой источник тоже не сильно отличается от первого: «История обороны горы Дакуох под предводительством Идига совпадает с сообщением францисканского миссионера ПIANO Карпини, посетившего монголов и сообщившего о них следующее: «Когда они начинают осаждать какую-нибудь крепость, то осаждают ее много лет, как это происходит и сегодня с одной горой в земле аланов. Как мы полагаем, они осаждали ее уже двенадцать лет (учитывая то, что труд ПIANO Карпини был опубликован в 1250 году, то речь идет о 1238–1250 годах), причем те оказали мужественное сопротивление и убили много татар, и притом знатных, – приводит данные историк Зелимхан Тесаев. – Нет сомнения в том, что под «аланами» ПIANO Карпини подразумевались и чеченцы» (интернет-ресурс).

Таким образом, у поселения, расположенного у подножия Черных гор, вообще не было никакого шанса избежать встречи с монголо-татарами. Установить, как называлось это поселение тогда и как они называли сами себя, сейчас почти невозможно, за исключением того, что до завоевания этого края в XIII веке их называли аланами. Вместе с остальными племенами все покоренные аланы со своими землями приблизительно в 1250 году были включены в состав Золотой Орды. Через неполные 150 лет, как и вся территория нынешней Чечни, это поселение испытало на себе всю жестокость новых завоевателей – полчищ Тимура Хромого (АстагI Тимар). А произошло это, как известно, в конце XIV века, а точнее – в 1395-1396 гг. В отличие от прежних чужеземцев, кровожадному хромому полководцу нужны были только пленники и добыча. Поэтому это поселение, как и десятки и сотни подобных, на этот раз было стерто с лица земли. Установить, как называлось это поселение тогда, сейчас тоже почти невозможно. Но можно с уверенностью сказать, что в начале XV века, после ухода захватчиков, сюда вернулись люди – те, что уцелели. Свидетельством тому служит тот факт, что в середине XVI века здесь уже стоял крупный аул, который в русских источниках был известен и как городок Ингилик. В 70 годы XX века старожилы из Алхазурово упоминали этот древний населенный пункт как Энгель-Пала, то есть Энгелград.

Особенность местности

Верхний пласт, где стоял этот городок-аул, а еще раньше – древние поселения, сегодня – юго-западная окраина села Алхазурово, расположенного у подножия северных склонов Черных гор. Это возвышенная местность с уклоном с юга на

север. Отсюда, стоя спиной к Черным горам, на большом расстоянии хорошо просматривается огромная территория, раскинутая на северо-запад, на север и на северо-восток: одним словом, открывается обширная панорама – вглубь на десятки километров. Линия горизонта на севере проходит от Ачхой-Мартановского района через Грозный, далее на восток, с охватом Шалинского района. С четырех сторон эта местность и сегодня защищена естественными преградами, слева – это протянутая на сотни метров лощина глубиной 130-140 метров, а справа – на глубине 170-180 метров, с более крутыми склонами – ущелье, по которому течет речка Энгелик (Ингилик). Сзади – склоны гор, покрытые лесом. Без сомнения, исходя из этих географических особенностей, здесь и обосновали предусмотрительные жители ранние поселения, а затем и Энгелик (Ингилик). Хотя справедливости ради можно сказать, что в XVI веке глубина ущелья, возможно, была иная, меньшей на 12-13 метров, чем сегодня. Такой расчет я сделал исходя из того, что русло речки Энгелик, в которой мы купались полвека тому назад, сегодня углубилось на 1-2 метра, то есть оно углубляется в среднем на полтора метра за 50 лет. А за одно столетие – соответственно на 3 метра. В других, особенно в ранних источниках, название этой речки – Ингилик, мы называем ее речкой Энгель. Что означает это наименование – до сих пор неизвестно. В Большой Советской энциклопедии «Энгель» – это мужское имя у немцев. А слово «ингилик» у некоторых африканских арабов означает «неприступный». А слово «индили» – укрепление.

Приведу дословно выписки из архивных публикаций. «...Еще до поездки я старался узнать возможную этимологию названия Ингилик (Энгелик). Лингвисты (К. З. Чокаев, А. Г. Мацев) сошлись во мнении: Ингилик (Энгелик) – несколько измененное в веках вайнахское словосочетание «ан-галакх» – «плоскость видящий». Нельзя придумать более подходящего названия для аула, располагавшегося здесь. В документах XVI-XVII вв. селение именуется Индили (Бндели). Что не удивительно – московские служивые люди, русское казачество не знало тонкостей местных языков, записывая и запоминая названия на слух. И историки нисколько не удивляются, когда встречаются в источниках весьма незначительное искажение чеченского Ан-Галакх на Ингилик (Энгелик). С запада и севера ингиликский холм ограничен крутыми склонами, с востока в глубокой, прохладной балке журчит речушка. На юге холм уходит в ущелье, через которое шла дорога к Аргуну и Шибутскую землю... Ущелье совсем рядом. В него можно скрыться в случае нападения превосходящих сил врага. Удобное место для жизни. Особенно для жизни». (В. Б. Виноградов, В. И. Марковин, «Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР», Грозный, 1966 г.)

«На южной окраине селения Алхазурово, у выхода из ущелья речки Ингилик, исследовалось большое средневековое поселение. В XIX веке на этом месте находился чеченский аул Ингилик (Энгелик), отождествляющийся, по-видимому, с «городом Индили», несколько раз упомянутым в русских документах XVI-XVII вв. С поселением связано много легенд».

«...Много легенд, преданий связано с аулом Ингилик и его историей. И все-таки фольклорных данных оказалось мало, чтобы разгадать вековую тайну, хотя они и приблизили ученых к этому. Нужны были новые материалы. В ноябре

1963 г. я вместе с Х. Д. Ошаевым приехал в Алхазурово, туда, где некогда стоял аул Ингилик, покинутый жителями в прошлом веке под натиском царских войск. Ландшафт здесь своеобразный, редкий в предгорьях Северного Кавказа. Из горного ущелья двухкилометровым языком вытянулся на равнину высокий холм... Среди обильного подъемного материала преобладают фрагменты поздних сосудов (звонких красноглиняных кувшинов, макитр и пр.). Однако довольно значительна и группа раннесредневековой керамики (обломки черных и серых горшков с насечкой по венчику, стенки сероглиняных кувшинов с линейным орнаментом, ручки в виде совершенно стилизованных фигурок животных, обломок венчика большого хума, обломок сероглиняной ручки, фрагмент стенки гончарного сосуда, венчик красноглиняного гончарного горшка и т. д. Датировка данной аланоидной керамики представляется в пределах VII-XII веков н. э...» (В другом источнике: «...в пределах конца эпохи раннего – начала позднего средневековья (X – XV-XVI вв)). «...Для выяснения мощности культурного слоя и стратиграфии поселения был заложен шурф (3×3 м), ориентированный по странам света. Шурф был заложен вблизи того места, где, по рассказам старожилов, до войны при прокладке водопровода были обнаружены 11 хумов, зарытых в ряд. Он показал, что культурный слой памятника невелик (0,75 м). Находки: 19 фрагментов поздней красноглиняной керамики (обломки хумов – макитр), в 35-м штыке: 2 мелких фрагмента сероглиняной керамики. Находки последнего штыка (0,58-0,75 м): сероглиняные фрагменты кувшинов, мисок, круглое плоское пряслице из гальки, стеклянные бусины черного цвета с бело-голубыми глазками. Они относятся к позднеаланскому времени. Выше в культурном слое – массовые материалы позднего средневековья (много керамики, пряслице из стенки красноглиняного сосуда, железный ножичек, кинжал и т. д). Таким образом, оказывается, что культурный слой на поселении достигает 0,75 м. Находки четвертого штыка датируются поздне-аланским временем, тогда как находки 3 и 2 штыков иллюстрируют последующие этапы истории памятника, возможно вплоть до XIX в. (следы пожарищ, кинжал и пр.), когда аул Ингилик стал жертвой колониальной политики царизма. Сравнительно небольшая мощность культурного слоя может объясняться тем, что поселение часто покидалось жителями в случае опасности, а может быть было вообще заселено не слишком густо. Поселение у села Алхазурово достойно стать предметом серьезного изучения, ибо это один из немногих пока бытовых памятников Чечено-Ингушетии, демонстрирующий непрерывную заселенность по крайней мере с X в. до XIX в. Обнаруженные археологические материалы в сопоставлении с историческими, лингвистическими и фольклорными данными могут в какой-то мере помочь решению важного исторического вопроса о времени и условиях переселения вайнахов с гор на плоскость». (М. М. Мурдалов. «Чечня археологическая, или Случайная находка Кавказской Нефертити». Полевые исследования XIX-XX вв., стр. 691-693).

К большому сожалению, пока не удалось установить названия древнего поселения, или поселений, которые там находились, но твердо можно сказать, что поселение, наоборот, было густо заселено. Еще до официальных раскопок (1963 г.) вся территория, на которой в прошлом располагался этот древний аул-городок, использовалась сначала колхозом, потом и

жителями для выращивания сельскохозяйственных культур. Все обломки и целые сосуды, которые переворачивал тракторный плуг при бороновании, собирали и выкидывали в овраг или балку. Не лучшим образом поступали и новые жители, которые обосновались здесь с 1957 года. Например, один из них, осматривая купленное у Мусаева Мовлди домовладение, оказавшись на огороде, провалился в огромный сосуд. Артефакт выкопали и пустили с горки... «Очищение» почвы от этого «хлама» продолжается и по сей день.

На южной окраине селения Алхазурово, у выхода из ущелья, на левом берегу речушки Ингилик (приток Гойты) в 1963 году было впервые Х. Д. Ошаевым зафиксировано большое средневековое поселение. Оно занимало высокий холм, вытянувшийся двухкилометровым языком из ущелья на плоскость. В XIV веке на этом месте находился чеченский аул Ингилик (Энгелик), по-видимому, отождествляющийся с «городом Индили», несколько раз упомянутым в русских документах XVI-XVII вв. С поселением связано много легенд. Уже первое кратковременное посещение памятника и сбор подъемного материала на нем дали право утверждать почтенную древность данного поселения (среди находок значительный процент составила керамика серого цвета раннесредневекового облика). Стало ясно немалое значение объекта для воссоздания местной истории и, в частности, решения важного вопроса выхода вайнахских племен с гор на плоскость. Все это и побудило произвести здесь разведочные работы. Прежде всего были сделаны схематические план и профиль территории памятника. Начинаясь у самого выхода из ущелья, холм, постепенно расширяясь, вытянут к северо-западу почти на 2 км. С востока он ограничен глубокой обрывистой балкой речки Ингилик. С севера, постепенно понижаясь, переходит в равнину. Восточный край – крутая балка высохшего ручья. К югу холм суживается до узкого перешейка (ширина 30-40 м). Холм господствует над местностью и представляет великолепный выбор во многие десятки километров (вплоть до Терско-Суженского хребта). По ущелью, лежащему за холмом, вплоть до XIX века проходила важная дорога, связывавшая плоскость с Шатоевской котловиной. На всей площади памятника наблюдается значительное количество керамики. Преобладают фрагменты позднейших сосудов (звонких красноглиняных кувшинов, макитр и пр.)

После изучения всех публикаций об этом историческом городке на протяжении более двадцати лет мне удалось установить, что Ингилик и Индили – это не одно и то же. Индили – это название земли, большого вольного общества. Ингилик – по состоянию на конец второй половины XVI века один из главных населенных пунктов общества Индили. Это подтверждается и следующими архивными источниками: «...Лета 7095-го июля в 20 день по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича все Руси наказу Родивон Биркин да Петр Пивов пошли с Суншина городища в Грузинскую землю на Черкасы на Алкаса князя мимо горские землицы – Ококи, Кумуки, Мичкизы, Индили, Шибуты. А пришли под Алкасов кабак июля в 27 день...» (1587 г. июля 20-27. «Из статейного списка русских послов в Кахетию Родиона Биркина и Петра Пивова об их пути от Суншинского городища до кабака кабардинского князя Алкаса»). Уточню, что южный сосед Индили – Шибуты – это тогда (и сегодня) Шатойское общество.

Согласно этим данным, из пяти известных горских землиц на тот период четвертым идет Индили.

Схематическое изображение городка

Узнать, сколько дворов насчитывал Ингилик в свой последний час, не представляется возможным, но можно смело утверждать, что он был, по тогдашним меркам, большим населенным пунктом, который рос и развивался ровно двести лет. Также можно сделать заключение, что жилые постройки имели конфигурацию, как и у городищ раннего средневековья чеченских обществ, в основном четырехугольные. При их строительстве был использован смешанный материал: дерево, глина и камень. Это подтверждается тем, что на месте разрушенного и сожженного позже Ингилика археологи и исследователи находили фрагменты из обожженной глины и камней разных величин. Здесь было развито скотоводство, земледелие, гончарное производство (следы гончарных печей и большое количество керамики), металлообработка, ткацкое производство, кожевенное дело и т. д. Погребальные памятники – катакомбы и грунтовые могилы. Кроме того, мне удалось определить приблизительную площадь Ингилика. Сделать это было не так уж и сложно. Вся территорию местности, на поверхности которой встречались фрагменты глиняных сосудов, включая огороды местных жителей, я включил в состав городка. И получилась площадь формы тупой пирамиды, шириной в среднем 750-600 м., длиной 2500-2600 м. общей площадью 187 500 кв. м. Дворов – не менее 700. Жителей – более 4000 человек. Исходя из того, что после Тимура Хромого здесь долго не появлялся очередной завоеватель, можно предположить, что Ингилик рос и развивался ровно двести лет. Площадь самого Индили можно обозначить только условно. Это территория, лежащая приблизительно между сегодняшними населенными пунктами, образующими квадрат: Дуба-Юрт – Танги-Чу – Урус-Мартан – Старые Атаги.

Падение

По трагическому совпадению, он был разрушен летом 1595 года – ровно через двести лет после предыдущей трагедии, нашествия войск Хромого Тимура в конце XIV века, а точнее – 1395 года. По архивным источникам, 20 июля 1595 года этот предгорный городок-аул и вся индийская земля стали жертвами нападения войск астраханских воевод и князя Ших-Мурзы Окоцкого. Не исключено, что в данном походе участвовали и войска терского воеводы, которые находились в зависимости от астраханского воеводы. Главную роль в данной трагедии сыграл князь Ших-Мурза Окоцкий – чеченец по национальности. Он принадлежал к племени Ококи (так их называли в русских источниках) из общества акки (аккинцы).

В 1567 г. на левом берегу Терека, против впадения в него горной реки Сунжа (район нынешней ст. Щелковской), по приказу астраханского воеводы Лукьяна Новосельцева была построена крепость Терская (городок Терки), которую снесли в 1581 г. В 1588 г. построили новую, ближе к Каспийскому морю. Название сохранили прежнее.

Вскоре, из-за притеснений со стороны кумыкского феодала Ахмат-хана, 160 аккинцев с женами и детьми переселились с реки Яман-Су в устье реки Терека, и, напротив недавно возведенного русского городка Терки, обосновали окоцкую слободу. Воевода русского городка Терки назвал своих новых знакомых

ококами. Здесь они получили статус служилых людей. Ходили в военные походы с русскими воеводами, исполняли всевозможные поручения воевод, особенно такие, как связь с чеченскими обществами. Можно сказать, что они были одними из первых чеченских переселенцев из гор на равнину после ухода войск Хромого Тимура. Косвенным свидетельством того, что городок (или аул) Ингилик действительно был сильным населенным пунктом, служит тот факт, что расправиться с ним князь Ших-Мурза Окоцкий решился только с помощью царских войск. На тот момент он был самым влиятельным союзником Руси на Северном Кавказе. Его влияние распространялось не только на равнинные земли, но и части северного Дагестана, на Аух. Сам он мог выставить немалые по тем временам силы: 100 конников и 1000 пеших воинов, половина из которых – казаки, другая половина – чеченцы. Причины могли быть следующие: исходя из того, что в этом походе наряду с Ингиликом были уничтожены еще семь городков, предположительно находившиеся на индийской земле, можно с уверенностью предположить, что Ингилик был разрушен не из-за провинности его жителей перед Ших-Мурзой, как до сих пор считали некоторые ученые, а из желания этого князя выслужиться перед русским царем, так как в то время территория чеченцев, как и соседних народов, находилась в сфере интересов четырех более могущественных соседей: Турции, Персии, России и Крыма. Ших-Мурза Окоцкий, бесспорно, ориентировался на самодержавную Русь. Основанием для такого утверждения служат следующие факты. Ших-Мурза Окоцкий был сыном Ушаром-Мурзы, «владельца» аккинцев. В 1577 году этот князь пытался наладить отношения с русским царем Иваном Грозным. А 11 лет спустя, в 1588 году, Ших-Мурза Окоцкий наладил отношения с русским царем Федором Ивановичем на предмет принятия аккинцев в его подданство. Для этого в ноябре месяца в Москву прибыло первое чеченское посольство во главе с Батаем Шихмурзиным, которое в начале 1589 г. привезло от царя специальную жалованную грамоту на имя Ших-Мурзы Окоцкого, в которой он обещал «... Нам твоя прямая служба ведома, и мы за твою службу жаловати хотим своим великим жалованием и держати тебя и твое владение под своею царскою рукою и в обороне тебя держати хотим от всяких недругов. И воеводам нашим Астраханским и Терским и о том приказ наш царский крепок». В ответ Ших-Мурза Окоцкий обещал царю, что будет ему верен, как и отец. В 1589 г. за свою службу Ших-Мурза в подарок получил от царя «шубу бархат с золотом на соболе, кафтан-камчат, шапка черна, панцыр-пищаль».

После получения покровительства русского царя Ших-Мурза Окоцкий, как верный подданный, стал совершать совместно с русскими дружинами набеги на те чеченские земли и городки, которые ориентировались не на Москву и не признавали его влияние. «... В XVI веке Ших-Мурза Окоцкий принял твердую прорусскую ориентацию и вместе с другими северокавказскими союзниками содействовал укреплению русских позиций в крае». По некоторым сведениям, он был мусульманином. Его внук присягнул русскому царю на Коране. Ради нескольких целей: для их «присоединения» к российскому государству, расширения зоны своего влияния, ослабления здесь сторонников (союзников) стран, не дружественных Московской Руси. Получая при этом отпор с их стороны. Об этом свидетельствует эта переписка. «... Государю царю и великому князю Федору Ивановичю всея Русии холоп твой Фетко Лобанов Ростовской с товарищи, Исачко Чюрин челом бьют.

В нынешнем 94-ом году августа в 7 день писали к нам с Терка атаманья и казаки: преж сего служили они тебе, государю, на Терке и промышляли всяким твоим государевым делом заодин с Шихом мирзою с Окуцким, и вести всякие и языки к тебе, государю, присылали. И приехал де государь, на Терек к атаманье и к казакам Ших мирза, и сказал, что ему от шевкальского и от горских людей теснота великая, что он, живучи в горах, служит тебе, государю, и промышляет всяким твоим государевым делом. И шевкал князь и горские люди переседают ево по дорогам, а хотят ево убить, и Ших де мирза хочет ехати к тебе, государю.

И посылал государь, к нам в Асторохань, Ших мирза своих людей двух человек, Урака да Бязия, с тем, что ему в Окуках от шевкальского и от горских людей прожити немочно и он хочет ехати на твое государево имя в Асторохань...»

Документы Русского государства, в частности Посольского приказа, сообщают о деятельности Ших-Мурзы, как о «промышлении всяким государевым делом», совместно с терскими атаманами и казаками. Также сообщается, что без всякой официальной поддержки со стороны Москвы, отряд из Терке, численность которого составляла более 1500 человек, под покровительство взял чеченский правитель Ших Окоцкий.

«Великому князю Ших-мирза челом бьет. Холоп есми твой; для тебя яз в Железных Воротех (горный проход Хан-Кала назывался Железными Воротами – М. А.) много нужи терпел есми и саблю есми за тебя доводил. То ли наша вина: 500 человек было казаков, и яз, Ших-мурза в головах, тебе служачи, Индили словет город, и с тем 7 городов (укрепленные горные поселения общества Индили – М. А.) взяли есмя. А посылал есми к тебе племянника своего Ботая, а слуг с ним Керменем зовут да Ураком зовут да Алеем зовут да Микинем зовут. Да есть городок, а от нас до него с полднища, и к нам оне не приложатца, и ты б с послом моим вместе прислал рать свою» (интернет-ресурс).

Ших-Мирза Окоцкий не зря волновался после похода на Индили и разорения семи городков, включая Ингилик: он не долго праздновал победу. В 1596 году, то есть на следующий год, он погиб от руки кумыкского князя Ахмат-хана «за то, что Ших-Мурза служил памяти прежним московским государям». Ахматхан, как и его брат Салтан Магмут, ориентировался на Турцию и Крым. Подробности штурма, сражения и падения Ингилика пока отсутствуют. Есть художественное повествование на эту тему. Приведу свой краткий пересказ чеченского:

«Объединенные войска сосредоточились на южных склонах гор ханкальских (Железных Ворот). Отсюда как на ладони было видно княжеское общество Индили. По утверждению автора книги, там находились представители войск турецкого султана, князь Ахмат-хан. Ших-Мурза спрятал войска из чеченцев и казаков в дремучих вековых деревьях. Воевода первых – Егор, вторых – Батай, племянник Шиха. По плану, Батай идет на штурм, казаки остаются здесь. В разгар боя Батай отступает в обратном направлении до того места, где укрылись войска воевод. Через некоторое время с барабанным боем, с криками, из леса выходит кавалерия из чеченцев с Батаем впереди. Ших-Мурза в подзорную трубу наблюдает за картиной со своего места. В сражении использовались сабли, копыя, луки. В разгар боя Батай начинает отступление, их яростно преследуют защитники Ингилика. Когда отступающие подошли к

склонам гор, из леса с двух сторон на них обрушились войска. С одной стороны – отряд под руководством Шиха, с другой – казаки Егора. Здесь разгорается главное сражение. Не выдержав натиска свежих сил, защитники Ингилика начинают отступление. Скоро объединенные силы захватывают Ингилик».

На самом деле, вместе с войсками Ших-Мурзы Окоцкого здесь могли присутствовать еще три полководца: три воеводы – два астраханских и один терский. Если Ших-Мурза, имея одну тысячу пеших и сто конных воинов, не решился на поход против Индили, то Ингилик и другие городки Индили могли выставить не менее двух тысяч воинов. Следовательно, Ших-Мурзе вместе со своим союзниками предстояло создать минимум двух-трехкратное превосходство над индийцами (назовем их так). Можно предположить, что основное сражение произошло на северо-восточной окраине Ингилика. Это сегодняшнее восточное кладбище Алхазурово. Здесь, при рытье могил, постоянно находят неравномерно лежащие человеческие кости. При них отсутствуют остатки предметов быта и оружия.

Можно предположить, что в неравной схватке, защищая свои семьи, жилища, имущество, землю и, что немаловажно, честь, погибла большая часть жителей Ингилика, в том числе и почти все взрослое мужское население. Нет сомнения, что уцелевшие жители Ингилика были уведены как пленники. А скот угнан и имущество тоже досталось победителям. Это подтверждается тем, что здесь, внутри квадрата, где стоял Ингилик, почти не находят костей животных. По словам старейшего жителя Алхазурово Ахмадова Дадаша – шестого потомка Дубы, в одной газетной вырезке, которую он читал в годы Советской власти о судьбе городка Энгелик, говорилось, что, кроме одной женщины с ребенком, никто из жителей городка в этой войне не спасся. И она, якобы, сказала сыну: «Запомни, сынок, в этой войне в живых остались только мы вдвоем». О том, что во время сражения Ингилик был полностью сожжен, свидетельствует тот факт, что на всем пространстве, где находят осколки глиняных посуды, имеются следы пожаров. Разницу между следами костров жителей и пожарищ я нашел в том, что на месте костров, используемых для приготовления пищи и обогрева, хорошо сохранились угли, а на месте пожарищ – сплавы из угля и керамики, со следами воздействия дыма и высокой температуры. То ли во время штурма, то ли после захвата почти вся посуда была разбита. Свидетельством тому служит факт, что с 1957-го по июль 2017 годы здесь нашли всего несколько целых глиняных сосуда, хотя осколки разной посуды разных величин встречаются в огромном количестве даже на поверхности земли. Не исключено и то, что сохранившаяся посуда стала добычей победителя. Исходя из того, что за 100 лет, по мнению ученых, на поверхности земли образуется гумусный слой толщиной в 2 см, можно предположить, что на том месте, где стоял Ингилик, предметы с поверхности земли за 420 лет ушли под землю на глубину более 10 см. Именно на такой глубине местные жители чаще всего и сегодня находят фрагменты глиняной посуды. Были здесь проведены и официальные раскопки. В 1957 г. моих родителей – уроженцев села Хильдехарой Итум-Калинского района, возвратившихся из ссылки, не пустили в родное село, и они обосновались на юго-западной окраине с. Алхазурово. Это была небольшая безлюдная поляна, покрытая редкими грушами-великанами. Мне было шесть-семь лет, когда напротив нашего дома, через дорогу, какие-то незнакомые люди стали раскапывать землю. Смутно помню предметы, которые эти

люди находили под землей – расколотый на части большой кувшин, женские украшения, изделия из металла и т. д. Вырыли они несколько ям глубиной почти полтора метра. На это указывало то, что копатели «уходили» под землю так, что со стороны были видны только их головы. Видимо, эти исследования легли в основу труда В. Б. Виноградова и В. И. Марковина «Археологические памятники ЧИАССР».

В труде В.Б. Виноградова «Тайны минувших времен», опубликованном в журнале «Наука» в 1966 г., говорится следующее: «...Ших-Мурза Окоцкий за какую-то провинность разорил город – «Индили, и с тем семь городов взял». Нет сомнений, что такие нападения не раз пережил и аул Ингилик. Одно из записанных здесь устных преданий рассказывает, что после набега врага, когда все мужское население Ингилика было перебито или пленено, мать, простирая в рыданиях руки вслед своему малолетнему сыну, угоняемому в неволю, без конца восклицала: «Помни, ты из Ингилика! Помни, ты из Ингилика!» Мать свято верила, что сын вырастет, возмужает и, отомстив врагам, вернется на родину. А для этого ему надо помнить, что родом он из Ингилика, что в нем был его дом, и здесь похоронены его предки.

После 1595 года в русских источниках больше не упоминается горская земля Индили. Несомненно, это было самое крупное и сильное чеченское общество. Иначе против него не собрали бы такие внушительные силы. И только после падения Индили сюда отважились приходить дружины соседних княжеств.

Стационарное изучение этого памятника весьма желательно, т.к. добытые тут археологические материалы, в сопоставлении с историческими, лингвистическими и фольклорными данными, могут помочь решению важного исторического вопроса переселения вейнахов с гор на плоскость.

На разных глубинах здесь и сегодня встречаются следы жизни людей ранней эпохи – фрагменты глиняных кувшинов и сосудов разных размеров, окраски, кости и т. д. Кроме того, перестал быть загадкой и такой вопрос: как и где жители Ингилика хоронили умерших соплеменников? Оказывается, на западных и восточных склонах, за пределами городка, но в непосредственной близости от окраины, они выкапывали горизонтальные могильники, похожие на норы, глубиной чуть более роста умершего, диаметром достаточного для свободного вмещения. Притом в могильники клали от одного до нескольких человек. Затем проем муровали. Если, по утверждению ученых, подземные и полуподземные склепы (захоронения) у чеченцев практиковались в IX-XIV веках, а надземные – в XIV-XV веках, то можно предположить, что могильники на месте аула Ингилика появились до XV века. А в 2003 году, весной, со слов очевидцев – местных жителей Атаева Магомеда, Чапанова Ибрагима и других, военные, которые принялись окапываться на пастбище, всего в нескольких десятках метров через дорогу от домовладений жителей с помощью армейского экскаватора, на глубине 1,5-3 метров наткнулись на древнее захоронение. В могильнике лежали воин в доспехах, с мечом, ростом более двух метров, и женщина в украшениях. Военными был вызван вертолет. При дальнейших раскопках они нашли горсть старинных монет, металлические предметы, конское снаряжение и т. д. Кроме некоторых женских предметов из нержавеющей стали – двух сережек, одного браслета, одного кулона, бус из какого-то стекла с зеленоватым оттенком и одной монеты царской чеканки, все

остальное, включая женский пояс, военные оставили себе. А со слов жителя села Алхазурово Жамалдинова Адама, найденные человеческие кости имели большие размеры, чем и заинтересовали военных. Например, кость голени имела длину почти метр. Этот факт лишний раз доказывает, что здесь ранее действительно обитали люди, притом высокорослые. Как утверждает Адам, военные сначала осторожно очистили кости, потом также трепетно упаковали и куда-то отправили. Другой свидетель, лесник Шалаев Ризван, рассказал, что группа военных внимательно наблюдала, как один из военных на глубине 2-2,5 метра работал саперной лопатой. Время от времени он сам себе повторял: «Вот сейчас найду золото!» Из того, что они уже нашли, ему дали женские бусы, какие-то предметы и детские зубчики, которые хорошо сохранились. Видимо, военные их отсортировали, как не имеющие ценность. Когда Ризван прибыл домой, то, по его словам, эти находки он передал своему родственнику с условием, что он их похоронит на западном кладбище. До сегодняшнего дня хорошо сохранились провалившие ямки на месте бывших могил. Исходя из того, что возрожденный из пепла в 1395-96 гг. Ингилик просуществовал без малого двести лет, до 1595 г., и за последние полвека здесь нашли меньше десяти захоронений, можно сделать вывод, что почти все могильники жителей Ингилика были разграблены после Кавказской войны.

По словам моего старшего брата Ахмета, 1951 г.р., в начале 1960-х годов к нам, на южную окраину с. Алхазурово, приехали археологи. «Они разбили три палатки на опушке леса, левее дороги, пролегающей между боковыми склонами Черных гор, ведущую через Кухстан-Ирзе в горные районы ЧИАССР. Они не были чеченцами. В тот же день несколько человек направились в сторону села и остановились на пастбище, напротив нашего дома, возле старой груши, на расстоянии 200-240 м. от своих палаток. Потом принялись дружно копать. Мы из любопытства наблюдали за их работой. А когда они ушли, предположительно на обед, я остался у выкопанной ямы, и как они, стал ковыряться в рыхлой земле», – рассказывал Ахмет.

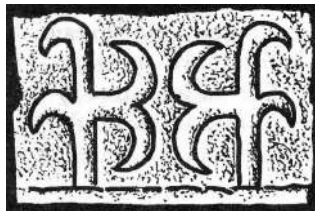
По сей день в своих огородах, на разных глубинах, хотя с каждым годом все меньше, жители южной окраины Алхазурово находят сплавы от пожаров, прогнившие кости, фрагменты глиняной посуды и т. д. Иногда находили и целые сосуды. Кроме того, я слышал, что еще раньше, до нашего выселения, на этом месте при рытье траншеи для водопроводной линии рабочие нашли большие сосуды. А в конце 60-х годов XX века житель с. Алхазурово, Бикаев Мовсар, нашел на своем огороде сосуд величиной, приблизительно, 110-130 см. высотой.

В начале 70-х годов здесь работали археологи и находили разные предметы старины. А 23 мая 2015 года, приглашенные мной археологи из Академии наук ЧР побывали и осмотрели место, где стоял городок Ингилик. Из множеств найденных здесь фрагментов глиняной посуды они отобрали часть для определения их возраста. 28 мая Салман – так звали одного из этих специалистов, сообщил по телефону, что фрагменты посуды относятся к XV-XVI векам. В начале сентября 2017 г. житель с. Алхазурово Амаев Иса, проживающий по ул. Речная (южная окраина), проводил на территории своего домовладения земляные работы с привлечением экскаватора. Во время работ, на глубине 2-2,5 м. было найдено древнее захоронение. В могильнике останки, предположительно мужчины и женщины. К большому сожалению,

без исследования кости по рекомендации имама мечети Алхазурово Хазаева Абдул-Керима были собраны и помещены в чистый мешок, после чего перезахоронены в другом месте. По словам жены Амаева Исы, объем костей составлял полмешка. Хорошо сохранилась нижняя часть одной челюсти – по-видимому женщины, у которой зубы сохранились полностью. В рассыпавшемся могильнике были обнаружены женские предметы – разноцветные стеклянные камушки от бус, один кулон с ушкой в форме полумесяца, один браслет, разьединенный. Примечательно то, что этот могильник располагался в 30-40 м. (через речку Энгель) от северо-восточного склона местности, на котором располагался древний аул Энгелик (Ингилик). В 2003 г. военные, проводившие инженерные сооружения на северо-западном склоне местности, на котором располагался древний аул Энгелик (Ингилик), на глубине 2-2,5 м тоже нашли аналогичный могильник. Притом, располагались они на одной прямой.

Использованная литература:

1. А.С. Сулейманов, «Топонимия Чечни».
2. В.Б. Виноградов, В. И. Марковин, «Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР».
3. Ш.А. Гапуров, Х.С. Умхаев, «Беноей в истории и культуре чеченского народа».
4. «Известия ЧИАССР – краеведческого музея», выпуск 10.
5. М.Х. Багаев. «Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии», Москва, 1970 г.
6. Ш. Арсанукаев, «Ушармин Ших» («Ших, сын Ушурмы»), Грозный, 1982 г., стр. 126.
7. Карта Чечено-Ингушская АССР (физическая учебная карта). Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР, г. Москва 1969 г.
8. М.М. Мурдалов. «Чечня археологическая, или Случайная находка Кавказской Нефертити. (Полевые исследования XIX-XX веков)».

Зулай Сайдумова

Благодарная память

(воспоминание)

*Светлой памяти моих родителей
и братскому казахскому народу
посвящаю.*

Чем старше становится человек, тем чаще возвращает память его в детство, в тот островок человеческой души, которым он подпитывается на протяжении всей его жизни. А когда из жизни уходят те, кто тебя бережно растил на этом острове счастья, возникает непреодолимое желание рассказать о них и о том, через какие испытания им пришлось пройти, словом гордиться их силой духа через года.

Мне могут сказать, кого можно удивить гордостью за родителей?! Гордость гордостью, я же хочу рассказать о трагедии, связанной с выселением чеченского народа в Среднюю Азию в 1944 г., через историю своих родителей.

Когда я вспоминаю свое детство, чаще всего в моей памяти всплывает такая картина. Я вижу маму, сидящую на паднаре (деревянная тахта), с очень старой гармошкой в руках, под тихие звуки которой в тоске она переживает свою боль по утраченной родине, боль разлуки с родной матерью и сестрами.

Отец мамы умер в ее раннем детстве. Преступный указ Сталина в те годы разлучил семьи близких родственников на долгие годы, а многих – и навсегда. Четко в моей детской памяти запечатлелись слезы мамы, которые катились по ее щекам в такие минуты.

Боль разлуки с родными, голод, холод, щемящая тоска по родине буквально косила спецпереселенцев в первый год выселения. Люди умирали целыми семьями по «дороге смерти» (так вайнахи прозвали дорогу, которую они проделали тринадцать суток, в холодных «товарняках» до Средней Азии).

Больше всего на этой «дороге смерти» умерло стариков и детей, которых на коротких остановках охранники эшелонов выносили и оставляли лежать на обочине дороги в снегу, а эшелоны с будущими потенциальными жертвами продолжали свой скорбный путь. В их числе была и моя мама с двумя малолетними моими братиками, к тому же мама ничего не знала о судьбе нашего отца, который накануне поехал проведать больного родственника в с. Ушкалой. И только в апреле 1944 г. отец воссоединился с семьей, но в живых застал только маму и старшего сына.

У моего отца была инвалидность руки, и по этой причине его не взяли на фронт. А вот младший брат папы в это самое время сражался на фронте, а его родных и близких со всем чеченским народом изгнали с их исторической родины, обрекая на верную гибель.

После тринадцатидневной страшной «дороги смерти» эшелон товарняков, в котором находилась и моя мама с двумя ее мальчиками, остановился на станции Чиили Кзыл-Ординской области бывшей Казахской ССР.

Мама с содроганием рассказывала об этом отрезке той трагедии. Едва держась на ногах от слабости, мама с трудом вышла из этого жуткого вагона товарняка, держа младшего сына на руках, а второго – за руку.

Дети просто скулили, потому что сил громко плакать у них уже не было. Тем временем люди-призраки эшелона заполнили эту станцию.

Дул холодный порывистый ветер, который очень больно бил в лицо колючим снегом. Мама всегда повторяла, что это был очень колючий снег.

Поднялась жуткая метель. Людей погнали к длинному, как было видно, наспех построенному, деревянному барaku. С большим трудом, проваливаясь в глубокий снег, мама с двумя малышами дошла до этого барака и забилась в нем в самый дальний угол.

В бараке стоял шум: кто-то громко рыдал, кто-то в голос читал молитву, кто-то просил помощи, чтобы подняться с колен на ноги. Раздавались призывы к терпению и смирению, прося помощи Аллаха.

Люди немного приутихли, когда в проеме барака появились два милиционера и несколько местных женщин и мужчин, среди которых выделялась старая женщина-казашка. Один из милиционеров стал что-то говорить, но маме не были слышны его слова.

Тем временем женщина стала обводить взглядом несчастных людей. Вдруг она что-то стала говорить одному из милиционеров, и тот рукой стал подзывать к себе маму.

Когда мама вспоминала этот эпизод, она делала глубокий вдох и несколько минут сидела с закрытыми глазами и молчала. Затем, громко выдохнув, продолжала: «Я сильно испугалась и, крепко прижимая к себе младшего сына и ведя за руку старшего, пробралась, наконец, к милиционеру».

Когда мама со своими малышами поравнялась с ними, все тот же милиционер, указывая на женщину-казашку, сказал маме следовать за ней. В тот же миг казашка поманила к себе сидящего у мамы на руках малыша. На удивление мамы, маленький Чолха (так ласкательно звали моего братика, настоящее имя его было Умар-Хъажа) пошел к ней на руки. Затем милиционер сказал маме, что Апа забирает ее с малышами к себе.

«Так по воле Аллаха эта добрая казашка спасла меня и моих детей от холода и голода», – часто повторяла моя мама, вспоминая о годах высылки.

Первое, что сделала мама, переступив порог комнаты тети Апы, – рыдая, стала громко читать молитву, воздавая хвалу Аллаху, который в лице этой доброй женщины послал ей и ее двум детям спасение. Тетя Апа приблизилась вплотную к маме и тоже стала произносить эту же молитву. Как по команде обе женщины обнялись и громко произносили то, что дорого и понятно каждому мусульманину.

Затем тетя Апа вышла в сени и вскоре вернулась в комнату с большой теплой лепешкой и пиалой с молоком. Комната сразу наполнилась таким вкусным запахом печеного хлеба, который мама помнила всю свою жизнь. Она повторяла, что ничего вкуснее она не припоминает в своей жизни.

Мама плохо говорила на русском языке, а тетя Апа и вовсе не знала русского языка. Но их накрепко объединил язык веры и добра – мусульманская религия.

Тетя Апа оказалась удивительно доброй и заботливой женщиной. Она смотрела за мамиными малышами как за родными, с большой любовью заботясь о них.

Спустя многие годы, уже на своей исторической родине, моя мама напевала своим уже внукам колыбельные напевы тети Апы и всегда повторяла: «До чего задушевно казахские народные напевы».

Тетя Апа обивала пороги комиссии по размещению спецпереселенцев, и в апреле, благодаря ее усилиям, мой папа воссоединился с семьей. А спустя какое-то время тетя Апа помогла папе устроиться в лесхоз Кзыл-Ординской области ст. Чиили.

Все это время мама не могла установить местонахождение своей матери и сестер. Тогда подобные трагедии переживала каждая вторая семья спецпереселенцев.

У спецпереселенцев (так называли всех депортированных) сложилась традиция в воскресенье выходить на местные базары, которые были единственным источником информации в поисках разлученных родственников.

Мама тоже стала посещать базары, пытаясь узнать хоть что-то о своих родных и близких. В один из дней мама подошла к толпе, в центре которой стоял мужчина и отвечал на вопросы собравшихся. Вдруг мама услышала четко произнесенное им имя Селимат. Что он говорил дальше было плохо слышно. Расталкивая людей, буквально протиснулась к нему. И уже навзрыд произнесла: «Вы только что произнесли имя Селимат, так звали мою маму». Мужчина остановился на полуслове и, сделав паузу, тихо сказал: «Как ты похожа на свою маму», – и едва заметная слеза блеснула в его глазах. В этот день моя мама узнала подробности кончины своей матери. Говорят же, беда не приходит одна... В тот день заболел младший из моих братиков, которого не удалось спасти, Чолхи не стало.

И в этот тяжелый период для моих родителей тетя Апа, как и всегда, пыталась облегчить страдания нашей семьи. «Она была истинной мусульманкой», – часто повторял мой немногословный отец.

Лишения, голод, холод провоцировали среди депортированных разные болезни и эпидемии.

В разгар эпидемии тифа заболела и моя мама. Она выжила благодаря Аллаху и заботе, выхаживанию ее тетей Апой и ее двумя замечательными внучками – Кинжакул и Сауле. Внучкам тети Апы было за двадцать лет, а моей маме в ту пору было двадцать четыре года. Когда мама стала выздоравливать, девочки брали маму под руки и выводили на свежий воздух, при этом рассказывая ей историю своей семьи. От них и узнала мама, что сын Апы и невестка погибли в Караганде на шахте. И тогда сестра Апы перевезла ее с внучками сюда в Кзыл-Ординскую область станция Чиили. Слушая рассказы внучек тети Апы, мама отвлекалась от своих тяжелых мыслей и переживаний.

Воспоминания о пережитом в страшной депортации мама всегда заканчивала словами: «Если среди живущих на земле людей бывают святые, то тетя Апа одна из них».

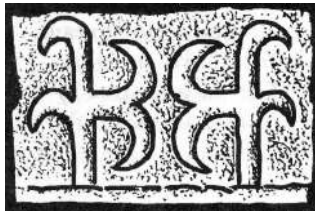
Мои родители после восстановления ЧИАССР в числе первых вернулись на историческую родину, прибавив к спасенному тетей Апой братику, четырех дочерей, чьей родиной стал Казахстан. А казахский народ, как спаситель моего народа, останется в нашей памяти навечно.

P.S. Незадолго до своего ухода из этого мира мама смотрела телевизор, шел концерт артистов чеченской филармонии. Объявили выход народного артиста РСФСР и ЧИАССР Валида Дагаева. Полились звуки домбры, а следом зазвучали задушевные казахские народные песни. Певец пел на казахском языке.

Кстати, Валид Дагаев хорошо владел казахским языком и очень гордился этим.

В репертуаре этого певца всегда звучали казахские песни. Я помню, как в этот момент у мамы по щекам текли слезы. Это были слезы бесконечной благодарной памяти. А еще мама очень любила замечательную казахскую певицу Розу Рымбаеву. Мама повторяла: «Она очень похожа на Сауле, внучку тети Апы».

От себя говорю: «Живи и процветай, родной Казахстан, ведь я родилась на твоей благодатной земле».

Элита Дадакаева

Махмуд

Рассказ

Мальчик подошел к пожилому человеку и сел рядом с ним на скамейку. Была поздняя осень, пахло сырными листьями и дымом. Небо было ясным.

– Ты кто, мальчик? Как тебя зовут?

– Махмуд.

– И меня тоже так зовут. У тебя перевязана ладонь, что случилось?

– Упал с дерева, когда рвал яблоки, вернее, я их воровал у бабы Барет, что живет на краю села.

Старик потерял старый шрам на своей левой ладони:

– А разве она не ругается, когда у нее крадут яблоки?

– О, еще как ругается, но она старенькая и никого догнать не может. А нане ничего не рассказывает, она у меня болеет.

– А как нану зовут?

– Тамара.

– У нее больное сердце, а ты хочешь ее расстроить, сделать больно?

– Я ей не скажу об этом. Да и когда упал с дерева, убежать не стал, а отнес яблоки бабе Барет и попросил у нее прощения. Она меня простила и еще дала молока для наны.

– А что сейчас здесь делаешь? Это тебя нана попросила пойти погулять?

– Да, к ней пришел доктор. Они о чем-то говорили, потом отец тихо заплакал, и нана попросила меня пойти часок погулять.

Старик хорошо помнил этот день. И потом всю жизнь жалел, что не остался дома. Не остался с наной до конца... когда он пришел вечером домой, ворота были открыты, женщины плакали, а к отцу подходили мужчины и читали молитву. Отец изредка отворачивался и быстро утирал набегавшую слезу.

– Не переживай, Махмуд, твоей маме скоро полегчает. Возле твоего дома растет большой орех, так ведь?

– Да, а рядом с орехом лежит большой камень. А под ним живет большая лягушка.

– Я знаю, она по вечерам громко квакает.

– Точно! И тогда я поливаю камень водой, чтобы она перестала квакать и не мешала нане спать.

– Но она все равно поет свои песни...

– Да, отец хотел убрать этот камень, но нана попросила оставить. И иногда, когда ей удастся встать с постели, мы с наной садимся на скамейку, рядом с этим камнем, и нана рассказывает мне сказки.

– Махмуд, знаешь, тебе надо срочно пойти к нане. Она хочет видеть тебя.

– Я тоже хочу ее видеть. Пойдем, деда, вместе. Она будет рада гостю.

– Пойдем.

Они прошли в комнату к больной. У двери стоял отец и разговаривал с доктором. Их никто не остановил, как будто не заметили. Женщина, слабо дыша, открыла глаза и улыбнулась им. Перед ней стоял старик. Она подозвала его, и когда старик встал на колени перед ее кроватью, молодая женщина дрожащими руками утерла его слезы.

– Сынок, я так долго ждала тебя...!

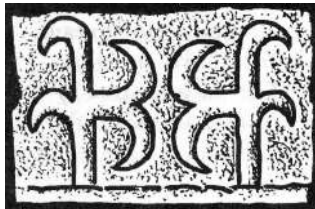
– Нана, я больше никогда не оставлю тебя одну!

Дверь в комнату открылась и вошел высокий молодой мужчина.

– Дада, дада, ты почему перед кроватью сидишь? Тебе что, плохо?

Мужчина подбежал, поднял старика и уложил его в постель. Прислушался к дыханию, потом отвернулся к окну. Плечи его резко содрогнулись и раздался приглушенный стон.

В этот день все село собралось на похороны всеми любимого дедушки Махмуда. Много хорошего было сказано про него. Мудрый и щедрый, он всегда помогал людям словом и делом. К нему шли даже из других сел. Чтобы обсудить разные вопросы, вплоть до кровной мести. Он всегда находил выход из самого трудного положения. На свадьбах он, дедушка Махмуд, бывал всегда желанным почетным гостем. Все бы хорошо, и семья, и дети, и внуки, но какая-то тень печали сопутствовала ему в жизни. О себе говорить он не любил, а когда спрашивали, улыбался и говорил, что, мол, все хорошо... На похоронах людей было очень много, все только и говорили, что о внезапной смерти Махмуда. Так что переезд на второй день после похорон в это село новых жителей осталось почти незамеченным. Приехала какая-то молодая учительница с маленьким сыном.

*История***Мохмад-Салах Селяхов**

Селяхов Мохмад-Салах родился в 1961 году. Окончил в 1987 году филологический факультет ЧИГУ. Публиковался в журналах «Нана», «Дош», «Вайнах», «Дон», в газете «Вести республики». Пишет стихи и статьи историко-культурологического характера.

Член Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры ЧР.

Триада, способная укрепить дух и возвысить над мелочами жизни

Как высшее проявление мужества и благородства, как свидетельство гуманной морально-этической сущности человека, принято воспринимать по нормам чеченского менталитета любое слово, сказанное с целью примирения, любые действия, направленные на разрядку конфликтной ситуации. Тому, кто делает первый шаг навстречу противоборствующей стороне, с готовностью протянуть руку, чтобы положить конец малой ссоре или большому конфликту, в народе всегда относились с большим уважением. Здесь критерий оценки таков, что только сильные и добропорядочные, а не малодушные и подлые, способны остановить зло от разрастания и уничтожить его. Общеизвестно, что по канонам Ислама, сеющий между людьми, племенами и народами вражду признается союзником дьявола – врагом всего человечества. А человека, своим языком или, скажем, поступками уличенного в таких злодеяниях, считали недостойным уважения. С такими людьми не только не дружили, но и предельно сторонились их, чтобы не поддерживать мало-мальского контакта, во избежание чего-то плохого.

В чеченском языке есть устоявшиеся штампы-определения, характеризующие их. Приведем некоторые из них: «иман а, беркат а шайца доцу нах¹», «зуламан дай²», «питан даржош волу стаг³» и т.д. Ведь ни для кого не секрет, что по вине именно такой категории лиц, по своей природе являющихся противниками всего доброго и гуманного, в здоровых межличностных отношениях на уровне семьи, родственников, соседей и другого сообщества людей, наступает кризис с непредсказуемыми последствиями. Во все времена человеческой истории именно эти сообщники, сказать еще точнее, жалкие прислужники бесов, всегда выступали против жизнеутверждающих начал добра, постоянно занимаясь сеянием зла. Они буквально получают дьявольское удовлетворение, которое выражается в самозабвенном злорадстве, когда видят результаты своих гнусных деяний. И, напротив, могут погрузиться в состояние глубокого психологического дискомфорта, если ситуация, вопреки их ожиданиям, принимает другой оборот и не доходит до высокого накала. Сколько разрушенных семей с детьми, лишенными родительского тепла, сколько расстроенных добрых отношений между друзьями, знакомыми и родственниками, и сколько размноженной ненависти и погубленных прекрасных благородных чувств числятся за этим чертовым племенем! У чеченцев существовал

апробированный временем, набор эффективных мер по противодействию любому посягательству на честь и достоинство человека. Если кто-либо наговаривал на другого с целью очернить его имя, то за такую клевету виновника ожидало тяжкое наказание, соразмерное нанесенному ущемлению репутации личности. Кроме всеобщего порицания, оно состояло из таких форм, как публичное извинение (корта тохар⁴), лишение право жить среди соплеменников (махках ваккхар⁵) и, в особо исключительных случаях, пострадавшая сторона могла прибегнуть к убийству клеветника, чтобы, смыв позор кровью, окончательно реабилитировать себя в глазах общественности. Здесь уместно отметить, что любой выпад в адрес женщины, так или иначе задевающий ее честь, род не оставлял без незамедлительной реакции, которая выражалась к привлечению к ответу и, при наличии веских оснований, наказанию виновного. В связи с этим необходимо констатировать, что, прежде чем вынести и, тем более, привести в исполнение приговор, говоря лексикой современной юриспруденции, проводилось доскональное разбирательство, в ходе которого самым тщательным образом изучались все факты, причины и условия, имевшие прямое или косвенное отношение к делу.

Как бы не были суровы законы гор, компромиссный вариант между противоборствующими сторонами не только не исключался, но и рассматривался как единственно правильный выход из сложившейся ситуации.

С самого начала к делу активно подключались переговорщики из числа авторитетных старейшин, представляющие нейтральные общины, которые занимались сглаживанием острых углов и созданием условий для заключения перемирия (маслафат).

Следует отметить, что этот сложнейший процесс состоял из отдельных пошаговых процедур, призванных с помощью взаимоуступок подготовить почву для обнуления конфликта и подвести его к окончательному завершению, путем рукопожатия (куйге бахийтар). В каждом конкретном случае разрабатывался пакет условий, необходимый для обязательного выполнения обеими сторонами-фигурантами, чтобы сделать предельно невозможным возобновление противостояния.

Меры общественного реагирования, оперативно принимаемые по определенной схеме, с учетом специфики каждого факта конфронтации, стали надежным заслоном, страхующим этнос от внутреннего разобщения, и, безусловно, свидетельствовали о наличии института примирения со всей атрибутикой народной дипломатии. Возникший на заре становления родо-племенной демократии, он всегда вносил весомую лепту в дело консолидации чеченского общества, постоянно выступая в качестве цементирующего фактора, укреплял узы его единства перед лицом внешних угроз.

Мужество, гуманность и благородство – вот триада основных нравственных ценностей, ставшая неиссякаемым источником силы для истинных представителей древнего рода Нохчи, чтобы они из всех испытаний поднялись выше мелочей жизни и вышли окрепшими духом.

¹ Иман а, беркат а шайца доцу нах (чеч.) – бук. «Люди без веры и благодеяния». Аналог русскому «Без чести и достоинства».

² Зуламан дай (чеч.) – бук. «Отцы зла».

³ Питан даржош волу стаг (чеч.) – бук. «Человек, который сеет интриги, сплетни, дрязги».

⁴ Корта тухар (чеч.) – бук. «Преклонить голову».

⁵ Махках ваккхар (чеч.) – бук. «Выселить из страны».

Рауль Вагапов

Развитие библиотечного дела в Чечне и Ингушетии в 1920-1980-е годы

(Окончание. Начало в №4 (2022))

В сегодняшний век цифровых технологий человечество постепенно уходит от контактов с печатной продукцией, в том числе и с книгами. Значение книги стремительно падает и, кажется, эта тенденция необратима.

На примере чеченцев, несколько раз лишившихся за одно столетие абсолютно всех своих достигнутых упорным трудом приобретений, можно приводить наглядные примеры бесценности, истинного смысла и значения такого понятия, как «культурное наследие», а оно тесно переплетается с историей, которую хранят в себе для потомков различного рода печатные материалы и рукописи.

Библиотечное дело является неотъемлемой частью культурного развития общества. Его состояние, как важной части культуры и образования, идеально показывает степень самочувствия духовности любой общности. Это и есть, пусть не единственный, но доминирующий показатель творческого и интеллектуального потенциала людей.

Глава 3 Состояние литературы и деятельность чеченских писателей в 1944-1957 гг.

Без писателей библиотеки просто невозможны.

Было бы глубоко ошибочно в этой работе взять и вычеркнуть 13 лет жизни литераторов республики с отмашкой на отсутствие (в силу известных причин) в тот период как такового библиотечного дела. Как бы трудно им ни пришлось в тот период, но застывшей на месте их деятельность не оставалась. Пусть не теми темпами, которыми могли бы, но работу свою ради будущего народа, его культуры и дальнейшего пополнения библиотечного фонда они продолжали.

При исследовании материалов можно обнаружить, что даже с учетом всех тяжестей своеобразное творчество чеченских писателей периодически появлялось. И тем бесценнее является их деятельность в годы депортации.

На первых порах, судя по имеющимся материалам, как правило, это были стихи, написанные согласно духу времени, находясь под впечатлениями от тех или иных событий. Известный писатель-драматург Абдул-Хамид Хамидов проделал путь от работника культурных учреждений Джамбула и Фрунзе до директора Дома народного творчества Киргизии и руководителя отдела театров Министерства культуры Киргизской ССР, а Нурдин Музаев заведовал редакцией чечено-ингушской художественной литературы при

Казахском литературном издательстве .

Были среди писателей и те, кто в начальные годы депортации трудился в библиотеках. Так, поэт Ахмад Сулейманов в 1948 году работал заведующим школьной библиотекой с. Науалы Семипалатинской области Казахстана. Успел поработать школьным библиотекарем в Ошской Киргизии и будущий классик чеченской литературы Абузар Айдамиров.

Был заведующим библиотекой совхоза «Четский» Четского района Карагандинской области Казахстана и писатель Зайнди Джамалханов.

Но нельзя говорить, что все чеченские писатели сумели устроиться по своему призванию. Часть из них трудилась в колхозах, стройучастках, на рудниках, возрождала сельское хозяйство. К примеру, Шима Окуев в 1954 году работал в шахте, а писатель Зияудин Абдуллаев – прорабом на разных стройках и, что примечательно, стал известен в те же годы (1950), когда его рассказы и очерки начали публиковаться в газете «Ленгерский рабочий» (Казахстан).

В этом ряду особое место занимает писатель, ученый-исследователь Магомед-Салах Гадаев.

В Киргизии, куда он был направлен во время переселения чеченцев, он трудоустроился в должности заведующего продовольственным складом. Наблюдая за происходящими вокруг трагическими событиями и видя голодающих несчастных людей, он совершил беззаветный, самоотверженный и в то же время самоубийственный по тем годам поступок – раздал все продукты .

Ему повезло, что не дали высшую меру наказания, но на 10 лет Магомед-Салаха приговорили. Отсидел он, правда, не до конца срока. Вышел по амнистии после смерти Иосифа Сталина .

Несмотря на то, что до депортации был издан только один сборник его произведений, самые пронизывающие, лирические и ставшие по-настоящему народными стихи были написаны именно будучи в высылке. Именно такие произведения, как «Дай бахна латта», «ЦIен берд» и «Даймахке сатийсар» являются самобытным и показательным наследием народа.

Еще один любопытный факт того периода: известный чеченский советский лингвист, кавказовед, доктор наук Юнус Дешериевич Дешериев не был в 1944 году депортирован в Среднюю Азию. По существу, о самом факте депортации он узнал лишь спустя некоторое время, когда стали приходить письма из Средней Азии. В тот период будущий прославленный ученый-филолог учился в аспирантуре в Москве.

Дешериеву приходилось скрываться, менять место жительства. За талантливого аспиранта, подающего большие надежды, заступились известные всей стране ученые-лингвисты – Варган Овесович Петросян, академик Иван Иванович Тешемиров и другие. По их совету он написал письмо в секретариат ЦК КПСС и Президиум ВС СССР. Таким образом, учителя Юнуса Дешериева отстаивали своего талантливого ученика и, как показала жизнь, не зря.

Юнус Дешериев стал не только первым в истории чеченцем, защитившим

докторскую диссертацию по филологии, но и всемирно известным ученым-кавказоведом, основоположником совершенно нового направления в лингвистике – социолингвистике и лауреатом многих международных и советских премий в области языкознания.

Среди важных для книжного дела Чеченской Республики событий в депортации стоит выделить и выход в 1956 году романа Саид-Бей Арсанова «Когда познается дружба». Над ним автор работал более 30 лет, но суждено его было закончить за год до возвращения на Родину после 13-летнего насильственного переселения народа .

Этот роман был высоко оценен и принят среди разных слоев населения и стал первым по состоянию на тот момент подобного рода произведением в чеченской литературе.

Надо учитывать, что чеченским писателям, особенно в первые годы в Средней Азии и Казахстане, запрещалась активная творческая деятельность, если работы в печать принимались, то это было большим событием.

На этом фоне любопытную историю о роли фольклора в жизни народа приводит профессор, член-корреспондент Академии наук ЧР Муса Ибрагимов.

По его словам, широкое хождение среди чеченцев во время насильственного переселения в Сибирь и Казахстан имели две поэмы (назмы), которые распространялись в письменной форме «из рук в руки».

«Широкое хождение среди чеченцев в начале 1950-х гг. имели две поэмы (назмы), которые распространялись вышеназванным способом среди спецпоселенцев. В конце текста песен была приписка вроде инструкции: «Тот, кому в руки попадет эта песня, обязан: переписать для себя; если неграмотный, то дать для переписки другому грамотному человеку, верующему в Бога. Читать ее нашим людям, где это доступно, желающим дать для размножения, а для людей, живущих вне вашей досягаемости, переслать по почте, указав фальшивый адрес отправителя. Это надо сделать, не упуская ни одной минуты. Тот, кто не сделает этого, будет ответственен за судьбу вымирающей нации – это истинная правда».

По словам Мусы Ибрагимова, изучая архивы Прокуратуры СССР, он нашел несколько судебных дел, по которым за распространение этих стихов неизвестного на тот момент автора на срок до 25 лет были осуждены несколько десятков спецпоселенцев-чеченцев. Им вменялось в вину, что явились инициаторами распространения среди чеченской молодежи «антисоветского документа религиозно-повстанческого характера» .

Что касается произведений о массовой депортации чеченцев в Среднюю Азию, первые из них появились в 1953 году. То есть, практически сразу же после смерти И. Сталина.

Так, к примеру, советский поэт и переводчик Семен Липкин написал цикл поэм под общим названием «Вождь и племя: Туман в горах» (1953).

В этих произведениях поэт проводил четкую грань между «прекрасным» самосознанием культуры и «отвратительным» самосознанием крови.

На момент начала активного возвращения чеченцев на историческую

родину, в 1958 году, поэт Марк Шехтер написал известные стихи «Песня про чеченца», посвященная одноименной нации, с представителями которой ему довелось пройти Великую Отечественную войну.

Именно на полях сражений в начале 1944 года, участвуя в глубоком танковом рейде на правобережной Украине, он узнал о депортации чеченцев. Шехтер, будучи лириком по самой природе своего дарования, прекрасно знал и понимал цену доброго поэтического слова, отличающегося сдержанностью чувства и задушевностью.

Да, таких произведений в поддержку депортированного чеченского народа было очень мало, но характер, смелая и даже в чем-то дерзкая позиция (особенно по тем временам) М. Шехтера поневоле вызывает к нему глубокое уважение.

...Не оружием прекрасен
И не им силен –
Золотым великодушьем
Поражает он.
Жарче крови,
Чище сердца
Нет ни у кого.
Вот вся правда про чеченца –
Брата моего.

(Отрывок из «Песни про Чеченца» М. Шехтера).

Глава 4 **Развитие библиотек Чечни** **в 60-80 гг. XX века**

Безусловно, при возвращении из 13-летней ссылки в ЧИАССР писателям и всем профильным структурам предстояло многое сделать, чтобы добиться успехов в возрождении чеченской литературы и библиотечного дела. В начальной стадии все было не так просто. Касается это в том числе и вопросов доступности объектов культпросвета. К примеру, библиотечной сетью как не были охвачены перед депортацией отдаленные населенные пункты, так и оставались.

Это подтверждает и стенограмма VI Чечено-Ингушской областной партийной конференции, которая состоявшейся 9-10 января 1958 года (ровно год спустя после восстановления ЧИАССР). Автором нижеприведенных слов является докладчик конференции, начальник Управления культуры при Оргкомитетете по ЧИАССР Татаев В. А.

«Следует отметить, что сплошь и рядом отмечаются факты невнимания к органам культуры на местах. Вам известно, что многие учреждения культуры находятся в запущенном состоянии. Многие из них работают в непригодных помещениях, которые не удовлетворяют самым элементарным требованиям клубной работы. Я могу привести такие данные, что из 418 помещений – 90% это бывшие дома, склады, мечети, церкви и т.д»..

Татаев отмечает, что в таких помещениях очень трудно организовать культурное обслуживание, «тем более зимой, учитывая, что во многих из них отсутствуют печи. Остается добавить, что материальная база учреждений культуры (я имею в виду оборудование, культинвентарь) не отвечает требованиям и не дает возможности использовать разнообразные формы культурной работы».

В этом же докладе Татаев называет конкретное количество населенных пунктов, в которых по состоянию на начало 1958 года нет ни одного учреждения культуры.

Всего в республике на тот момент имеется 50 населенных пунктов, где более 100 дворов и нет ни одного культурного очага. Исходя из этого необходимо перестроить свою сеть с точки зрения правильного обслуживания населения: где имеется два клуба, а где нет ни одного. Надо сделать так, чтобы во вновь организованных пунктах были созданы культурные очаги.

Вместе с тем, из доклада Татаева следует, что до конца 1958 года в республике расширится сеть учреждений культуры. Будут открыты: одна городская библиотека, 6 сельских библиотек, две детские библиотеки, девять сельских клубов, три передвижных клуба; открывается одна музыкальная школа, художественная школа, 3 киноплощадки, 13 киноустановок.

«Всего этого для нашей республики крайне недостаточно. Это то, что намечено народно-хозяйственным планом на 1958 год в Москве. Мне кажется, следует нам с вами серьезно продумать о расширении нашей сети во много раз. Возможности в республике имеются, только нужно взяться за это дело. Необходимо развернуть сеть, чтобы обеспечить улучшение культурного обслуживания трудящихся» .

Как видно из этого доклада, прошедшие 13 лет местные власти никак не посвятили развитию многих сел. Но это были уже те вопросы, которые предстояло решать всем вместе. И это было самое главное, ведь после многолетнего угнетенного состояния и вычеркнутых из жизни годов началось возрождение культурной жизни чеченцев.

Многое для литературы сделала и поэтесса Раиса Ахматова, которая в 1961-1983 гг. была председателем Союза писателей. Именно ее усилиями в республике были введены звания Народного писателя и Народного поэта ЧИАССР.

Следует отметить, что 60-80 годы XX века были самыми плодотворными в развитии чечено-ингушской литературы: произведения писателей республики стали известны и пользовались большой популярностью не только на Северном Кавказе, но и во всем Советском Союзе, а также в Европе. Более 300 произведений русской и мировой литературы было переведено на чеченский язык, и более 200 на ингушский язык.

С 1968 года в записи «Летописи печати ЧИАССР» начали входить следующие разделы:

Книги и брошюры (отдельно выделены в разделе «книги и брошюры» были авторефераты диссертаций).

1. Печатная графика.
2. Летопись газетно-журнальных статей.
3. Летопись рецензий.
4. Республика в печати СССР и зарубежных стран.
5. Периодические и продолжающиеся издания. Согласно записям этого справочника, в том же году в республике было выпущено 2191 наименований литературы, тиражом около 2 млн. экземпляров.

Глава 5 Расцвет и закат ведущих грозненских книгохранилищ XX века

При всех сложностях, в которых периодически оказывались чеченцы, библиотечное дело всегда было востребованным. Благодаря стремительному развитию в данном направлении, уже в 80-х годах книжный фонд ЧИАССР считался одним из самых крупнейших в России, и в частности на Северном Кавказе. Но уже в период двух военных кампаний в середине 1990-х и в начале 2000 гг., библиотекам Чеченской Республики был нанесен непоправимый урон. Они потеряли более 60 миллионов книг и документов.

Потери, в том числе, уникальные книги – чеченские буквари на латинице, изданные в 20–30-е годы прошлого века.

В 1981 году в Чечено-Ингушетии имелись 482 массовые библиотеки. В их числе были крупнейшие не только в республике, но и на всем Северном Кавказе библиотеки (научные, технические, массовые) объединений «Грознефть», «Гипрогрознефть», институтов «СевКавНИПИнефть», Чечено-Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук (бывшего НИИ истории, социологии, филологии), детская им. А. П. Гайдара и другие.

В 1983 году Республиканской библиотеке им. А. П. Чехова был присвоен статус Государственной универсальной научной библиотеки. Это событие стало еще одним убедительным признанием влиятельной роли учреждения. Общий книжный фонд библиотек республики вырос со 110 тысяч в 1927 году до пяти миллионов восьмисот тысяч экземпляров к началу 1980 г.

К началу 90-х годов Общий фонд библиотеки достиг 2 млн. 648,6 тыс. единиц хранения, включая уникальные издания.

В 1985 году услугами библиотек республики пользовалось около 600 тысяч человек – жителей и гостей Чечни.

Из-за военных действий, которые начались в Чечне зимой 1994 г., Республиканская библиотека им. А. П. Чехова была полностью разрушена.

Разрушение Республиканской библиотеки имени А. П. Чехова и вместе с ней утрата архива стали большим ударом не только в области культуры Чеченской Республики, но и для культурно-просветительской жизни страны в целом.

Тяжелый удар, нанесенный библиотечному делу Чечни, сказывается

по сегодняшний день. Писатель Тамара Чагаева в «Литературно-Географическом атласе Чеченской Республики», автором которого является, пишет:

«Работая над сборником, мы очень остро чувствовали нехватку материала и каждый раз добрым словом вспоминали замечательную «Чеховку», в которой хранилось 2 млн. 648 тыс. экз. книг и которая была полностью уничтожена во время войны».

Значение уничтоженных архивов невозможно переоценить. Практически все научные, писательские труды, издаваемые в республике, собираются по крупицам, в силу отсутствия нужных материалов, погибших под обломками зданий или сгоревших в пожарах во время военных действий.

«Еще одной черной страницей для чеченской культуры явилась гибель библиотеки Республиканского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Фонд библиотеки включал не только редкие издания, имевшие большую историческую ценность, но и большое количество неопубликованных материалов, собранных за десятилетия научных экспедиций по Чечне. Ее также постигла печальная участь главной национальной библиотеки. Представляю, насколько упростилась бы наша задача, если бы эти и многие другие библиотеки Чечни не оказались в руинах».

Во второй половине 20-го века, а особенно в 60-80 годы, библиотеки в Грозном были очень популярными, рассказывает ветеран чеченской журналистики, коренной житель Грозного Руслан Темуркаев.

Если СССР считался самой читающей страной, то среди городов Советского Союза, уверен он, Грозный твердо занял бы более чем достойное место.

В те годы художественная литература прочно вошла в жизнь людей.

Широким успехом пользовалась в Грозном всесоюзная акция, в рамках которой за 20 кг сбора макулатуры можно было получить хорошую книгу.

«Это сейчас молодым людям что-то подобное может показаться недостойным их внимания, но тогда в Грозном был своеобразный бум, когда старые газеты, и в целом, пришедший в негодность бумажный материал собирался жителями самых разных поколений и с охотой относился в соответствующие пункты приема. За такой не особо обременительный труд я со своими сверстниками не раз получил заветную книгу. Особым успехом тогда пользовались романы Александра Дюма. Библиотеки действительно являлись одним из самых любимых мест горожан. Не было дня, чтобы в них не бурлила жизнь. Зайдешь, вроде и тишина такая уютная, а при этом забитые посетителями залы».

По его словам, создание собственных домашних библиотек считалось особенно почетным делом в обществе:

«Часто в моем круге приятелей, знакомых и однокурсников шла речь – у кого и какими книгами представлена дома библиотека, сколько экземпляров в нее входит. Нередко ходили мы и на улицу Первомайская, где возле «Глобуса» собирались книголюбы и филателисты. Там всегда можно было

совершить обмен, достать редкую по тем временам книгу. Одним словом, литература пользовалась большим спросом среди населения. Потребность в духовной пище шла на втором месте после хлеба».

Руслан Темуркаев объясняет особую привязанность чеченцев к книгам в период СССР с проведенными 13 годами в депортации:

«Я думаю, что после тех событий люди особенно сильно рвались к образованию. Это объяснялось тем, что в каждой семье хотели наверстать упущенное за 13 лет. Поэтому уделяли повышенное внимание не только учебе, но и с большим удовольствием записывались в библиотеки, ходили в читальные залы, приобретали книги в магазинах, выписывали газеты. Сейчас этого нет. И даже если бы существовали все эти разрушенные здания, то все равно бы не было. Сегодняшнее поколение полностью ушло в интернет».

Подводя итоги, можем сказать, что в развитии библиотечного дела в Чечне и Ингушетии в советский период были этапы ускоренного роста и кризиса. Ущерб, нанесенный книжному фонду республики годами депортации в Казахстан и Среднюю Азию, восстанавливался десятилетиями.

Наиболее благоприятными для развития науки, образования, культуры и, конечно, библиотечного фонда Чечено-Ингушетии были 1970-1980-е годы. Однако, трагические события 1990-х годов вновь остановили и затем отбросили назад процесс развития культурного наследия чеченского народа.

Огромной потерей стало и уничтожение в ходе боевых действий здания Научно-исследовательского института гуманитарных исследований, в библиотеке которого хранились труды известных кавказоведов, полевые материалы научных изысканий по языкам вайнахских народов и их этнографии, а в специальных хранилищах находились оригинальные средневековые книги и рукописи.

Были разрушены и другие учреждения культуры: Центральная научно-техническая библиотека, Республиканская детская библиотека, библиотека Чеченского государственного университета, обладавшая фондом свыше 1 млн. экземпляров, архивы творческих союзов.

На этом фоне стоит отметить – сегодня библиотечное дело находится в процессе перерождения. Что из этого получится, пока не совсем ясно. Мы только видим, что вопрос с книгохранилищами завис на стыке двух миров – нашего и виртуального. Уже сейчас обычным библиотекам приходится конкурировать с электронными. При этом, никакие другие виртуальные интеллектуальные образовательные центры, как их ни назови, не заменят дух самобытных библиотек.

Красивое, современное здание библиотеки всегда можно построить. Это по силам человеку. Наполнить его полезным, нужным, ценным материалом – задача уже сложнее и на долгие годы, но и это решаемый вопрос.

Получается, что можно всегда и здание для книг построить и обеспечить его полезным материалом. Вот только напрашивается вопрос: а насколько библиотеки желанны сегодня в среде молодежи? Мы ведь видим, с каким упоением отдают свои голоса молодые люди в пользу дальнейшего развития цифрового мира. Это удобно. Комфортно. Легко. Но нет ничего

обнадеживающего в том, что современное подрастающее поколение предпочитает черпать вдохновение в интернете, жить и развиваться, уставившись в монитор. Поисковая система и «качественный контент» методично уничтожают книжную продукцию. И это плохо.

«Несомненно, через одно-два поколения книга в ее нынешнем качестве исчезнет, будет доступна узкому кругу специалистов – сейчас это можно сказать о текстах на папирусе, пергаменте и т.д. Мировосприятие людей, отказавшихся от бумажных книг, конечно, изменится – это будут, попросту говоря, другие люди, какие именно – сейчас мы не можем даже предполагать».

Это говорит директор Государственного музея истории российской литературы имени Владимира Даля. И он прав.

Каждый растет с тем, что ему досталось, и с чем ему легче. Человек ценит и любит все привычное для себя.

Люди все реже ходят за книгой. Они в современном веке предпочитают девайсы в руках, но даже так – с экрана, читают книги в редких случаях. В большинстве случаев из-за необходимости.

«Если в 2017-2019 годах число посещений библиотек выросло на 7%, то в 2020 году число зарегистрированных пользователей библиотек сократилось на 8,7 млн человек, по сравнению с 2019 годом, и составило 41,7 млн человек. Сокращение произошло в 82 субъектах Российской Федерации», – говорится в отчете Счетной палаты.

В докладе также отмечается, что сокращается сеть библиотек, единственного вида учреждений культуры, предоставляющих бесплатные услуги населению, в отдельных регионах; а при ликвидации, реорганизации библиотек не всегда учитывается мнение жителей.

При этом востребованность библиотечных услуг у населения сохраняется.

Говорил на эту тему и Президент России Владимир Путин в ходе большой пресс-конференции в 2016 году:

«Мы пытаемся возродить библиотеки в целом, на новой базе, потому что просто так прийти и перелистывать книжки очень интересно, очень важно посмотреть иллюстрации, чтобы текст был перед глазами. Современные носители информации вытесняют, конечно, книгу, это очевидно... Нужно библиотеки превращать в новые мультимедийные центры и с книгой, и с интернетом».

Действительно, цифровой мир диктует свои условия, и печатная продукция уходит на задний план. Все больше внимания уделяется развитию и созданию электронных библиотек, что приводит к сокращению финансирования библиотечных услуг и, следовательно, снижению библиотек. Если и дальше так называемый виртуальный мир будет отбирать у людей все новые территории, насколько сильно человек будет духовно опустошен в скором будущем?

Ведь подрастающее поколение все меньше прикасается к книгам, редко получает от этого удовлетворение и уходит от понимания сути истинного значения библиотек и библиотечного дела, содержать которые, очевидно,

становится не совсем целесообразно. Все, сплошь и рядом, уж слишком болезненно зависят от интернета. И эта зависимость до добра, определенно, человечество не доведет.

В распоряжении Правительства Российской Федерации «Об утверждении стратегии развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года» отмечается, что «последние 20 лет сеть библиотек в стране находится в состоянии неизменного сокращения».

За указанный период количество общедоступных библиотек уменьшилось почти на 30 процентов.

Сокращение наблюдалось во всех федеральных округах и обусловлено не только уменьшением населения в зоне обслуживания, но и недостаточным финансированием библиотечной сферы и другими причинами. Наиболее уязвимыми оказались сельские библиотеки, сеть которых с начала века уменьшилась на 25,7 процента.

В документе также отмечается, что современные информационно-коммуникационные технологии оказывают критичное воздействие на развитие общества.

По словам кандидата экономических наук Леонида Плотникова, на сегодняшний день активными пользователями Сети являются 45 процентов жителей планеты, что равносильно цифре в 3,3 миллиарда.

По его словам, если пропадет интернет, то людям придется получать информацию из альтернативных источников: книг, телевидения, радио, печатных изданий. Студенты, вместо того чтобы скачивать курсовые работы, будут вынуждены писать их самостоятельно, просиживая часами за учебниками в библиотеке.

На мой взгляд, такой вариант исхода пошел бы на пользу человечеству.

